Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова»

На правах рукописи

АЛЕКСАНДРИЯ ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА

ОГРАНИЧЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
(2010 – начало 2020-х гг.)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук
Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Научный руководитель:
доктор политических наук
САВЕЛЬЕВ А. Г.

Москва
2023

Оглавление

Введение …… **3**

Глава I. Роль и место концепции стратегической стабильности в выработке договоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений …….……. **22**

1.1. Формирование концепции стратегической стабильности в США **22**

1.2. Подходы СССР к определению стратегической стабильности **.....** **45**

1.3. Договоры СНВ и их влияние на стратегическую стабильность **...** **74**

Глава II. Факторы стагнации переговорного процесса после Договора СНВ-3. …...……..……..…….. **99**

2.1. Переговорный процесс после 2010 г. **……..** **99**

2.2. Изменение взглядов сторон на стратегическую стабильность **….** **106**

2.3. Проблема многосторонних переговоров **……..……...…** **127**

Глава III. Перспективы достижения следующего договора по ограничению ядерных вооружений. …… **140**

3.1. Нулевой вариант – проблема полной ликвидации ядерных вооружений **……..….** **140**

3.2. Политика США и России в отношении будущих переговоров и новые направления контроля над вооружениями **……...…...** **161**

3.3. Возможное влияние последствий Украинского кризиса на перспективы контроля над ядерными вооружениями **.....** **181**

Заключение …….…….. **192**

Библиография …….....…….....…….....……..... **196**

Список сокращений и аббревиатур ..**……...** **223**

Введение

Актуальность темы исследования. Вопросы ограничения, сокращения и полной ликвидации ядерных вооружений стоят на повестке дня политики национальной безопасности СССР и Российской Федерации, мировой политики в целом уже более полувека. По мере осознания того факта, что путем гонки ядерных вооружений невозможно достичь решающего военного превосходства над «вероятным противником», Советский Союз и Соединенные Штаты предприняли серьезные усилия для «упорядочения» своих стратегических отношений в рассматриваемой области. На первых этапах речь шла о достижении предсказуемости действий сторон, об ограничении неконтролируемого развития стратегической противоракетной обороны (ПРО) и наращивания стратегических ядерных арсеналов сторон. Затем, о более радикальных мерах в сфере ядерного разоружения. Речь идет о резком понижении уровня ядерного противостояния, о глубоких сокращениях накопленных арсеналов этого оружия и даже о полной ликвидации и запрете отдельных категорий таких вооружений. Более того, как со стороны США, так и со стороны СССР периодически заявлялось о стремлении к полному ядерному разоружению или о достижении так называемого «глобального ядерного нуля» в общемировом масштабе. Такая цель, наряду с прочим, была зафиксирована и в международных соглашениях, в частности, в Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 года.

Процесс ограничения и сокращения ядерных вооружений проходил во многих случаях сложно, даже с серьезными сбоями. Но в масштабе нескольких десятилетий он имел поступательный характер. По многим заслуживающим внимания оценкам, начиная с 1990-х годов, СССР и США сократили свои ядерные арсеналы почти в 10 раз. Определенные сокращения своих ядерных арсеналов осуществили Франция и Великобритания. При этом договорными

обязательствами между СССР и США были охвачены только стратегические наступательные вооружения (СНВ), а также ракетно-ядерное оружие средней и меньшей дальности (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 года[1], Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности 1987 года[2]). Тактическое ядерное оружие сокращалось каждой из сторон в одностороннем порядке и без соответствующих мер контроля, как это было принято в отношении стратегических систем вооружения.

Во второй половине 2020 года в связи с приближавшимся окончанием срока действия Договора между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений[3] (СНВ-3, вступил в силу 5 февраля 2011 года) между РФ и США активизировалось взаимодействие по вопросу о его продлении и общим перспективам контроля над ядерными вооружениями. Эти переговоры выявили серьезные расхождения сторон по данной проблеме. В частности, Соединенные Штаты настаивали на привлечении к переговорам по ядерным вооружениям Китая, а также заявляли о необходимости учета в будущем соглашении всех ядерных вооружений сторон, включая нестратегическое ядерное оружие. Все это выдвигалось администрацией президента Д. Трампа в качестве условия продления СНВ-3 еще на пятилетний период (как это было предусмотрено данным Договором).

---

[1]Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 31 июля 1991 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[2] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 8 декабря 1987 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[3] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 01.03.2023).

Россия возражала против того, чтобы оказывать давление на КНР с целью привлечения ее к будущим переговорам. В РФ исходили из того, что Китай должен самостоятельно и без дополнительного давления принять соответствующее решение. Что касается нестратегического ядерного оружия, то РФ в принципе выступала против такой увязки с вопросом о продлении действующего Договора СНВ-3. В конечном итоге администрация президента Дж. Байдена пошла на продление этого Договора в 2021 году на пять лет до 5 февраля 2026 года без каких-либо дополнительных условий. После ратификации обеими палатами Федерального Собрания Российской Федерации, Президентом РФ был подписан федеральный закон о продлении этого Договора[4].

Таким образом, можно отметить, что в сфере ограничения и сокращения ядерных вооружений остается целый ряд вопросов, требующих дополнительного анализа. В частности, необходим был полномасштабный учет целого комплекса процессов последних лет, связанных с политикой США, которая, как считали в России, вела к подрыву основ стратегической стабильности, взаимное понимание которой складывалось на протяжении длительного периода времени. В связи с этим в диссертации была проделана соответствующая исследовательская работа, которая свидетельствует о высокой актуальности темы настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы исследования. Материалы, на которые опирается исследование, можно разделить на три группы.

К первой группе относятся монографии, посвященные советско-американским и российско-американским отношениям в сфере ядерных вооружений. Среди этих исследований следует отметить, прежде всего,

---

[4] Федеральный закон «О ратификации Соглашения о продлении Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 года» от 29 января 2021 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/64949 (дата обращения: 01.03.2023).

работы академика РАН Кокошина А.А.[5,6], являющиеся фундаментальными для понимания формирования идеи стратегической стабильности. Монография Савельева А.Г.[7] позволяет проанализировать уровень взаимодействия стран по вопросу ядерного разоружения. Монография академика Арбатова А.Г.[8] посвящена вопросам предотвращения ядерной войны и договорам по ограничению ядерных вооружений.

Ко второй группе относятся книги отечественных и зарубежных авторов. Для того, чтобы перейти к рассмотрению темы в рамках 2010 – начала 2020-х гг., необходимо для начала проследить предпосылки формирования политики ведущих стран, в том числе СССР, к рассматриваемой в настоящей диссертации проблеме. Батюк В.И. и Евстафьев Д.Г. [9] одними из первых в своём труде пытаются объяснить причины обострения конфликта между СССР и США после Второй мировой войны, который привёл к конфронтации, определяющей мировой порядок по сей день. Кокошин А.А., Веселов В.А. и Лисс А.В.[10] разграничивают подходы к ядерному сдерживанию в «первом ядерном веке» и во «втором ядерном веке», который начался, по их мнению, в конце XX века. Вопросы обострения советско-американских отношений и их будущее активно изучали и иностранные исследователи. Ещё в 1946 году, на следующий год после атомной атаки на Хиросиму и Нагасаки, Б. Броди, Ф. Данн и А. Волферс (B. Brodie, F.S. Dunn, A. Wolfers)[11] опубликовали книгу, рассматривающую доктрину войны в ядерный век. По их мнению, наличие ядерного оружия защищает страну от ядерного нападения, что, наряду с

---

[5] Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. Изд. 2, перераб. и сущ. доп. — М.: URSS, 2011. — 464 с.
[6] Кокошин А.А. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание в обеспечении национальной безопасности России. — М.: URSS, 2015. — 128 с.
[7] Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2. — ИМЭМО РАН Москва, 2000. — 155 с.
[8] Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. – Москва: Изд-во «Весь Мир», 2021. – 432 с.
[9] Батюк В.И. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. / В.И. Батюк, Д.Г. Евстафьев. – М.: Рос. унив. изд-во, 1995. – 253 с.
[10] Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке. — Институт проблем международной безопасности РАН. – Москва, 2001. — 69 с.
[11] The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie, F.S. Dunn, A. Wolfers et al. Yale University. Institute of International Studies. Harcourt: Brace, 1946 – 214 p.

прочим, привело к формированию идеи о «минимальном ядерном сдерживании». В 1957 году Р. Осгуд (Robert Osgood)[12] пишет о рациональном использовании военной силы, приводя аргументы в пользу проведения политики сдерживания. К трудам, позволяющим проанализировать исторические предпосылки рассматриваемой проблемы, также относятся совместная работа Кокошина А.А., Сагдеева Р.З., Васильева А.А.[13], работа по редакцией Подвига П.Л.[14], работы Б. Броди[15], Т. Шеллинга[16], А. Уолстеттера[17].

В трудах начала XXI века авторы особенно подчёркивают важность стратегического сдерживания за счет наличия ядерного оружия. В частности, эта мысль лежит в основе работ Барсенкова А.С. и Веселова В.А.[18], а также Ромашкиной Н.П., Маркова А.С. и Стефановича Д.В.[19]. Г. Шульц, С. Дрелл и Л. Гудби (G.P. Shultz, S.D. Drell, L.E. Goodby)[20] особое внимание уделяют сравнению роли и значения сдерживания в период «холодной войны» и в нынешнее время, пытаясь донести мысль о необходимости переоценить роль ядерного оружия, чтобы политика сдерживания стала надёжным инструментом государственного управления. Например, Э. Колби и М. Герсон (Elbridge A. Colby и Michael S. Gerson)[21] в своей работе подробно

---

[12] Osgood R. Limited war: the challenge to American strategy / Robert Osgood. - Chicago: University of Chicago Press. 1957 — 315 p.

[13] Кокошин А.А., Сагдеев Р.З., Васильев А.А. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений. – М.: М., 1989. — 62 с.

[14] Стратегическое ядерное вооружение России / Кол. авторов под редакцией П.Л. Подвига. – М.: ИздАТ, 1998. – 492 с. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: http://www.armscontrol.ru/course/rsf/rsf.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[15] Brodie B. The Future of Deterrence in U.S. Strategy. Security Studies Project, University of California, 1968. — 145 p.

[16] Schelling T.C. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1967. — 293 p.

[17] Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror (abridged version) // Foreign Affairs. — January 1959. — Vol. 37, No. 2. — P. 211-234.

[18] Вопросы обеспечения стратегической стабильности в советско-американских и российско-американских отношениях: теоретические и прикладные аспекты / А.С. Барсенков, В.А. Веселов, В.И. Есин, И.А. Шеремет. — Издательство Московского университета. – Москва, 2019. – 144 с.

[19] Ромашкина Н.П., Марков А.С., Стефанович Д.В. Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии / отв. ред. А.В. Загорский, Н.П. Ромашкина. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 98 с.

[20] Deterrence. Its past and future / Ed. by G.P. Shultz, S.D. Drell, L.E. Goodby. Stanford: Hoover Institution Press, 2011 — 553 p. [Электронный ресурс] // Hoover Institution, Stanford University [Официальный сайт]. URL: https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/goodby_shultz_-_the_war_that_must_never_be_fought_-_scribd.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[21] Strategic stability: Contending interpretations / Ed. by E.A. Colby, M.S. Gerson. Strategic Studies Institute and US Army War College, 2013 – 449 p.

рассматривают понятие «стабильность взаимного сдерживания». Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К.[22], в свою очередь, поднимают вопрос о дальнейшем сокращении ядерных вооружений и переходе к «миру без ядерного оружия».

К третьей группе можно отнести многочисленные статьи, поднимающие различные вопросы, связанные с ядерными вооружениями. Часть статей посвящена вопросам значения и роли договоров по контролю над ядерными вооружениями. В их числе статьи Арбатова А.Г. [23,24,25], Веселова В.А. [26,27], Савельева А.Г. [28] и других авторов. Кроме того, ряд научных статей посвящены проблемам развития систем противоракетной обороны, их месту и роли в обеспечении стратегической стабильности. Наибольшее внимание этому вопросу уделяют Есин В.И. [29,30], Дворкин В.З.[31] и целый ряд других российских и западных авторов. Помимо этого, многие авторы поднимают вопрос о вовлечении Китая в переговоры по ядерному разоружению[32]. Большой интерес для исследования представляют иностранные труды,

---

[22] Россия и дилеммы ядерного разоружения. Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева (2-е изд. перераб. и доп.). – М., ИМЭМО РАН, 2012 (2-е изд. перераб. и доп.). — 290 с.

[23]Арбатов А.Г. Договор по ПРО и предотвращение гонки вооружений в космосе // Разоружение и Безопасность 1987. Ежегодник. — Москва, АПН, 1988. — С. 75-126.

[24] Арбатов А.Г. Договор о ракетах средней дальности – 30 лет спустя // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61. – № 9. — С. 5-15.

[25] Арбатов А.Г. Проблемы и дилеммы следующего договора СНВ // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65. – № 6. — С. 5-20.

[26] Веселов В.А. Развитие ядерной стратегии США в начале XXI века // Новая и новейшая история. — 2021. — Т. 65. – № 1. — С. 169–180.

[27] Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2016. — Т. 8. – № 4. — С. 51-84.

[28] Савельев А.Г. Договор о ракетах средней и меньшей дальности и стратегическая стабильность // Безопасность и контроль над вооружениями 2017-2018: преодоление разбалансировки международной стабильности / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. — Политическая энциклопедия. – Москва, 2018. — С. 32–40.

[29] Есин В.И. Американская и российская системы противоракетной обороны и стратегическая стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2017. — № 4. — С. 3–41.

[30] Есин В.И. Развитие американской и российской систем противоракетной обороны и стратегическая стабильность // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. академика РАН А.А. Кокошина. — Издательство Московского университета. — Москва, 2017. — С. 137–159.

[31] Дворкин В.З. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. – № 8. — С. 5-12.

[32] Савельев А.Г. Уместно ли на троих? О возможных последствиях вовлечения Китая в переговоры по ядерному разоружению // Россия в глобальной политике. — 2020. — № 4. — С. 202-215.

посвящённые вопросу ограничения распространения ядерного оружия. Из основных авторов можно отметить работы Т. Шеллинга (Schelling T.C.)[33], Б. Броди (Brodie B.)[34], П. Моргана (P. Morgan) [35], Дж. Сиринсионе (J. Cirincione) [36].

Здесь же следует подчеркнуть, что в данном разделе упомянута только часть работ российских и зарубежных авторов, опубликованных в течение всего периода двух «ядерных веков». Общий список таких работ мог бы занять несколько десятков страниц, поэтому автор счел возможным отметить только часть из них, имеющих непосредственное отношение к содержанию настоящего исследования. При этом автор не желал бы принижать значение не упомянутых здесь авторов и их исследований, часть из которых вошла в общий список литературы и указана в постраничных ссылках.

Источниковая база исследования включает в себя документы, так или иначе связанные с проблемой ограничения и сокращения ядерных вооружений. К таким документам, наряду с прочими, мы относим тексты ряда международных договоров, включая Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года (Договор по ПРО)[37], Договоры об ограничении стратегических вооружений (Временное соглашении между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-1 1972 года)[38],

---

[33] Schelling T.C. The future of arms control // Operations Research. 1961. — Vol. 9. No. 5. — P. 722–731.

[34] Brodie B. The development of nuclear strategy // International Security. 1978. — Vol. 2. No. 4. — P. 65–83.

[35] Morgan P. Deterrence Now. Cambridge University Press, 2003. — 331 p.

[36] Cirincione J. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction / J. Cirincione, J. B.Wolfstal, M. Rajkmar. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. – 465 p.

[37] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs-abm.htm. (дата обращения: 06.04.2023).

[38] Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt (дата обращения: 06.04.2023).

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор ОСВ-2 1979 года)[39]), Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности 1987 года (ДРСМД)[40], Договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 года (СНВ-1) [41], Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений 1993 года (СНВ-2)[42]) и Договор между Российской Федерацией и Соединёнными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений 2010 года (СНВ-3)[43]. В эту же категорию источников включены тексты документов, имеющих непосредственное отношение к договорам по контролю над ядерными вооружениями. Прежде всего, это протоколы к названным договорам, совместные заявления сторон, тексты «рамочных» соглашений и другие. В диссертации также использованы массивы официальных документов

---

[39] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений. 18 июня 1979 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt (дата обращения: 01.04.2023).

[40] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 8 декабря 1987 года. [Электронный ресурс] // ООН. [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[41] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 31 июля 1991 года. [Электронный ресурс] // ООН. [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[42] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 3 января 1993 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/dogovor.htm (дата обращения: 06.04.2023).

[43] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 06.04.2023).

администраций и законодательных органов РФ и США, имеющих непосредственное отношение к исследуемой проблематике, в том числе в общем контексте национальной безопасности и обороны (доктрины, концепции, стратегии). В качестве источников также использовались заявления и выступления официальных лиц Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки, публикуемые в средствах массовой информации двух стран.

Объектом исследования является политика Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки в сфере контроля над вооружениями.

Предметом исследования является политика ограничения и сокращения ядерных вооружений в отношениях России и США.

Цель исследования – выявление новейших тенденций в области ограничения и сокращения ядерных вооружений в отношениях РФ и США, а также определение в этом процессе роли третьих ядерных держав, в том числе с учетом жесткого противостояния США и их союзников с Россией[44].

Задачи исследования:

- проследить формирование концепции стратегической стабильности в России (СССР) и США;

- оценить степень влияния концепции стратегической стабильности на выработку договоров по стратегическим наступательным вооружениям;

- определить основные факторы стагнации переговорного процесса по ядерным вооружениям в период после 2010 года;

- выявить основные изменения взглядов экспертного сообщества на проблему сохранения и укрепления стратегической стабильности;

- рассмотреть основные аспекты возможности проведения переговоров по ядерным вооружениям в многостороннем формате;

- дать оценку концепции «глобального ядерного нуля».

---

[44] Под «третьими ядерными державами» имеются в виду «официальные» члены «Большой ядерной пятерки» - КНР, Великобритания и Франция.

Гипотеза исследования. В настоящем диссертационном исследовании автор исходил из предположения о том, что вопросы контроля над ядерными вооружениями не ушли из повестки дня международных отношений в результате событий 2021-2022 гг., когда отказ США и их союзников учитывать требования России по гарантиям ее безопасности привел к значительному обострению международной напряженности. До окончания срока действия «продленного» Договора СНВ-3 (4 февраля 2026 года), Россия и США еще имеют потенциальную возможность возобновить официальные контакты по данному вопросу. В случае неудачи, Россия будет вынуждена полагаться на односторонние меры по обеспечению стратегической стабильности, включая развитие своего арсенала сил и средств стратегического ядерного сдерживания, для чего в России имеется достаточная производственно-экономическая и научно-техническая база.

Методологическая основа исследования. Теоретико-методологической основой исследования являются принципы, определяющие сохранение главенствующей роли в современных международных отношениях суверенных государств как ведущих субъектов системы мировой политики[45]. Особенно следует отметить разработку проблемы обеспечения реального суверенитета в политике России, в том числе за счет должного внимания к силам и средствам стратегического сдерживания[46].

Большое значение для изучения проблем в рамках темы исследования имеют труды по теории стратегического ядерного и неядерного сдерживания таких отечественных ученых, как Буренок В.М.[47], Гареев М.А.[48], Кокошин

---

[45] Лебедева М.М. Мировая политика в XXI в: акторы, процессы и проблемы. — М.: МГИМО (У), 2009. — 72 с.; Очерки теории и политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. — М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям 2002. — 380 с.

[46] Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. — Москва: URSS, 2005. — 72 с.

[47] Буренок В.М., Печатнов Ю.А. Стратегическое сдерживание. М.: Издательская группа «Граница», 2011. — 184 с.

[48] Гареев М.А. Проблемы стратегического сдерживания в современных условиях // Военная Мысль. — 2009. — № 4. — С. 2-9.

А.А.[49], Балуевский Ю.Н., Шляхтуров А.В.[50], Шеремет И.А., Есин В.И.[51]. В соответствии с идеями неореализма (К. Уолтц[52]), международные отношения и мировая политика анализируются с точки зрения их системности.

В рамках проведенного исследования использовались методы современной политологии и исторической науки, разработанные видными отечественными учеными: Алексеева Т.А.[53], Богатуров А.Д.[54], Гаман-Голутвина О.В., Косолапов Н.А.[55], Лебедева М.М.[56], Мельвиль А.Ю.[57], Торкунов А.В.[58], Цыганков П.А.[59], Чубарьян А.О.[60], Шаклеина Т.А.[61], Шутов А.Ю.[62]. Динамичный характер изменений в исследуемой области предопределил использование в качестве методологической основы работы принципов всесторонности, объективности, целостности, системности единства исторического и логического.

В данной работе диссертантом был использован системный подход к анализу проблемы ограничения и сокращения ядерных вооружений. Системность достигается за счет рассмотрения объекта исследования в его

---

[49] Кокошин А.А. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание: приоритеты современной эпохи // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). — 2014. — Т. 84. – № 3. — С. 195–205.

[50] Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн. — М., 2021. — 88 с.

[51] Вопросы обеспечения стратегической стабильности в советско-американских и российско-американских отношениях: теоретические и прикладные аспекты / А.С. Барсенков, В.А. Веселов, В.И. Есин, И.А. Шеремет. — Издательство Московского университета. – Москва, 2019. — 144 с.

[52] Waltz K.N. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979. — 251 p.

[53] Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 479 с.; Алексеева Т.А. Современная политическая мысль XX-XXI вв. Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект-пресс, 2016. — 623 с.

[54] Системная история международных отношений: в 2 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т.2: События 1945-2003 годов. – М.: Культурная революция, 2006. — 720 с.

[55] Косолапов Н.А. Международные отношения и мировое развитие // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — №2. — С. 104-113.

[56] Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник. – М.: Аспект-Пресс, 2002. — 351 с.

[57] Мельвиль А.Ю. Политология. Учебник (автор концепции, руководитель авторского коллектива и соавтор). – М.: МГИМО(У), Проспект, 2011. — С. 624.

[58] История международных отношений: Учебник в 3 т. / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: Аспект Пресс, 2012.

[59] Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 290 с.

[60] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 576 с.

[61] Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М., 2002. — 443 с.

[62] Шутов А.Ю. Политические отношения и современный политический процесс. — Изд-во МНЭПУ. – Москва, 1993. — 80 с.

взаимозависимости с режимом соответствующих договоров. Кроме того, в работе применялся исторический анализ (глава 1), сравнительный и структурный анализ, методы классификации (глава 2) и сценарный анализ (глава 3). Во второй главе также были использованы соответствующие методы экспертного опроса. В частности, был использован комплексный подход к решению поставленных задач, который, по мнению автора, в наилучшей степени позволил достичь конкретного результата. Во многом диссертант опирался на труды Богатурова А.Д., особенно на работу «Системная история международных отношений»[63], в которых затрагиваются и методологические вопросы.

Хронологические рамки исследования охватывают 2010-е – начало 2020-х гг., однако в силу специфики темы исследования автор обращается к событиям всего периода существования и развития ядерных вооружений (с конца 1940-х по начало 2020-х гг.). В своем анализе автор концентрирует внимание на двух аспектах рассматриваемой проблемы: формирование и развитие концепции «стратегической стабильности» в США и СССР (затем – России), а также на общем ходе переговорного процесса по ограничению и сокращению ядерных вооружений между этими двумя странами. Особое внимание в диссертации уделяется периоду второго – началу третьего десятилетия XXI века, когда переговорный процесс в рассматриваемой сфере стал претерпевать значительные сложности.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- вопросы ограничения и сокращения ядерных вооружений рассмотрены с точки зрения проблем обеспечения стратегической стабильности в условиях появления в том числе таких военно-технологических угроз, как потенциально новая фаза развития космических вооружений, американской стратегической (глобальной) ПРО, высокоточного оружия в неядерном оснащении как следствие соответствующей политики США;

---

[63]Системная история международных отношений: в 2 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т.2: События 1945-2003 годов. – М.: Культурная революция, 2006. — 720 с.

- в ходе исследования проведен опрос и проанализированы результаты опроса ведущих российских экспертов, в результате чего выявлены основные факторы, влияющие на стратегическую стабильность и, соответственно, на политику России по обеспечению надежного стратегического ядерного сдерживания и, как следствие, на возможную позицию РФ на переговорах по дальнейшему ограничению и сокращению ядерных вооружений;

- предпринята попытка в предварительном плане оценить влияние Украинского кризиса на перспективы процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Положения, выносимые на защиту:

1) Требование о необходимости обеспечения стратегической стабильности играло важную роль на протяжении последних десятилетий. Начиная с договора РСМД 1987 года, укрепление стратегической стабильности стало одним из важнейших положений соглашений в сфере контроля над ядерными вооружениями. В дальнейшем это положение было закреплено в договорах СНВ-1 1991 года и СНВ-2 1994 года. Это требование было учтено в Договоре СНВ-3 2010 года и, по всей видимости, сохранит свое влияние и в случае начала выработки нового российско-американского соглашения в области контроля над ядерными вооружениями, хотя и потребует серьезных дополнительных согласований.

2) Понятие стратегическая стабильность прочно закрепилось в российских документах высшего уровня[64]. В расширительной трактовке оно используется в том числе и в российско-китайских документах высшего уровня[65]. В последние годы, особенно после заключения Договора СНВ-3 в 2010 году, наблюдается некоторая эволюция взглядов сторон по вопросу о

---

[64]Например: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400). [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 01.03.2023).

[65]Например: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху. 5 июня 2019 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5412 (дата обращения: 01.03.2023).

содержании понятия «стратегическая стабильность». Речь идет о новых вооружениях (высокоточное оружие, стратегические вооружения в неядерном оснащении, космические вооружения и прочее), оказывающих влияние на стратегическую стабильность, и, как следствие, о требованиях учета этих вооружений при заключении новых соглашений по ядерным вооружениям. Но базовые принципы стратегической стабильности остаются примерно такими же, какими они были еще в конце 1960-х годов, когда впервые разрабатывались советско-американские соглашения по стратегическим наступательным и оборонительным вооружениям. Данная тенденция достаточно четко прослеживается по результатам опроса ряда ведущих российских экспертов, результаты которого представлены в параграфе 3.2 диссертационного исследования, а также по заявлениям официальных лиц, касающихся проблемы продолжения процесса ограничения и сокращения ядерных вооружений.

3) В обозримом будущем присоединение Великобритании, Франции и Китая к российско-американским переговорам по контролю над ядерными вооружениями следует считать маловероятным. У каждой из названных стран имеются собственные соображения против такого присоединения. Но общим аргументом для них является несопоставимость ядерных арсеналов «третьих» ядерных держав с российскими и американскими стратегическими ядерными силами.

4) Украинский кризис скорее всего будет оказывать пролонгированное влияние на процесс взаимодействия РФ и США по проблемам ограничения и сокращения ядерных вооружений, по ведению диалога по проблемам стратегической стабильности. Не исключено, что США попытаются вести такие переговоры с позиции силы и будут активно использовать для этого инструмент санкций, наложенных на РФ после начала спецоперации на Украине. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что США станут настаивать на учете всех ядерных вооружений сторон в новом соглашении при соблюдении принципа равенства и при отказе от учета

ядерных сил Великобритании и Франции, равно как и ряда факторов, оказывающих влияние на стратегическую стабильность.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что данная работа вносит определенный вклад в теорию мировой политики применительно к проблемам международной безопасности и национальной безопасности России. Данное исследование также вносит вклад в концептуализацию вопросов контроля над вооружениями, его роли и места в системе мировой политики и влияния на международную безопасность. Все это способствует дальнейшему развитию этого направления политологической науки.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов и выводов в практической деятельности органов государственной власти Российской Федерации, ответственных за выработку политики безопасности и формулирование позиции России в сфере ограничения и сокращения ядерных вооружений, включая Администрацию Президента РФ, МИД и Минобороны РФ. Материалы и выводы диссертации могут быть также использованы при подготовке учебных пособий и разработке учебных программ для соответствующих гражданских и военных высших учебных заведений.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

7. Международная безопасность. Системы глобальной и региональной безопасности. Военная сила в международных отношениях. Международный терроризм и борьба с ним. Разоружение и контроль над вооружениями. Вызовы, риски, опасности и угрозы.

9. Геополитические факторы и процессы.

12. Внешняя политика и дипломатия.

19. Российская Федерация в системе международных отношений.

Апробация результатов исследования.

Основные идеи и положения работы изложены в 7 научных работах автора общим объемом 5,7 п.л., в том числе в 5 статьях (объемом 4 п.л.) в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

Статьи в журналах, индексируемых в Scopus и/или Russian Science Citation Index на платформе Web of Science:

1. Александрия О.М. Ядерная безопасность и российско-американское взаимодействие // Международные процессы. – 2014. – Т. 12. – № 4(39). – С. 116-127 (1 п.л.). SJR – 0,33.

2. Savelyev A.G., Alexandria O.M. What factors affect strategic stability? // Russia in Global Affairs. – 2022. – Vol. 20. – № 1(77). – P. 93-111 (1 п.л. / авторский вклад – 0,5 п.л.). SJR – 0,26; Переводная версия: Савельев А.Г., Александрия О.М. Единство средств и расхождение целей // Россия в глобальной политике. 2022. № 2. С. 166–182. (1 п.л. / авторский вклад – 0,5 п.л.). SJR-0,26.

3. Савельев А.Г., Нарышкина (Александрия) О.М. Продление СНВ-3: конец или начало? // Общественные науки и современность. – 2021. – № 2. – С. 7–20 (1 п.л. / авторский вклад – 0,5 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,91.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

4. Нарышкина (Александрия) О.М. Тернистый путь к «Глобальному нулю» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – Т. 9. – № 3. – С. 67-88 (1 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,41.

5. Александрия О.М. Проблема ядерного наследства СССР: к 20-летию подписания Лиссабонского протокола // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 4. – С. 144-161 (1 п.л.). ИФ РИНЦ – 0,41.

Статья в научном сборнике:

6. Нарышкина (Александрия) О.М. Идея «глобального нуля» в контексте проблем обеспечения стратегической стабильности // Обеспечение стратегической стабильности в условиях новых вызовов и угроз: Сборник материалов научного семинара под руководством академика А.А. Кокошина. – М.: Ленанд, 2015. С. 64–70 (0,5 п.л.).

Учебное пособие:

7. Нарышкина (Александрия) О.М. (в соавторстве). Реальный суверенитет в современной системе мировой политики: учебное пособие / А.А. Кокошин, А.С. Барсенков, О.М. Нарышкина, Е.В. Саворская; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет мировой политики. – М.: Изд-во Московского университета, 2019. – 88 с. (авторский вклад – 1,2 п.л.).

Результаты исследования также были представлены в рамках докладов на шести совместных научных конференциях Центра перспективных исследований национальной безопасности России, НИУ ВШЭ и CISAC (U.S. National Academy of Science, Committees on International Security and Arms Control) в 2020 г.:

1. Доклад «P5 cooperation in strategic stability: prospects». Possible means for the leaders of the P5 to strengthen strategic stability. Место проведения: Москва – Вашингтон – Сан-Франциско (онлайн-формат), 18 декабря 2020 года.

2. Доклад «Military Doctrine in Russia: prospects and forecasts (part 2)». Military Doctrines and Strategic Stability. Место проведения: Москва – Вашингтон – Сан-Франциско (онлайн-формат), 4 декабря 2020 года.

3. Доклад «Military Doctrine in Russia: prospects and forecasts». Military Doctrines and Strategic Stability. Место проведения: Москва – Вашингтон – Сан-Франциско (онлайн-формат), 15 октября 2020 года.

4. Доклад «Modern approaches to determination of dangerous incidents in nuclear security». Avoiding Dangerous Incidents: Russia-United States and Russia-NATO. Место проведения: Москва – Вашингтон – Сан-Франциско (онлайн-формат), 16 июля 2020 года.

5. Доклад «Cooperative Measures for Space: Russia and USA». Space Security and Cooperative Measures for Space. Место проведения: Москва – Вашингтон – Сан-Франциско (онлайн-формат), 16 июня 2020 года.

6. Доклад «Basic meaning for strategic stability in Russia». Strategic Stability. Место проведения: Москва – Вашингтон – Сан-Франциско (онлайн-формат), 28 мая 2020 года.

Кроме того, ряд основных положений диссертации вошел в разработанные автором учебные курсы:

- Стратегическое управление в сфере мировой политики (преподается на факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова с 2012 года);

- Транснациональные угрозы международной безопасности (преподается на факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова с 2019 года);

- Проблемы безопасности в ядерную эпоху (преподавался на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015-2016 гг.).

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, девяти параграфов, заключения, библиографии в количестве 303 наименований, а также списка сокращений и аббревиатур.

Глава I. Роль и место концепции стратегической стабильности в выработке договоров по ограничению и сокращению ядерных вооружений

1.1. Формирование концепции стратегической стабильности в США

С появлением ядерного оружия подходы к вопросам войны и мира изменились. В сфере безопасности сложилась принципиально новая ситуация. Известный американский ученый, основоположник теории ядерного сдерживания Бернард Броуди еще в 1946 году отмечал, что «до сих пор главная цель нашего военного истеблишмента сводилась к победе в войнах. С этого времени главная задача должна заключаться в предупреждении войн».[66] В своей работе Броуди резюмировал главный урок первой половины XX столетия: с учетом опыта двух разрушительных мировых войн и достижений в сфере разработки ядерного оружия победителей в следующей войне быть не может, могут остаться только выжившие. Кроме того, большое внимание было уделено созданию сил ответного удара, что может являться фактором сдерживания потенциального соперника. Его тезис о влиянии малоуязвимых сил ответного удара на безопасность сторон получил развитие и в более поздних работах[67].

Также начиная со второй половины 1940-х годов в Соединенных Штатах шел процесс формулирования концепции сдерживания, основоположником которой принято считать дипломата и политолога Дж.Ф. Кеннана. Впервые идея сдерживания Советского Союза была изложена в «длинной телеграмме» Кеннана, направленной им в Вашингтон из посольства США в Москве в

---

[66] The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie, F.S. Dunn, A. Wolfers et al. Yale University. Institute of International Studies. Harcourt: Brace, 1946. – P. 23.

[67] См., например, Brodie B. The development of nuclear strategy // International Security. 1978. — Vol. 2. No. 4. — P. 65–83.

феврале 1946 года. В телеграмме Кеннан отмечал, что СССР с уважением относится к силе и всегда отступает перед более сильным противником, а, следовательно, необходимо стремиться к мирному «сдерживанию» объективно более слабого Союза путем демонстрации силы и не допускать его выхода за пределы существующей сферы влияния[68].

Результатом «Длинной телеграммы», а также последовавшей за ней статьей Дж. Кеннана, опубликованной в 1947 году в журнале Foreign Affairs под псевдонимом «Икс» (X)[69], стало формирование доктрины сдерживания, существенно повлиявшей на «доктрину Трумэна», план Маршалла, создание НАТО и многие другие политические и дипломатические начинания руководства США. Здесь важно упомянуть, что в своих словах о сдерживании Б. Броуди употреблял термин «deterrence», который можно перевести в большей мере как «устрашение», а Дж. Кеннан использовал термин «containment», которое в большей степени передает смысл понятия «сдерживание». Несмотря на это в практику вошло понятие «nuclear deterrence» - ядерное сдерживание.

Кроме того, в качестве яркого примера различия в позициях Б. Броуди и Дж. Кеннана можно привести тот факт, что для последнего проблема безопасности – это, главным образом. политическая проблема, а не военная, а, следовательно, ее решение должно осуществляться в первую очередь за счёт использования политических и экономических методов. В связи с тем, что в данном случае речь шла о реальном непосредственном влиянии теории на политику безопасности и верхушку США, принимающую решения, противостояние этих двух подходов перешло в настоящую борьбу. Как пример, теория Дж. Кенанна подверглась серьезной критике со стороны «ястребов»: осуждалась ее ориентированность на «оборонительность»,

---

[68] Телеграмма поверенного в делах США в СССР Дж. Кеннана государственному секретарю США. Москва. 22 февраля 1946 г. // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003-2004. — С. 32-45.

[69] «X» (George F. Kennan) The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. — 1947. — Vol. 25. No. 4. — P. 566–582.

преуменьшение важности военной мощи, ядерных сил в политике «сдерживания» и пр. Как известно, кроме того Дж. Кеннан также был одним из противников появления в США водородной бомбы. Интересным фактом является то, что главным критиком Джорджа Кеннана выступил П. Нитце, который был близким другом Кеннана. В 1950 году Нитце занял должность директора Управления политического планирования Государственного департамента Соединенных Штатов вместо Кеннана. Сложные взаимоотношения П. Нитце («ястреба) и Дж. Кеннана («голубя») описаны в книге внука П. Нитце Николаса Томпсона[70].

С ходом времени отношение Соединенных Штатов к Советскому Союзу становилось острее, а, следовательно, стратегия containment делалась более наступательной. В 1950 году Управление политического планирования при Госдепе под управлением Пола Нитце разработало Меморандум NSC 68 (документ более известен под названием Директива СНБ-68, а полное название документа «Цели и программы США в области национальной безопасности»). Касательно отношений с Советским Союзом эта Директива предполагала использование принципа «zero sum game» (игра с нулевой суммой). Это означало, что победа одной из сторон определяла однозначное поражение другой стороной. Исходя из этого руководство США должно было воспринимать каждый шаг руководства СССР в качестве направленного против интересов Америки, а значит, реагировать на него симметрично, принимая ответные контрдействия (тактика «зеркального реагирования»). Этот документ декларировал переход к так называемой «рисковой политике» или «risk-taking policy», означавшей большее вовлечение Соединенных Штатов в региональные конфликты, а также наращивание обычных вооружений[71]. Директива была утверждена президентом Гарри Трумэном в

---

[70] Thompson N. The hawk and the dove: Paul Nitze, George Kennan and the history of the Cold War. New York: Henry Holt and Company, 2009. — 416 p.

[71] Цели и программы Соединенных Штатов по национальной безопасности. Меморандум Совета национальной безопасности № 68. Вашингтон. 7 апреля 1950 г. (Директива «СНБ-68»). // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003-2004. — С. 87-89.

декабре 1950-го года и стала основой внешнеполитической стратегии США, вследствие чего Пола Нитце часто в дальнейшем именовали «архитектором холодной войны».

В тоже время, в начале 50-х годов военное и политическое руководство Америки начали сходиться на том, что концепция containment неэффективна. Сначала факт создания КНР в 1949-ом году, а затем Корейская война 1950 – 1953-хх годов воспринимались руководством США как крах стратегии Кеннана сдерживания «коммунистической угрозы» в рамках определенной сферы влияния при использовании, в основном, политических и экономических методов и инструментов. Вследствие этого было принято решение переключиться на иной путь сдерживания – «устрашение» (deterrence), ранее описанному Броуди и «продвигаемому» Полом Нитце.

За теоретическую составляющую этого нового подхода стал отвечать Джон Фостер Даллес. В основе его идей лежал путь воздействия на Советский Союз и страны соцлагеря через угрозы нанесения массированных ядерных ударов. В практической плоскости это значило наличие возможности взятия в «заложники» стратегически важных объектов противника, в том числе городов и ведущих промышленных объектов, с использованием угроз нанесения неприемлемого ущерба. Таким образом концепция «сдерживания-устрашения» стала обладать как политическими, так и военно-техническими компонентами.

Важно отметить, что, начиная с 1950-х годов идеи и рекомендации представителей научного сообщества начали вносить серьезный вклад в формирование программ в области создания и наращивания стратегических ядерных сил Соединенных штатов. В первую очередь здесь стоит сказать о RAND (Research and Development) Corporation («Корпорации РЭНД»). Корпорацией предлагалось теоретическое осмысление сути и содержания ядерной стратегии. Рекомендации корпорации главным образом состояли в подчеркивании важности следующих действий:

1) Повышение «выживаемости» и «неуязвимости» сил сдерживания;

2) ориентация этих сил на ответный удар;
3) снижение привлекательности для упреждающего удара потенциального противника.

Так, в 1950-х годах эксперты Корпорации РЭНД совместно с учеными из Стэндфордского университета США выпустили ряд работ, в которых на основе теории игр моделировали ядерный конфликт с СССР. Эффективность ядерного сдерживания (deterrence) была последовательно доказана исходя из расчетов мощи ядерных боеприпасов и выживаемости средств ответного удара. При этом все моделирование базировалось на условии рационализма игроков и балансе «издержек-выгод»; а также, что «во власти обеих сторон не могут находиться иррационально мыслящие руководители. (Стоит отметить, что последнее утверждение является, по существу, расширенным выводом Дж. Кеннана)»[72].

Первая полноценная доктрина ядерного сдерживания была разработана администрацией Дуайта Дэвида Эйзенхауэра. Ее важнейшим компонентом стала идея «Massive retaliation» - доктрина массированного возмездия. В октябре 1953 года была подписана директива Совета национальной безопасности США 162/2, в которой были перечислены основные приоритеты ядерной политики Соединенных штатов. К ним относились как накопление ядерного оружия, так и развитие средств доставки этого оружия на межконтинентальную дальность[73]. Государственном секретарем США Д. Далласом 12 января 1954 года было заявлено о готовности Соединенных Штатов пустить в ход весь ядерный потенциал в ситуации даже ограниченного нападения на страну[74]. В декабре 1960 года был принят комплекс оперативных

---

[72] Фененко А.В. Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 71 – 72.
[73] A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the National Security Policy. 20 October 1953. [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists [Официальный сайт]. URL: https://irp.fas.org/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf (дата обращения: 14.09.2020).
[74] Dulles J. F. Speech on the Need for Long-Range Policies. Excerpt on Massive Retaliation. January 12, 1954. [Электронный ресурс] // Inside the Cold War [Официальный сайт].URL: http://insidethecoldwar.org/sites/default/files/documents/Dulles%20Excerpt%20on%20Massive%20Retaliation%20January%2012%2C%201954.pdf (дата обращения: 14.09.2020).

документов, носивший название «Single Integrated Operational Plan» (сокращенно – SIOP, в переводе на русский - «Единый интегрированный оперативный план»). Данный комплекс оперативных документов выступил в качестве технической основы «массированного возмездия». В нем предусматривалось нанесение массированного ядерного удара по гражданским и иным объектам как Советского Союза, так и его политических союзников, а также и КНР. Предполагалось применение ядерного арсенала Соединенных Штатов, состоявшего из трех тысяч двухсот стратегических ядерных боезарядов[75].

Вторым важнейшим компонентом становится так называемая «New look doctrine» в переводе - доктрина «нового взгляда». Она предусматривала превалирование ядерных вооружений над конвенциональными в целях сдерживания угрозы СССР и восточного блока – как с финансовой, так и со стратегической точек зрения[76].

Для того, чтобы обеспечить действие как концепции «Massive retaliation», так и «New look doctrine» в администрации Д. Эйзенхауэра было принято решение разделить понятия СЯО (стратегического ядерного оружия) и ТЯО (тактического ядерного оружия).

Стратегическое ядерное оружие, относящееся к политике безопасности, состоит из МБР, БРПЛ, а также из ТБ. Применение такого оружия осуществляется лишь в том случае, если такое политическое решение принимается. Тактическое ядерное оружие как потенциальный инструмент ведения боевых действий включает в себя авиабомбы фронтовой авиации, ОТР и т.н. ядерную артиллерию, которая подчиняется непосредственно военным. В каждом из двух случаев под безопасностью понималась система упреждающих мер, в то время как под обороной – быструю деэскалацию конфликта - отражение агрессии.

---

[75] Fred Kaplan, The Wizards of Armageddon. Stanford: Stanford University Press, 1991. — P. 268-269.

[76] См.: Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США – Канада: экономика, политика, культура. — 2015. — № 11. — С. 3-22.

Несмотря на агрессивную риторику ядерного сдерживания, ее характер все же был оборонительным. Задача стратегического ядерного оружия заключалась в убеждении вероятного противника отказаться от совершения им агрессии в условиях угрозы нанесения неприемлемого ущерба. В то же время задача тактического ядерного оружия состояла в убеждении противника в том, что его наступление конвенциональными силами будет отражено с использованием небольшого числа тактических боезарядов. В таком случае оппонент, даже при условии обладания большой конвенциональной мощью, был бы лишен возможности реализовать это превосходство.

Особо стоит обратить внимание на идеи, принадлежащие Герману Кану создателю «сценарного» метода прогнозирования. Основные его идеи были изложены в книге «О термоядерной войне» («On thermonuclear war»)[77]. Так, Герман Кан настойчиво предлагал не останавливаться исключительно на укреплении сил ответного удара Соединенных Штатов, но произвести серьезную работу по «убеждению» Советского Союза в том, что он не способен достичь своих целей в войне, если примет решение нанести превентивный удар по США.

Германом Каном была разработана так называемая «escalation theory» (теория или «лестница» эскалации). Данная «лестница» состояла из семнадцати этапов, или «ступеней», развития конфликтов, а кроме того определяла стадии, в ходе которых может применяться сначала ТЯО, а после этого и СЯО[78]. Теория ядерного сдерживания была дополнена Германом Каном новыми понятиями:

1) «assumption of a very severe conflict» («максимальная степень эскалации конфликта»);

2) «the assumption of rationality» («рационализм политико-военных игроков»);

---

[77] Kahn H. On thermonuclear war. Princeton: Princeton University Press, 1960. — 668 p.
[78] Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Preaeger, 1965. — 690 p.

3) «concept of a retaliatory threat» («соразмерность угрозы стратегической ситуации»);

4) «concept of unacceptable damage» («определение понятия «неприемлемый ущерб»);

5) «concept of a retaliatory threat» («проблема реалистичности угроз»);

6) «notion of deterrence stability» («стабилизирующий эффект сдерживания»)[79].

Ядерный порог (nuclear threshold) – главное понятие концепции Германа Кана, которое означает гипотетический временной отрезок между началом военного конфликта и первым применением ядерного оружия. В случае применения ядерного оружия сразу или почти сразу, ядерный порог определяется как низкий. В случае наличия предшествующего длительного временного интервала, в который используются обычные вооружения, ядерный порог определяется как высокий. Важнейший смысл автор концепции приписывал психологическому моменту «перехода через ядерный порог».

Во многом благодаря работам Германа Кана появилась теория ограниченной ядерной войны. Г. Киссинджером, будущим государственным секретарем Соединенных Штатов, а тогда профессором Гарварда, в 1957 году была поставлена под сомнение доктрина «массированного возмездия. Киссинджер предполагал, что при неограниченном использовании ядерного оружия в войне, обе стороны – и победители, и побежденные окажутся в одинаковом проигрышном положении[80]. В данном стратегическом тупике мог быть найден выход в виде «ограниченной ядерной войны», то есть войны, в которой отсутствует неизбежность полного уничтожения противника.

---

[79] Фененко А.В. Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 71 – 72.

[80] Kissinger H. Nuclear Weapons in Foreign Policy. New York: Published for the Council on Foreign Relations by Harper, 1957. — 259 p.

Т. Шеллинг[81] и Р. Осгуд[82] развили идеи Киссинджера. По их мнению, результативности и успешности дипломатического воздействия на вероятного противника, предположительно, может вполне способствовать нанесение ядерных ударов по ограниченным целям.

Томас Шеллинг, экономист и профессор Университета Мэриленда – один из авторов теории игр, который также являлся серьезным авторитетом в области изучения стратегических проблем, касающихся политики в отношении ядерных вооружений и вопросов сдерживания. Самая известная работа Т. Шеллинга - «Стратегия конфликта»[83]. В ней автор создал проекцию положений теории игр на анализ целей, задач, мотивов, а также возможного поведения сторон в ядерном конфликте. Говоря о трудах Т. Шеллинга, не стоит обходить вниманием еще одну важную его работу 1967 года «Оружие и влияние» («Arms and Influence»)[84]. В данном труде автор занимается исследованием методов осуществления трансформации военной силы (угроз) во влияние (политическое и военное), которое оказывается на гипотетического оппонента.

Среди критиков доктрины «взаимного гарантированного уничтожения» был также и Альберт Уолстеттер - представитель корпорации РЭНД. Как известно, многие его рекомендации и научные идеи были приняты руководством Соединенных Штатов, например, в части реализации проектов полного перебазирования стратегической авиации на территорию США, развертывания МБР «Минитмен» в ШПУ взамен открытым позициям, развертывание системы ПРО вокруг шахтных пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет. Стоит также отметить труд А. Уолстеттера «The delicate balance of terror» (в переводе на русский - «Хрупкое равновесие страха»). В данном труде автор указывал на то, что в

---

[81] Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. — 328 p.
[82] Osgood R. Limited war: the challenge to American strategy / Robert Osgood. - Chicago: University of Chicago Press. 1957 — 315 p
[83] Schelling T. C. The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. — 328 p.
[84] Schelling T.C. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1967. — 293 p.

будущей войне существует высокая вероятность того, что даже в условиях угрозы массированного ответного удара не станет причиной отказа от ограниченного применения ЯО. Из этого автор делал вывод, что существует необходимость выработки вариантов ограниченного ответа на потенциальное «периферийное» использование ЯО гипотетическим оппонентом[85]. Кроме того, Уолстеттер полагал, что для Соединенных Штатов важно наращивание ядерных вооружений качественно, а не количественно. При этом необходимо сделать их менее уязвимыми и недосягаемыми для Советского Союза. Он также предложил внедрить систему «позитивного контроля» в СЯС[86].

Уолстеттер считал необходимым разработать систему контроля над вооружениями, которая была бы основана на тщательной проверке договоренностей, которые были достигнуты. Одновременно он не рекомендовал верхушке Соединенных Штатов проецировать образ своего поведения на Советский Союз, предполагая, что в силу разницы в стратегической культуре, в момент кризиса советское руководство с высокой долей вероятности будет действовать иначе, исходя из других решений, чем «западные» руководители[87]. Востребованность идей Уолстеттера была достаточно высокой у администраций президентов Соединенных Штатов от Джона Кеннеди до Рональда Рейгана.

Важную роль в формировании концепции «гарантированного уничтожения» сыграл Роберта Макнамару. Будучи министром обороны Соединенных Штатов при Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне, он предлагал рассматривать концепцию «гарантированного уничтожения» с точки зрения количественных показателей. Введенное им определение «потенциал

---

[85] Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror (abridged version) // Foreign Affairs. — January 1959. — Vol. 37, No. 2. — P. 211-234.

[86] «Позитивный контроль» — система управления и связи стратегических ядерных сил, позволяющая надежно контролировать исполнение приказов высшего руководства в условиях кризиса, включая повышение уровня боеготовности вплоть до применения ядерного оружия. Эта система также обеспечивает контроль исполнения «обратных» приказов по снижению уровня боеготовности, например по возврату тяжелых бомбардировщиков на аэродромы после экстренного взлета. Данная система отличается от «негативного контроля», который обеспечивает надежность функционирования ядерных сил в обычное время и блокирует возможность их случайного или несанкционированного применения.

[87] Nuclear heuristics: Selected writings of Albert and Roberta Wohlstetter / Ed. by R. Zarate, H. Sokolsky. Strategic Studies Institute, 2009. — 679 p

гарантированного уничтожения», используемое и сейчас, предполагало, что США должны обладать таким стратегическим потенциалом, который способен уничтожить от половины до четверти населения Советского Союза, а также около 1/2 промышленного потенциала в ответном ударе. Этого, как полагал Р. Макнамара, было бы достаточно для гарантированного уничтожения, что, соответственно, являлось бы надежным сдерживанием. Достигнуть этого можно было бы посредством доставки примерно четырехсот ядерных боезарядов мегатонного класса до целей[88]. Названные количественные данные получили название «Критерий Макнамары», который и обозначал вышеназванный уровень «неприемлемого ущерба». Этот критерий в течение долгого времени использовали с целью оценки количественного и качественного состава стратегических сил Соединенных Штатов[89].

Опираясь на идеи Г. Кана и Г. Киссинджера, Р. Макнамарой в 1960-х годах была предложена стратегия «гибкого реагирования» («Flexible response strategy»). Эта концепция предполагала соразмерный военный ответ Соединенных Штатов характеру угрозы, что основывалось на высоком ядерном пороге[90]. Имелось в виду, что в ходе первой стадии конфликта будут использованы только обычные вооружения, а в дальнейшем, в случае, если конфликт продолжается, последовательно применять сначала тактическое, а после уже и стратегическое ядерное оружие[91].

Концепцией гибкого реагирования предусматривалось три варианта действий Соединенных Штатов в ситуации возможного ядерного конфликта. Под первым вариантом действий предполагалась «прямая защита» -

---

[88] Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara Before the House Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1969–1973 Defense Program and 1969 Defense Budget. [Электронный ресурс] // The Black Vault Website [Официальный сайт]. URL: http://documents.theblackvault.com/documents/dod/readingroom/10/151.pdf (дата обращения: 27.10.2021).
[89] Ball D. Targeting for Strategic Deterrence, London: International Institute for Strategic Studies, 1983. — P.14
[90] Poole W. S Adapting to Flexible Response, 1960– 1968. - Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, 2013. — 267 p.
[91] Sagan S. D. Nuclear Alerts and Crisis Management // International Security. 1985. — Vol. 9. — № 4. — P. 99–139.

сдерживание наступательных действий СССР только за счет обычных вооружений. Второй вариант – «запланированная эскалация», а именно, в случае невозможности остановить наступательные действия СССР конвенциональными силами НАТО, применить тактическое ядерное оружие. Третий вариант – «генеральный ядерный ответ». Под ним подразумевалось «нанесение стратегического ядерного удара, в первую очередь по военным, а после и по гражданским объектам Советского Союза при условии, что не произошла деэскалация конфликта даже после применения ТЯО»[92].

В целом, в качестве основы для выработки идеи стратегической стабильности выступили именно исследования в области ядерного сдерживания. Так, например, в трудах Т. Шеллинга, Б. Броуди можно встретить слова о том, что желательно достигнуть и поддерживать «стабильность баланса ядерных сил», а также «стабильность сдерживания»[93].

К первой половине 1960-х годов мериканскими учеными были обоснованы основные аспекты концепции стратегической стабильности и условия безопасности США:

во-первых:

- способность ядерных силы США нанести ответный удар и причинить Советскому Союзу (в качестве предполагаемого агрессора) «неприемлемый ущерб» в сочетании со степенью уверенности советского руководство в том, что в случае предполагаемого нападения СССР на США, американский ответ будет заключаться в нанесении сокрушительного удара

во-вторых:

- от того, может ли Советский Союз нанести сокрушительный ответный удар при условии обратной ситуации - ядерного нападения на него с американской стороны;

---

[92] Фененко А.В. Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 72.

[93] См., например: Brodie B. Escalation and the Nuclear Option. Princeton University Press, 1966. – 137 p.; Brodie B. The Future of Deterrence in U.S. Strategy. Security Studies Project, University of California, 1968. — 145 p.; Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. — 328 p.

- от того, уверены ли Соединенные Штаты в том, что не существует другого варианта развития событий в случае агрессии с их стороны.

Двусторонняя уверенность в невозможности безнаказанной агрессии является хорошим фактором сдерживания в ситуации, когда необходимо принимать ответственные решения в условиях неясности стратегической ситуации. Сохранение такого положения по сути дела и является центральным моментом, сущностью и содержанием концепции стратегической стабильности.

В своей «Стратегии конфликта»[94] 1960 года Томас Шеллинг определяет достаточно простым образом суть этого разделения. По его мнению, «наступательная» система – это такая система оружия, которая имеет противосиловой потенциал, в то время как «оборонительная» система – это такая система, которая противосилового потенциала не имеет. Важнейший смысл в данном случае придается тому, насколько эти силы «выживаемы». В случае, если «оборонительная» система оружия не выдержит первого удара с вражеской стороны, то она не сможет нанести по нему ответный удар.

Дискуссии и дебаты как в политическом, так и в научном сообществах США сопровождали становление концепции стратегической стабильности. Об этом свидетельствует, наряду с прочим, мнение бывшего Директора Белого дома по написанию речей Майкла Джерсона: «…стратегическая стабильность есть и всегда была широко используемой концепцией при отсутствии ее общего понимания. Не существует общепринятого определения ни стабильности, ни того, какие факторы способствуют ее укреплению, а какие ее ослабляют. Нет и единого инструмента для ее измерения»[95]. Вне всякого сомнения, это мнение неоднозначно, но при рассмотрении проблемы ПРО и влияния, которое она оказывает на стратегическую стабильность, о том месте,

---

[94] Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. — 328 p.

[95] См.: Strategic stability: Contending interpretations / Ed. by E.A. Colby, M.S. Gerson. Strategic Studies Institute and US Army War College, 2013 – 449 p. Цит по: Савельев А. Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2015. — №3. — С. 66–67.

которое она занимает и какую роль играет в системе безопасности, необходимо признать наличие определенных рациональных моментов.

К середине 1960-х годов в Соединенных Штатах сформировалось три разных точки зрения на проблему противоракетной обороны и стратегической стабильности, а политики и эксперты разделились на группы в соответствии с их взглядами на эту проблему. Первая — принципиальные оппоненты развертывания ПРО и последователи доктрины взаимного гарантированного уничтожения. Вторая — приверженцы ограниченной (или «тонкой») обороны от баллистических ракет, призванная стать стабилизатором при ограниченном применении ядерного оружия. Среди сторонников такого взгляда были и знаковые политики, такие, как, например, Генри Киссинджер[96], а также представители РЭНД Корпорэйшн. Представители каждой из этих групп заявляли, что именно их подход будет более способствовать укреплению стратегической стабильности.

Наиболее влиятельной была группа «прагматиков», к которым относилась немалая часть представители администрации Соединенных Штатов. Их подход к вопросам противоракетной обороны обуславливался оценкой осуществимости соответствующих программ с точки зрения технической, финансовой и иных составляющих, а не от теоретических доводов представителей первых двух групп. В качестве яркого примера представителей этой третьей группы можно назвать Роберта Макнамару. Так, в сентябре 1967 года, находясь на посту министра обороны США, им было объявлено о развертывании Соединенными Штатами «тонкой» системы противоракетной обороны с целью защиты от перспективных ракетных систем Китая крупнейших населенных центров США. Многие противники противоракетной обороны были неприятно удивлены этим фактом, так как

[96] Statement of the Honorable Henry A. Kissinger before the Senate Foreign Relations Committee. 26 May 1999. [Электронный ресурс] // NuclearFiles.org. Project og the Nuclear Age Peace Foundation [Официальный сайт]. URL: http://www.nuclearfiles.org/menu/keyissues/missile-defense/history/kissinger_statement-senate-foreign-relations.htm (дата обращения: 10.08.2021).

ранее Макнамара относился к их аргументации понимающе[97]. Позже, когда США возглавил Ричард Никсон, в 1969 году, было объявлено о намерении Соединенных Штатов развернуть систему противоракетной обороны с целью защиты двенадцати самых значимых городов страны, а также стартовых позиций межконтинентальных баллистических ракет от ограниченного удара баллистических ракет. Как отмечает в своей статье А.Г. Савельев, руководство Соединенных Штатов встретило большую общественную оппозиционную реакцию по данному вопросу. Недовольство и протест вызвала идея развертывания ядерных перехватчиков рядом с самыми значимыми городами страны. Кроме того, Группа по военно-стратегическим вопросам Президентского научного совета представила доклад, который был подписан знаменитым физиком Сиднеем Дреллом (Стэнфорд). В данном докладе выражались мысли о сомнительной эффективности вышеназванной системы противоракетной обороны, которая исходно планировалась с целью защищать территорию Соединенных Штатов, оборонять шахтные пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет США[98]. В связи с тем, что Советский Союз допускал возможность прийти к соглашения по противоракетной обороне, планы Соединенных Штатов были подвержены пересмотру в конце 1969 года, когда стартовали переговоры с СССР. Как известно, эти переговоры закончились заключением бессрочного Договора по ПРО, который запретил развертывание системы стратегической обороны территории страны и «создание основы» для такой обороны[99].

Как представляется, наиболее важным фактором, повлиявшим на принятие решения сторон в пользу серьезного ограничения систем ПРО в описываемый промежуток времени, явилась невысокая эффективность

---

[97] Missile Defense Thirty Years Ago: Déjà Vu All Over Again? National Security Archive Electronic Briefing Book No. 36. Published 18 December 2000. Edited by W/ Burr. [Электронный ресурс] // The National Security Archive [Официальный сайт]. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB36/ (дата обращения: 08.06.2021).

[98] Савельев А. Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2015. — №3. — С. 76.

[99] Savelyev A., Detinov N. The Big Five. Arms control decision-making in the Soviet Union. — Westport: Praeger Publishers, 1995. — С. 21-23.

данных вооружений. Средства прорыва ПРО становились все совершеннее, а перспективы оснащения межконтинентальных баллистических ракет многозарядными боевыми частями, в том числе боевыми блоками независимого наведения, сводили практически на нет способность ПРО выполнять возлагаемые на нее задачи. Такое положение дел естественным образом играло в пользу представителей первой группы вышеназванных экспертов, чем они в полной мере и воспользовались. Получалось так, что их аргументация о дестабилизирующем влиянии ПРО, была официально поддержана на уровне руководства США, которое отказалось от развертывания противоракетной обороны американской территории.

По нашему мнению, данный факт совсем не означал, что с точки зрения теории группа противников ПРО имела более серьезную аргументацию по вопросу о стратегической стабильности, чем сторонники ограниченной ПРО. Тем не менее, следует признать, что с подписанием Договора по ПРО в 1972 году, оборона территории страны начала официально считаться в качестве дестабилизирующего фактора. А введение жестких ограничений на системы противоракетной обороны были признаны необходимым условием, без выполнения которого сохранение и укрепление стратегической стабильности полагалось невозможным. Здесь же необходимо отметить, что для СССР и, в дальнейшем, для Российской Федерации именно такая концепция ассоциировалась со стратегической стабильностью как таковой.

Что касается Договора по ПРО, то он жестко ограничил количественный состав и структуру отдельных элементов противоракетной обороны, а также качественные характеристики и дислокацию систем ПРО Советского Союза и Соединенных Штатов. Был установлен запрет на создание, испытание и развертывание других видов и типов противоракетной обороны (разных способов базирования: воздушного, морского, мобильно-наземного и космического). Также было запрещено создание противоракетной обороны территории всей страны, а кроме того и размещение системы противоракетной

обороны вне национальных территорий двух стран. Но при этом исследовательские работы в данной сфере не были запрещены.

В соответствии с Договором, обе стороны имели право на размещение оборонительных систем или их компонентов исключительно в двух районах радиусом в сто пятьдесят километров. В каждом из данных районов было разрешено содержать не более, чем сто пусковых установок и не более, чем сто противоракет на стартовых позициях. Их объектами защиты выступали в первом случае - столица государства, а во втором случае — ШПУ межконтинентальных баллистических ракет[100].

В обоих районах предусматривались также количественные и качественные ограничения РЛС (радиолокационных станций) противоракетной обороны, а также было запрещено как создание и испытание, так и развертывание многозарядных или быстро перезаряжаемых пусковых установок противоракет. Кроме того, было запрещено придавать ракетам, пусковым установкам и радиолокационным станциям, которые не являлись компонентами противоракетной обороны, способности решать задачи ПРО, или испытывать их в этих целях. Было запрещено и развертывание РЛС предупреждения о ракетном нападении, кроме как на позициях по периферии своей национальной территории с ориентацией вовне. В целях рассмотрения вопросов, связанных с выполнением принятых обязательств, а также повышения жизнеспособности договора, была создана Постоянная консультативная комиссия.

Согласно Протоколу к Договору об ограничении систем ПРО, подписанному 3 июля 1974 г., стороны обязались ограничиться лишь одним из двух предусмотренных районов размещения систем ПРО: Советский Союз — районом вокруг столицы, а США — районом в расположении шахтных пусковых установок МБР. При условии демонтажа или ликвидации систем

---

[100] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs-abm.htm. (дата обращения: 06.04.2023).

ПРО в указанных районах стороны имели право развернуть системы ПРО или их компоненты в другом разрешенном по договору районе: СССР — в расположении шахтных пусковых установок МБР, а США — вокруг столицы[101].

Советский Союз выбрал столицу для защиты, в то время как руководство США выбрало «Минитмен» Гранд-Форкс в Северной Дакоте. В США считали, что если противоракетная оборона будет прикрывать базу межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен», это повысит способность группировки сохранить свою боеспособность и использовать боевые возможности для выполнения полученной задачи. В силу того, что руководство Соединенных Штатов выбрало отказ от прикрытия системой противоракетной обороной Вашингтона, политики вынуждены были объяснить причины такого отказа. Они аргументировали такое решение тем, что ни один президент США не мог бы пойти на шаг, при котором, опираясь на внутриполитические причины, прикрыл бы столицу и при этом оставил бы без защиты другие значимые, крупные американские города.

Если посмотреть на этот вопрос с военно-технической стороны, то представляется вполне очевидным, что задача прикрыть такой объект, как стартовые позиции межконтинентальных баллистических ракет, которые находились при этом в высокозащищенных шахтах, значительно легче, чем прикрыть крупную городскую агломерацию. Советское же руководство аргументировало выбор прикрытия Москвы системой противоракетной обороны тем, что таким образом нападающая сторона при попытке нанесения упреждающего, обезглавливающего удара по военному и политическому руководству СССР, окажется в состоянии неопределённости в достижении поставленной цели. Кроме того, как считалось, именно Москва может стать первоочередной целью в случае ядерного удара со стороны Великобритании или Франции, а также Китая.

---

[101] Там же.

После введения названных строгих ограничений на системы ПРО СССР и США практически потеряла смысл идея о том, что можно уменьшить собственные потери в ядерной войне до приемлемого уровня. Стало вполне очевидным, что в этих условиях отсутствует сама возможность достижения реальной победы в ядерной войне. Однако, даже такие очевидные выводы не останавливали стороны в явной или неявной форме продолжать искать решение выхода из подобной патовой ситуации. Тем не менее, сам факт подписания первых двухсторонних соглашений по ограничению стратегических наступательных и оборонительных вооружений в значительной мере способствовал снижению международной напряженности, как в отношениях двух ведущих ядерных держав, так и в мире в целом.

Значительные трудности затронули концепцию в 1970-х годах. В первую очередь это было связано с совершенствованием и развитием стратегических наступательных вооружений. Руководители Соединенных Штатов были вынуждены корректировать военные проекты, которые вступали в явное противоречие с выработанными критериями стратегической стабильности. Наиболее показательным примером из этой области является программа развертывания межконтинентальной баллистической ракеты «МХ» (Пискипер – «Хранитель мира»).

Ракета была оснащенной многозарядной боевой частью с десятью высокоточными боеголовками каждая. Речь шла о том, чтобы выбрать неуязвимый способ базирования этой системы с тем, чтобы она могла «пережить» гипотетический первый удар со стороны СССР. В противном случае МХ однозначно попадала бы в категорию «дестабилизирующих» систем оружия. Вашингтон оценивал пути реализации данной программы и согласно критериям стратегической стабильности[102]. Тем не менее, в силу того, что решения этой проблемы найдено не было, на первый план стали

[102] Medalia J.E. The MX basing debate: The Reagan Plan and alternatives. The Library of Congress. Congressional Research Service, 1981. — 22 p.

выдвигаться идеи, которые самым очевидным образом противоречили концепции стратегической стабильности.

Так, в апрельском докладе 1983 года Президентская комиссия по стратегическим силам сообщила, что межконтинентальная баллистическая ракета «МХ» нужна «для сдерживания советской угрозы»[103]. Она должна поставить под прицел «наиболее ценные инструменты контроля и власти», в том числе защищенные объекты[104]. Комиссия, в которую были включены многие известные военные и гражданские деятели и эксперты (А. Хейг, У. Перри, Г. Браун, Г. Киссинджер, Д. Рамсфелд, Д. Шлессинджер и другие), сделала вывод, что развертывание МБР МХ станет адекватной угрозой для СССР и в перспективе приведет к созданию более «стабильной» структуры сил участников переговоров по контролю над вооружениями – что, по сути своей, противоречит идеям стратегической стабильности.

Программа Стратегической оборонной инициативы («Звездные войны» Рональда Рейгана») была заявлена в марте 1983 года с целью создания научно-технического задела для широкомасштабной системы ПРО с элементами космического базирования, что привело к росту разногласий по вопросу укрепления стратегической стабильности[105].

Представляется важным обратить внимание на тот факт, что одновременно Соединенные Штаты на параллельных переговорах по ракетам средней и меньшей дальности и стратегическим наступательным вооружениям интенсивно и достаточно успешно заявляли о необходимости укрепления стратегической стабильности. Американцы убеждали СССР в необходимости сокращения вдвое и более количества развернутых «тяжелых»

---

[103] Под «советской угрозой» в данном случае США подразумевали «окно уязвимости». Речь шла о том, что после развертывания значительного количества советских МБР с РГЧ (особенно «тяжелых» МБР СС-18) уязвимость американских МБР, согласно проведенным расчетам, резко возросла. Данные расчеты показали, что при использовании только части своих ракет СССР способен уничтожить все МБР шахтного базирования США и другие защищенные объекты военной инфраструктуры (командные центры и проч.).

[104] См.: Report of the President's Commission on Strategic Forces. April 1983. P. 6. [Электронный ресурс] // ООН – Massachusets Institute of Technology [Официальный сайт]. URL: http://web.mit.edu/chemistry/deutch/policy/1983-ReportPresCommStrategic.pdf (дата обращения: 10.11.2021).

[105] Савельев А. Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2015. — №3. — С. 57–84.

межконтинентальных баллистических ракет. Стоит отметить, что как Договор по ракетам средней и меньшей дальности 1987 года[106], так и Договор по СНВ[107] были основаны на принципе «стратегической стабильности», понимаемый обеими сторонами практически одинаково.

Как уже говорилось, программа СОИ подвергалась серьезной критике, как в СССР, так и в США. Аргументы, выдвигаемые противниками СОИ, используются и в настоящее время при оценке программ в области ПРО. Эти аргументы в основном касались тех негативных последствий для стратегической стабильности, которые возникают при осуществлении программ в области стратегической обороны. Так, выдвигались тезисы о том, что СОИ создается против ответного удара, тем самым стимулируя гонку вооружений; тогда же появились и заявления о недопустимости милитаризации космоса. Кроме того, многие американские эксперты критиковали программу практически невозможность реализации, что в конечном итоге выльется в растрату военного бюджета и обострению международных отношений в целом.

«Защитники» идеи Стратегической оборонной инициативы акцентировались на способствовании оборонительных систем «отмиранию» ядерного оружия в будущем. При этом предполагалось, что оборона, которая наряду с прочим защитит стратегические силы Соединенных Штатов, будет способствовать укреплению стратегической стабильности. Основная идея здесь заключалась в том, в условиях усиливающегося распространения ракетного и ядерного оружия, наличие какой бы то ни было обороны является значительно лучшим вариантом, чем ее отсутствие. Среди приверженцев такой позиции был ряд ученых и политиков, в частности Э. Теллер,

---

[106] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 8 декабря 1987 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

[107] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 31 июля 1991 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

Г. Киссинджер и З. Бжезинский[108]. Колин Грей, к примеру, отмечал, что сдерживания может быть надежной концепцией только если у Соединенных Штатов будут и наступательные, и оборонительные вооружений, что даст им возможность одержать победу в грядущей войне[109].

В целом можно констатировать, что с точки зрения аргументации сторонники СОИ в США оказались гораздо менее подготовленными, чем противники этой программы. Стоит обратить внимание хотя бы на тот факт, что Р. Рейган выдвинул такую концепцию безопасности Соединенных Штатов, которая предполагает полное американское превосходство и неуязвимость, несмотря на заявления о том, что вышеназванная система может защитить «весь мир»[110]. При этом достижение тотального военного превосходства над Советским Союзом не было целью ни сторонников, ни противников ПРО в США. Равенство возможностей сторон и в обороне, и в наступлении — вот то, на чем базировалась исходная концепция стратегической стабильности.

Недостижимость исходной цели СОИ стала очевидна даже для самых ярых ее приверженцев уже к началу 1990-х годов. Таким образом, больше не нуждалась в обосновании и «абсолютная» защиту от МБР с точки зрения укрепления стратегической стабильности. В начале 1991 года президентом Соединенных Штатов Дж. Буш-старший была объявлена программа «Глобальной защиты против ограниченных ударов» (GPALS), заменившая собой Стратегическую оборонную инициативу[111]. Михаил Горбачев получил приглашение и положительно воспринял идею присоединиться к Программе, но распад Советского Союза внес коррективы в планы сторон и на первое

---

[108] Lakoff S., York H.F. A shield in space? Technology, politics, and the Strategic Defense Initiative. Berkeley: University of California Press, 1989. — P. 133.
[109] Schwartz W.A., Derber C. The nuclear seduction. Why the arms race doesn't matter — and what does. Berkeley: University of California Press, 1989. — P.31.
[110] Davis M.W. Reagan's real reason for SDI. The Hoover Institution, 2000. — 165 p.
[111] Global Protection Against Limited Strikes (GPALS). [Электронный ресурс] // GlobalSecurity.org [Официальный сайт]. URL: http://www.globalsecurity.org/space/systems/gpals.htm (дата обращения: 13.10.2021).

место вышли уже задачи, одной из самых важных стала проблема «ядерного наследства» СССР.

1.2. Подходы СССР к определению стратегической стабильности

Взаимоотношения двух великих держав (СССР/РФ и США) в сфере ядерных вооружений имеют почти 80-летнюю историю. Важным представляется тот факт, что до того, как смогла сформироваться система, способная обеспечить относительно высокий уровень стратегической стабильности, оба государства преодолели ряд конфликтных ситуаций и жесточайших кризисов, которые представляются важными уроками и для истории, и для современности.

Взаимоотношения двух держав всегда в высокой степени зависели и от идеологических установок, и от существующей структуры и характеристик стратегических вооружений сторон. Параллельно, опираясь на потенциал стратегических вооружений, происходило развитие стратегических концепций, определяющих совокупность роли, места и способов обеспечения государственной безопасности двух стран.

Для более глубокого понимания вышеназванных процессов и событий необходимо изучить развитие стратегических концепций России (СССР) в исторической ретроспективе, начиная с послевоенного времени, с целью понять мотивы вступления в переговоры в США, цели и задачи этих переговоров, а также соответствие этих задач стратегическим концепциям государства на каждом этапе его исторического развития[112].

Следует подчеркнуть, что в ранней истории СССР, когда военное строительство, военная мысль шли в своем развитии собственным путем, соответствующим особому видению затрагиваемых проблем, значительная

---

[112] Важно отметить, что автор не претендует на всеобъемлющий обзор эволюции стратегических концепций СССР и РФ. Это связано, в первую очередь, с тем, что многие из рассматриваемых аспектов носят достаточно закрытый характер; ряд предлагаемых автором выводов сделан на основе анализа общих тенденций и отдельных заявлений военно-политического руководства, а не взят из каких-то конкретных директивных документов.

часть понятий и терминов, являющимися общепринятыми в западных странах, ранее вообще не употреблялись. Более того, эти термины и понятия активно отвергались советской пропагандой и даже военной мыслью. Например, отвергалось само понятие «контроль над вооружениями» со ссылкой на то, что Запад пытается подменить им идею разоружения. Понятие о сдерживании в СССР пытались заменить термином «предотвращение войны», который даже вошел в текст военной доктрины государств-участников Организации Варшавского Договора (ОВД). Можно найти и другие примеры. В указанной связи следует принять во внимание тот факт, что многие из употребляемых терминов применительно к более ранним историческим периодам, рассматриваемым в настоящей работе, не обязательно могут отражать современное их понимание.

Для рассмотрения ключевых аспектов трансформации советских/российских подходов к вопросам стратегической стабильности, сдерживания и контроля над вооружениями, представляется обоснованным проводить соответствующий анализ в соответствии с периодами нахождения у власти конкретных лиц, начиная с послевоенных лет, или, вернее, начала ядерного века. В каждом таком периоде немаловажную роль играли конкретные лица в руководстве страны, конструирующие политику государства в военной области. Среди них можно выделить таких военных руководителей, как Г. Жуков, В. Соколовский, Р. Малиновский, А. Гречко, Д. Устинов, Н. Огарков, а также многих других государственных и военных деятелей, чьи имена связаны с конкретным периодом развития отечественной военной мысли.

Здесь же необходимо сделать оговорку о том, что мы располагаем достаточно ограниченной информацией в силу того, что большая часть архивов продолжает быть закрытой. Мы сталкиваемся с нехваткой информации об основах советской военной политики, а именно - стратегических концепциях, включая информацию о месте и роли ядерного оружия в военных планах, действующих в то время. Однако, некоторые

авторы, тем не менее, в своих работах достаточно подробно освещают указанный период. Среди этих работ выделяется интересным и глубоким анализом вышеназванных вопросов, монография В. Батюка и Д. Евстафьева[113].

Если говорить о периоде с конца 40-х до начала 50-х годов, можно с большой уверенностью утверждать, что на тот момент атомное оружие, созданное в Советском Союзе, рассматривалось скорее как доказательство мощи и превосходства над США, а не как совершенно новое средство ведения войны, способное полностью изменить ее характер. В подтверждение этому можно привести датированные 1946-м годом слова И.В. Сталина: «Я не считаю атомную бомбу такой серьезной силой, какой склонны ее считать некоторые политические деятели. Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решить судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб».

Это использованное Сталиным определение, естественно, нашло продолжение в высказываниях современников, в том числе и военными экспертами. Например, в том же году генерал-майор М.Р. Галактионов в «Правде» писал: «атомная бомба, вероятно, не найдет большого применения в борьбе против войск противника ... окопы будут защищать солдат от взрывной волны и высокой температуры даже в том случае, когда эти окопы будут находиться довольно близко от места взрыва атомной бомбы. Танки, артиллерия и другое тяжелое вооружение, находящееся вблизи взрыва, практически останется почти неповрежденным». Галактионов считал допустимым, что такое оружие может быть применено против таких объектов как города, но был достаточно категоричен в том, что судьбу войны оно решить не способно[114].

Очевидно, что появление ядерного оружия не могло одномоментно и

---

[113]Батюк В.И., Евстафьев Д. «Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945- 1950 гг.». Московское отделение Российского научного фонда. — Москва, 1995. — 256 с.
[114] Батюк В.И., Евстафьев Д. «Первые заморозки ...», с. 127, 128.

радикально изменить взгляды руководства СССР на характер будущих войн и военных конфликтов, особенно с учетом осознания собственной мощи и превосходства в обычных вооружениях. В данной связи можно привести слова полковника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ Н. Рузляева. Он считал, что в конце сороковых годов потенциал Советского Союза в области обычных вооружений во многом балансировал потенциал американского ядерного устрашения: «никакие ядерные бомбы, сброшенные на Советский Союз, не могли бы остановить советские общевойсковые и танковые армии от быстрого (речь шла о трех-четырех неделях) продвижения к Ла-Маншу ... Военные стратеги в то время это хорошо понимали» [115].

Приведенная цитата вовсе не доказывает, что монополия США в области ядерного вооружения не вызывала беспокойства у руководства СССР. Несмотря на необходимость послевоенного восстановления народного хозяйства страны, громадные ресурсы и силы были затрачены на разработку ядерного оружия[116]. Подтверждением этой обеспокоенности может выступать высказывание И.В. Сталина 1946 года, сделанное в качестве ответа корреспонденту издания «Санди таймс»: «Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства: а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; б) применение атомной бомбы будет запрещено» [117].

После создания атомного оружия в СССР в 1949 г.[118] руководством страны в качестве важнейшей и необходимейшей задачи было определено создание условий для обеспечения возможности нанесения атомных (позже-термоядерных) ударов по объектам на территории Соединенных Штатов

---

[115] Рузляев Н. «Военные столкновения 21 века» // «Независимое военное обозрение». — 1998. — № 3. — С. 2.
[116] См., например: Alexander Savelyev. «Costs of the Soviet Nuclear Programme» в книге «Weapons of Mass Destruction: Costs Versus Benefits», ed. by Kathleen C.Baily. Manohar, 1994. P. 115-122.
[117] Батюк В.И., Евстафьев Д. «Первые заморозки ...», с. 134.
118 Процесс создания ядерного оружия в СССР достаточно подробно описан в книге американского исследователя Д. Холлоуэя: Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939-1956. Yale University Press New Haven & London, 1994. — 480 p. В 1997 г. эта книга была переведена на русский язык.

Америки, поэтому были предприняты колоссальные усилия по созданию соответствующих средств доставки. Так, в 1952 году состоялся первый полет ТУ-95 – до сих пор единственного в мире бомбардировщика и ракетоносца с турбовинтовыми двигателями, ставшего символом военно-стратегического паритета в годы холодной войны[119]. В описываемый период была заложена база ракетостроения, которое в дальнейшем стало для ядерного оружия главным средством доставки.

13 мая 1946 года, еще до первого испытания атомного оружия, за подписью И.В. Сталина Совет Министров СССР принял постановление № 1017-419сс «Вопросы реактивного вооружения», в котором зафиксированы конкретные меры по созданию ракетно-ядерного оружия[120]. Важнейшую роль среди этих мер, говоря о первых этапах ракетостроения СССР, играло конструкторское бюро, которым руководил С.П. Королев. Также этим постановлением при Совете Министров СССР был создан высший орган для руководства развитием ракетной техники в стране, а именно: Комитет по реактивной технике[121].

Весьма длительный период времени потребовал сам процесс переосмысления роли атомного оружия – от вопросов политического значения до оценки потенциала использования этого оружия в реальной войне. В статье, опубликованной в приложении к журналу «Военная мысль» (под грифом «совершенно секретно») генерал армии П. А. Курочкин говорил о том, что военная мысль СССР в течение некоторого времени пыталась приспособить доктрину периода Второй мировой войны к трансформациям, вызванным новыми реалиями «атомной эпохи».

При этом атомный фактор как бы «адаптировали» к широко принятым

---

[119] ТУ-95 МС: стратегический ракетоносец // [Электронный ресурс] // ПАО «Туполев» [Официальный сайт]. URL: https://www.tupolev.ru/planes/tu-95ms/ (дата обращения: 08.10.2022).

[120] И.Р. Фазлетдинов. Вопросы реактивного вооружения (к 75-летию постановления Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года) // Военная мысль. — 2021. — №5. [Электронный ресурс] // Военная мысль [Официальный сайт]. URL: https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/319818/ (дата обращения: 08.10.2022).

[121] Ярынич В. «Наземные баллистические ракеты» в книге «Ракетная мощь России: прошлое и настоящее». Комитет по критическим технологиям и нераспространению, Монтерейский институт международных исследований. — Москва, 1996, с. 86.

в тот период формам и методам вооруженной борьбы[122]. Это может быть объяснено как количественными, так и качественными характеристиками атомных вооружений, если говорить о первых годах их существования и накапливания. По наивысшим оценкам, в 1955 году Советский Союз имел порядка нескольких десятков атомных и термоядерных боезарядов, поступивших в войска с конца 1953 года[123]. Из этого можно сделать вывод о том, что в период правления И.В. Сталина (до марта 1953 г.) атомное оружие еще не стало частью вооруженных сил и не влияло в значительной мере на характер военной доктрины.

Говоря о «хрущевском» периоде, можно отметить, что на первых его этапах можно заметить существенное изменение: от увеличения количества единиц вооружений к качественному изменению подхода к осмыслению роли оружия в безопасности СССР, в том виде, как это понималось военно-политическим руководством страны того времени. При этом в описываемый период Советский Союз выполнил задачу, поставленную И.В. Сталиным перед конструкторами (авиационными и ракетными) и добился возможности на практике возможности нанесения ударов атомными и термоядерными зарядами не только по целям в Европе, но и по американской территории.

Как уже было сказано выше, на начальных этапах ядерное оружие рассматривалось скорее как улучшенный и более мощный вариант обычных боезарядов, в то время как военная стратегия остается прежней. Таким образом, в начале 1950-х годов ядерное оружие пока не имело самостоятельной роли с точки зрения системы стратегического управления и планирования СССР.

Конструкторское Бюро академика С.П. Королева разработало первую в СССР баллистическую боевую ракету, способную нести ядерный боевой заряд. В начале 1956 г. успешно были проведены ее испытания, по результатам

---

[122] Батюк В.И., Евстафьев Д. «Первые заморозки ...», с. 138.

[123] Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. // «Nuclear Weapons Databook». Harper & Row, 1989. — Vol. IV. — P.5-25.

которых ракета была принята на вооружение. А чуть позже то же КБ разработало двухступенчатую межконтинентальную баллистическую ракету. 21 августа 1957 года она была испытана в СССР, что было сделано впервые в мире. Тогда же прошли испытания и ракеты с ядерным зарядом, используемых для вооружения подводных лодок советского ВМФ[124].

В 1959 году были созданы Ракетные войска стратегического назначения (РВСН). Н.С. Хрущев часто акцентировал внимание на этом виде вооружений в своих публичных, а также закрытых выступлениях. При создании этих войск изначально мнения отдельных представителей руководства страны расходились. Выдвигались предложения о распределении имеющихся ракетно-ядерных вооружений между Сухопутными войсками (СВ), Военно-морским флотом (ВМФ), Военно-воздушными силами (ВВС) и Войсками противовоздушной обороны (ПВО). Другая точка зрения выражалась в том, что необходимо ограничиться только флотом и авиацией, т.е. использовать американскую модель. В конечном счете была принята третья точка зрения, а именно: необходимо объединить наиболее мощные стратегические силы в отдельный вид ВС. В результате в состав РВСН передали все формирования, вооруженные межконтинентальными баллистическими ракетами и ракетами средней дальности, а кроме того еще и ряд учебных заведений и учреждений. Главкомом РВСН утвердили Главного Маршала артиллерии М.И. Неделина[125].

Однако, ВМФ и ВВС продолжили развивать собственные стратегические ядерные силы, правда, значительно уступая Ракетным войскам стратегического назначения в объемах. Итак, в конце 50-х годов в Советском Союзе был принят курс, направленный на создание трехкомпонентной системы стратегических ядерных сил. При этом в сравнении с США, где такая система была превращена в стратегическую «триаду», в Советском Союзе она

---

[124] См., например: Черток Б.Е. Ракеты и люди. — 2-е изд. — М.: «Машиностроение», 1999. — 416 с.
[125] См.: Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. — М.: Политиздат, 1989. — С. 40 - 41.

не была реализована в полном объеме, отдавая явное предпочтение наземному сегменту - РВСН.

Ракетные войска стратегического назначения явились основой решения глобальных стратегических задач для руководства СССР. Приведем цитату Н.И. Крылова, маршала Советского Союза: «Ракетные войска стратегического назначения обладают такими боевыми возможностями, которые позволяют в наикратчайшие сроки не только обеспечить разгром важнейших группировок противника, но и полностью подорвать его военно-экономический потенциал, дезорганизовать его государственное и военное управление, уничтожить стратегические средства ядерного нападения противника» (1964 год) [126].

Изменение взглядов военно-политического руководства Советского Союза на ядерное оружие произошло в конце 50-х - начале 60-х годов – с получением СССР реальной возможности нанесения ударов по территории Соединенных Штатов. Весьма значимым фактором, повлиявшим на этот «перелом», стал Карибский (Кубинский) кризис, на длительный период времени предопределивший развитие как стратегических вооружений, так и системы стратегического управления в Советском Союзе[127].

Безусловно, именно Карибский кризис стал одним из важнейших факторов, побудивших руководство СССР развернуть широкомасштабные работы по форсированному развитию ракетных средств доставки, созданию средств противовоздушной и противоракетной обороны. «Догнать и перегнать Америку» во многом относилось именно к ракетно-ядерной сфере, тем более что Советский Союз «приближался» к США в наземном компоненте триады – МБР, хоть и отставая существенно в морских и авиационных компонентах.

Характерно чертой того времени (конец 1950-х – начало 1960-х годов) являлся «стиль поведения» как государственного, так и военного руководства Советского Союза, который характеризовался склонностью к блефу, в первую

---

[126] Крылов Н.И. Стратегические ракеты. Ядерный век и война. Москва, 1964. — С. 36.

[127] См., например, Кокошин А.А. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. — ЛЕНАНД Москва, 2012. — 32 с.

очередь исходивший от Н.С. Хрущева. Показательно заявление маршала Р.Я. Малиновского (в то время - министра обороны Советского Союза), сделанное им на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза (1961 г.): «Объем производства ракетного вооружения за последние годы настолько увеличился, что мы не только полностью, но и с большим избытком обеспечены ракетами различных типов и предназначений… В ракетных войсках имеется около 1800 отличных подразделений – это большие мастера своего дела, мастера бить без промаха по любой точке земного шара» [128]. Из данного заявления следует, что Советский Союз якобы был не только сопоставим по масштабам развертывания стратегических ядерных с сил с Соединенными Штатами, но и превосходил их, существенно опережая. На самом деле даже и в середине 1960-х годов по количеству стратегических ядерных носителей СССР находился существенно позади[129].

После ухода Н.С. Хрущева с поста Первого Секретаря ЦК КПСС неоднократно вставал вопрос о его ошибках в сфере управления страной, однако это никогда не касалось его решений о резком наращивании ракетно-ядерного потенциала Советского Союза с целью достижения паритета с США. Кроме того, именно в период руководства Хрущева были заложены основы военной стратегии СССР, в том числе благодаря выработанным стратегическим концепциям в сфере использования ядерного оружия при различных условиях развития военно-стратегической ситуации.

Концептуально идеи ведения войны с использованием ядерного оружия были сформулированы в фундаментальном труде «Военная стратегия», вышедшем в 1962 году под редакцией маршала В.Д. Соколовского. Так, согласно авторам данной работы, одна из важнейших задач - отражение воздушно-космического нападения противника – должна была реализовываться с учетом и оборонительных, и наступательных

---

[128] XXII съезд КПСС, 17-31 октября 1961 год. Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1961. — Т. 2. — С. 115 - 116.
[129] Ахромеев С. Утверждения Вашингтона и действительные факты // Правда, 1985 год, 19 октября.

вооружений. Говоря об обороне, предполагалось, что в случае ведения войны с применением ядерного оружия «одной из кардинальных задач для советской военной стратегии является надежная защита тыла страны от ядерных ударов - противоракетная оборона", целью которой являлось «снизить потери от ядерных ударов противника, сохранить жизнедеятельность тыла страны и боеспособность вооруженных сил» [130]. Известным фактом является то, что авторы «Военной стратегии» осознавали, что даже один первый удар со стороны «агрессора» может причинить невосполнимый урон стратегически важным как гражданским, так и военным объектам. Это означает, что для СССР главной задачей является недопущение подобного варианта развития событий. Представлялось совершенно очевидным, что решить эту проблему можно было только посредством упреждающего нанесением массированного противосилового удара: «Основным способом ведения войны явятся массированные ракетно-ядерные удары, наносимые с целью уничтожения средств ядерного нападения агрессора ...». Важным представлялось осуществить проработку «способов срыва агрессивных замыслов противника путем своевременного нанесения по нему сокрушительного удара» [131]. В работе неоднократно подчеркивалось, что Советский Союз обладает такой возможностью, что позволяло определять ракетно-ядерные вооружения не только как наступательные, но и как оборонительные, обеспечивающие безопасность страны и защиту от «империалистического агрессора».

Тогда же сформировалось и определение «активной обороны» - превентивное уничтожение ядерных сил противника. Конечно, в этом нельзя отрицать и элементы пропаганды, но, все же, с учетом недостаточной эффективности противоракетной обороны задача, отражать воздушно-космические атаки противника возлагалась на упреждающие действия[132].

---

[130] Военная стратегия / Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В. Д. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: Воениздат, 1963. — С. 246-247.
[131] Там же, с. 255.
[132] См., например: Завьялов И. Соревнование между наступательными и оборонительными средствами и его влияние на методы ведения боевых действий // Военная мысль. — 1970. — № 7.

В этот же период окончательно были сформулированы основные задачи вооруженных сил. Это – «отражение воздушно-космического нападения противника, подавление его военно-экономического потенциала и уничтожение группировок вооруженных сил противника»[133-134]. Представляется важным заметить, что в это же время в Советском Союзе было сформировано понимание, что ракетно-ядерные вооружения могут быть рассмотрены не только как наступательное оружие, но в большей степени как оборонительное, как «щит» в вопросах обеспечения безопасности СССР. В нашем понимании, это было больше, чем просто элемент пропаганды.

В целом ряде работ военных экспертов того времени, которые были опубликованы в закрытых изданиях (например, в журнале «Военная мысль», который «открыли» в конце 1980-х гг.), присутствует, видимо, достаточно искренняя оценка положения о том, что уничтожение ядерных вооружений противника стоит рассматривать, наряду с прочим, в качестве осуществления «активной обороны» [135]. Разумеется, нельзя игнорировать значительную роль пропаганды в выдвижении подобных «идей». Но также невозможно спорить с тем, что при условии не вполне эффективной ПРО, поиск других способов решения проблемы «отражения воздушно-космического нападения» противника представлялся достаточно логичным. Это предлагалось осуществлять путем использования наступательных вооружений и упреждающих действий, о чем прямо заявлял в своих работах генерал-полковник, доктор военных наук И.Г. Завьялов, один из авторов «Военной стратегии» [136].

Также еще в начале 60-х годов рассматривалась идея использовать систему двойного назначения на базе МБР СС-11 в качестве и компонента

---

[133] Макеев Б. Военно-морские аспекты национальной безопасности России. Комитет по критическим технологиям и нераспространению. — Москва, 1997. — С. 28.
[134] Вьюненко Н., Макеев Б., Скугарев В. Военно-морской флот: роль, перспективы развития, использование. — Москва, Воениздат, 1988. — С. 35-41.
[135] См., например: Мирошниченко Н. О современной обороне // Военная мысль. — 1972. — № 10.
[136] Завьялов И. Соревнование между наступательными и оборонительными средствами и его влияние на методы ведения боевых действий // Военная мысль. — 1970. — № 7.

ПРО, и наступательного оружия, получившая название система «Таран». Она разрабатывалась в КБ во главе с В.Н. Челомеем. Аванпроект предполагал три рубежа перехвата ракет потенциального агрессора (подразумевая Соединенные Штаты), а также учитывал возможность перехвата космических аппаратов на низких орбитах. После ухода из власти Н.С. Хрущева работы по этой системе были остановлены, в том числе в силу сомнительной эффективности. После этого главным разработчиком стратегических систем обороны стал коллектив, которым руководил Г.В. Кисунько, который сосредоточился на создании системы «А-35» и ее последующих модификациях[137].

Безусловно, для реализации стратегии, предусматривающей выполнение трех названных выше задач, был необходим состав стратегических наступательных и оборонительных вооружений, позволяющий вооружённым силам страны выполнить эти поставленные задачи. В результате усилий по строительству комплекса стратегических систем к началу 1970-х гг. в СССР каждый год вводилось в строй примерно 250 шахтных пусковых установок (ШПУ) МБР и до восьми атомных ракетных подводных лодок[138]. Интенсивно строилась система ПРО г. Москвы, которую в дальнейшем планировалось распространить на всю страну.

Однако к концу 1960-х годов становится все очевиднее, что добиться превосходства над Соединенными Штатами в гонке вооружений практически невозможно: создание ракет с разделяющимися головными частями (РГЧ), по сути, обнуляло эффективность систем обороны, делаю усилия по их развертыванию контрпродуктивными. В ноябре 1968 года состоялся научно-технический совет Министерства радиопромышленности СССР. В нем приняли активное участие академики Б.В. Бункин, П.Д. Грушин,

---

[137] Евтиев М.Д. Из истории создания зенитино-ракетного щита России. — М.: Вузовская книга, 2000. — С. 123-126.

[138] Эти данные впервые были приведены в день подписания Договора ОСВ-1 в ходе пресс-конференции Г. Киссинджера в отеле «Интурист» в Москве 26 мая 1972 г. Подробнее см. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений России: дисс. … доктор полит. наук: 23.00.04. — М., 2001. — 359 с.

Ю.Б. Харитон, А.И. Савин, А.Л. Минц, а также представители Министерства обороны Советского Союза: Г.Ф. Байдуков, К.А. Трусов, Ю.В. Вотинцев. На совете было обозначено, что в случае отсутствия обеспечения сложной селекции целей, системе «А-35» потребуется для поражения одной цели вплоть до 40 противоракет, что, наряду с прочим, примерно в двадцать раз дороже самой МБР противника. В это же время проект модернизации системы «А-35» не содержал в себе конкретных данных по способам реализации отбора сложных целей. В связи с этим академиком А.Л. Минцем в ходе обсуждения было отмечено, что предложение по продолжению работ по системе «А-35» дискредитирует саму идею противоракетной обороны[139].

С учетом понимания совокупности проблем, сопряженных с развитием систем ПРО (и технических, и стратегических, и экономических), руководством Советского Союза было принято предложение ограничить системы противоракетной обороны в рамках договора с США. Это предложение выдвинул в 1967 году министр обороны Соединенных Штатов Р. Макнамара во время советско-американской встречи в Глассборо. Макнамара в конце 1960-х годов неоднократно отмечал, что необходимости у великих держав развивать масштабные системы ПРО нет. Это только нарушает основу стратегической стабильности, создавая иллюзию «щита» от ответного удара, что лишь способствует эскалации кризиса.

Эта мысль изначально была отклонена А.Н. Косыгиным. По результатам встречи с министром обороны Соединенных Штатов Р. Макнамарой, Косыгин заявил: «...какое оружие следует рассматривать как фактор напряженности – наступательное или оборонительное? Думаю, что оборонительные системы, которые предупреждают нападение, не являются причиной гонки вооружений, а представляют собой фактор, предотвращающий гибель людей. Некоторые рассуждают так: что дешевле –

---

[139] См.: Первов М. Системы ракетно-космической обороны создавались так. Научн. рук. академик РАН А.Н. Савин. Изд. 2-е. — М.: АВИАРУС-XXI, 2004; см. также: Евтиев М.Д. Из истории создания зенитно-ракетного щита России. — М.: Вузовская книга, 2000. — С. 70–78

иметь наступательное оружие, которое может уничтожить города и целые государства, или иметь оборонительное оружие, которое может предупредить это уничтожение. В настоящей момент кое-где имеют хождение теории, что следует разрабатывать систему, которая дешевле. Такого рода «теоретики» спорят и о том, сколько стоит убить человека – 500 тыс. долл. или 100 тыс. Может быть, противоракетная система дороже стоит, чем наступательная, но она предназначена не для убийства людей, а для сохранения человеческих жизней... Для решения проблемы безопасности есть другие пути, куда более надежные, пути, которые действительно могли бы устроить человечество. Вы знаете, что мы высказываемся за то, чтобы вообще прекратить ядерное вооружение и уничтожить запасы ядерного оружия» [140].

Некоторые авторы отмечают в своих работах, что решение ограничить системы ПРО и подписать соответствующий договор с США не встретило одобрения в военных кругах, прежде всего у министра обороны СССР маршала А.А. Гречко. Он считал, что предложение США является попыткой добиться для себя исключительных преимуществ[141].

Представляется важным отметить, что базовые принципы, лежавшие в основе переговорного процесса того периода, у двух великих держав весьма отличались. И если США к указанному времени уже сформировали для себя принципы стратегической стабильности, то Советский Союз стремился в любом случае иметь количественно вооружений не меньше, а, желательно, больше, чем потенциальный противник.

Переговоры по ограничению стратегических вооружений (ОСВ-1) начались в ноябре 1969 года, при этом трактовка советской стороны оставалась очень своеобразной. Так, например, СССР не соглашался учитывать в рамках ОСВ атомные подводные лодки с баллистическими ракетами. Кроме того, в отношении США советское руководство предлагало

---

[140] Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. Изд. 2, перераб. и сущ. доп. — М.: URSS, 2011. — 464 с.
[141] См.: A.Savel'yev, N.Detinov. «The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union». Praeger, 1995. — P. 4-10.

учитывать не только ракетные и авиационные средства передового базирования США, но и ядерные вооружения союзников по НАТО Франции и Великобритании. Все это обосновывалось принципом «одинаковой безопасности», который выдвигался СССР в качестве базового подхода к переговорам. В свою очередь, США отказывались от такого пути учета и включали в список «стратегических вооружений» только МБР и БРПЛ сторон[142]. На этом начальном этапе переговорных отношений между сторонами в сфере контроля над стратегическими ядерными вооружениями тяжелые бомбардировщики (ТБ) сторон в зачет не принимались.

Здесь необходимо отметить, что вышеупомянутое требование СССР об учете «всех факторов», определяющих баланс сил сторон в той или иной форме присутствовало в ходе всех переговоров двух стран по ограничению стратегических ядерных вооружений. Однако именно Договор ОСВ-1 стал тем единственным соглашением, в котором Советскому Союзу фактически удалось получить компенсацию за эти «дополнительные» вооружения (хотя, естественно, никаких упоминаний об этом факте в тексте соглашения не присутствовало). Согласно Договору ОСВ-1, который был подписан 26 мая 1972 года, у Советского Союза появлялось право иметь 1416 пусковых установок МБР и 950 пусковых установок БРПЛ на 62 подлодках, в то время как для США было разрешено иметь 1054 ПУ МБР и 740 ПУ БРПЛ на 44 подводных лодках[143].

Одним из важнейших результатов переговоров ОСВ-1 стало подробное ознакомление советского руководства с выработанными в США концепциями ядерного сдерживания и стратегической стабильности. Так, особое внимание было обращено на позицию США, заключавшуюся в том, что системы противоракетной обороны негативно сказываются на стратегической

---

[142] Веселов В.А., Лисс А.В. Ядерное сдерживание. —М.: МАКС Пресс, 2005. — 256 с.

[143] Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt (дата обращения: 20.10.2022).

стабильности. Это во многом повлияло на то, что в СССР были приняты идеи о необходимости жесткого ограничения оборонительных систем. Это, в сочетании с практической невозможностью создания эффективной системы ПРО территории Советского Союза, и привело к тому, что СССР в конечном итоге согласился на условия Договора по ПРО, подписанного в мае 1972 года, который накладывал серьезные ограничения на системы стратегической противоракетной обороны.

Необходимо подчеркнуть, что Договор ОСВ-1 имел огромное политико-военное значение. Договор наложил весьма существенные ограничения на количественный состав, структуру отдельных элементов, качественные характеристики и размещение систем противоракетной обороны СССР и США. Было запрещено создавать, испытывать и развертывать системы ПРО: морского, воздушного, космического или мобильно-наземного базирования. Кроме того, накладывались ограничения (запрет) на создание основы ПРО территории всей страны, а также размещать системы ПРО вне национальной территории двух держав[144]. Кроме того, дополнительный Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, подписанный в 1974 году, сократил до одного количество предусмотренных районов для размещения систем ПРО. Для СССР – это район Москвы, для США – район шахтных ПУ МБР Гранд-Форкс в Северной Дакоте. Стороны при этом получали право перенести системы ПРО: СССР – на район развертывания ШПУ МБР, а США – на столицу страны г. Вашингтон[145]. Но подобных планов ни у США, ни у СССР, не имелось.

По своей сути Договор по ПРО стал подтверждением того, что обе

---

[144] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs-abm.htm (дата обращения: 08.11.2021).

[145] Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны. 3 июля 1974 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт].URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs-abm.htm (дата обращения: 20.10.2022).

стороны строят свою политику на принципах ядерного сдерживания, отвергая при этом саму идею возможности победы в ядерной войне. На практике это означает признание невозможности снижения ущерба, наносимого первым ударом противника, что лишает смысла реализацию планов по его нанесению. Безусловно, все это снизило и напряженность международной остановки, и объем взаимный подозрений двух ядерных сверхдержав. На первый план в их отношениях стали выходить идеи сдерживания и стратегической стабильности.

Начиная с 1970-х годов процесс взаимодействия СССР и США характеризуется, прежде всего, осознанием невозможности победы в ядерной войне, о чем декларировалось в «Военной стратегии» маршала В. Соколовского, а также необходимости продолжения диалога с Соединенными Штатами по ограничению стратегических наступательных вооружений. Именно в данный период концепция «ответного удара» заменила собой идею массированного первого удара, что, в конечном счете, стало причиной того, что в 1982 году СССР объявил принцип неприменения ядерного оружия первым[146].

Здесь следует отметить существование разных взглядов на содержание термина «ответный удар». Значительное количество исследователей считает, что, в сущности, под ним имеется в виду «ответно-встречный удар». Такое мнение разделяет ряд отечественных экспертов. В качестве примера можно привести: С. Кургиняна, Ю. Бордухчиева, Ю. Белых[147], Ю. Назаркина[148], А. Арбатова[149]. В качестве иллюстрации данного мнения можно привести слова, датированные 1977 годом, сказанные Главкомом Ракетных войск

---

[146] Арбатов А.Г. Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности. Гарантия или угроза. 29.01.2019. [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги [Официальный сайт]. URL: https://carnegie.ru/2019/01/28/ru-pub-78209 (дата обращения: 25.10.2022).

[147] Кургинян С., Бардахчиев Ю., Белых Ю. // Договор СНВ-2: перспективы ратификации. – М.: Корпорация «Экспериментальный творческий центр», 1996. – 97 с.

[148] Назаркин Ю. Договор СНВ-2: за и против // Договор СНВ-2: перспективы ратификации. – М.: Московский центр Карнеги, 1995. – 87 с.

[149] Арбатов А. Договор СНВ-2 как средство контроля над вооружениями и его стратегическое значение // Договор СНВ-2: перспективы ратификации. – М.: Московский центр Карнеги, 1995. – 94 с.

стратегического назначения В. Толубко: «Потенциальный противник должен знать, что после старта даже группы его ракет из любого района их базирования в направлении нашей территории незамедлительно последует неотвратимое возмездие!"[150] Еще одним примером поддержки концепции - высказывание министра обороны СССР Д.Ф. Устинова: «При современном состоянии систем обнаружения, боеготовности стратегических ядерных средств Советского Союза обезоруживающего удара по социалистическим странам у США не получится. Агрессор не уйдет от всесокрушающего ответного удара» [151].

Тем не менее, ряд ведущих экспертов придерживается мнения, что в основе идеи возможности применения СНВ в Советском Союзе в тот период лежала концепция «гарантированного ответного удара». В качестве примера приведем высказывание генерал-майора, доктора технических наук В.З. Дворкина: «Ряд политиков полагает, и, возможно, у них были для этого основания, что в эпоху «холодной войны» и глобального противостояния военно-политическое руководство СССР главную ставку делало на «ответно-встречный удар», а это крайне опасно из-за ошибок в работе эшелонов системы предупреждения о ракетном нападении, ограниченного лимита времени на принятие решения, личностных качеств людей, принимающих решение ... Вместе с тем, в период холодной войны, если судить по реальным программам, основная ставка в ядерном сдерживании все-таки делалась в нашей стране на «гарантированный ответный удар»[152] [153] .

Кроме того, В.З. Дворкин обращает внимание на вопрос расчета стоимости вооружений – к примеру, железнодорожный ракетный комплекс по стоимости при расчете на одну ракету с десятью боезарядами стоит

---

[150] Толубко В.Ф. Ракетные войска. – Москва, 1977. –С. 34.

[151] «Ради мира на Земле. Советская программа мира для 80-х годов в действии». Материалы и документы. – Москва, 1983. – С. 186-187.

[152] Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и Договор СНВ-2 // Ядерное распространение. – 1997. — № 17. – С. 6.

[153] Подробнее см. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений России: дисс. … доктор полит. наук: 23.00.04. — М., 2001. — 359 с.

практически в два раза дороже, чем шахтный комплекс с тяжелой ракетой. Из этого он приходит к выводу о том, что принятие на вооружение такой системы было «необходимо было для повышения живучести ядерных сил, т.е. для гарантированного сохранения угрозы ответного удара, поскольку для осуществления «ответно-встречного удара» все эти меры не только бесполезны, но отчасти и вредны, так как техническая готовность к старту ракет мобильных комплексов ниже» [154].

Важно обратить внимание на тот факт, что в исследуемый период руководством СССР в открытой форме не заявлялось о том, что достижение победы в будущей войне признается невозможным. Можно говорить о том, что Советский Союз, в целом, был удовлетворен достижением наличествовавшего уровня собственных стратегических ядерных вооружений – их количественные показатели впервые стали сравнимы с количественными показателями США. В силу этого, закрепление ситуации паритета в военно-стратегическом плане превратилось в одну из важнейших политических задач в области обеспечения безопасности Советского Союза.

Переговоры по ОСВ-2 начались спустя несколько месяцев после подписания ОСВ-1. СССР в первую очередь делал акцент на упомянутом выше принципе «одинаковой безопасности», требуя учесть ядерные средства передового базирования США, а также ядерные вооружения Великобритании и Франции. Однако переговоры на высшем уровне руководства двух стран во Владивостоке в ноябре 1974 года привели к значительным уступкам со стороны Советского Союза. Советской стороне пришлось снять свое требование включить в будущий договор американские средства передового базирования, а также пришлось согласиться на одинаковые ограничения для обеих сторон, оставив претензии на равенство возможностей стратегических сил. Однако, и американская сторона согласилась с включением в договор тяжелых бомбардировщиков, прекратив попытки добиться сокращения

[154] Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и Договор СНВ-2 // Ядерное распространение. – 1997. — № 17. – С. 6.

количества советских тяжелых ракет и к пересмотру определения «тяжелая ракета» так, чтобы оно включало создаваемую в СССР ракету УР-100Н[155].

По итогам договоренностей во Владивостоке СССР и США, учитывая произошедшие изменения, продолжили работу над согласованием положений ОСВ-2. Самыми сложными оказались вопросы, связанные, во-первых, с включением советского бомбардировщика Ту-22М в категорию стратегических средств доставки ядерного оружия (этого США сделать не удалось). Во-вторых, - это способ зачета бомбардировщиков, оснащенных крылатыми ракетами воздушного базирования большой дальности (КРВБ) (тут даже внутри советского руководства отсутствовала единая позиция) и зачет МБР, оснащенных и не оснащенных РГЧ. После долгих согласований и поиска компромиссов в 1979 году Договор ОСВ-2 все же был подписан сторонами, в результате чего устанавливался «паритет» (относительное, или примерное равенство) в стратегических наступательных вооружениях[156]. Однако СССР так и не смог отстоять свой принцип «одинаковой безопасности», учитывающий соотношение ядерных сил не только СССР-США, но и СССР-НАТО. Вместе с тем в качестве компромисса в преамбуле Договора ОСВ-2 было указано, что он базируется на принципе «равенства и одинаковой безопасности».

Важным аспектом данного периода отношений стала высказываемая озабоченность со стороны руководства Советского Союза о выработке американской стороной концепций ведения затяжных и ограниченных ядерных войн. По этой причине в открытых средствах массовой информации стали появляться заявления о неизбежной планетарной катастрофе в том случае, если «империалисты» развяжут ядерную войну. Например,

---

[155] Стратегические ядерные силы СССР и России. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/course/rsf/p6.htm (дата обращения: 12.10.2021).

[156] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений. 18 июня 1979 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt (дата обращения: 01.04.2023).

Д.Ф. Устинов в 1981 году высказал следующую мысль: «Лишь совершенно безответственные люди способны утверждать, будто ядерную войну можно вести по каким-то заранее разработанным правилам, согласно которым ядерные ракеты должны взрываться «по-джентльменски»: только над определенными объектами, не поражая при этом население» [157].

Период начала 1980-х годов в целом характеризовался существенным обострением отношений СССР и США. Симптоматично, что в 1981 году американская сторона заявила, что в ее планы не входит добиваться ратификации Договора ОСВ-2. При этом президент США Р. Рейган объявил о начале широкомасштабной программы модернизации американских стратегических сил. Тем не менее, США объявили, что готовы начать новые переговоры, имеющие целью глубокие (50%-е) сокращения стратегических вооружений. Сами переговоры по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОССВ), начатые в июне 1982 года, какого-либо ощутимого успеха не принесли, и осенью 1983 г. были прерваны советской стороной в связи с началом развертывания американских ракет средней дальности в Европе.

Одновременно с переговорами СССВ велись и советско-американские переговоры о ядерных средствах в Европе. Они были начаты в октябре 1980 г. и продолжены в 1981 г. В ходе этих переговоров СССР, следуя принципу «одинаковой безопасности», в очередной раз пытался поставить вопрос о ядерных вооружениях Великобритании и Франции, а также вести речь обо всех средствах доставки ядерного оружия средней дальности, включая авиацию. Успеха такой подход не принес и, как мы полагаем, даже если бы эти переговоры продолжались, достижение какой-либо договоренности на этой базе вряд ли можно было ожидать. Эти переговоры также были прерваны советской стороной в ноябре 1983 г. после начала развертывания американских ракет средней дальности в Европе.

---

[157] Устинов Д. «Против гонки вооружений и угрозы войны». «Правда», 25 июля 1981 г.

Этот переговорный «вакуум» продолжался примерно год, закончившись в ноябре 1984-го года, когда Советский Союз и США заявили о том, что готовы начать переговоры, предметом которых явились бы ядерных вооружений на европейской территории, а также оборонительными и космическими вооружениями. Сами переговоры начались 12 марта 1985 г., за несколько дней до прихода к власти в СССР нового Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

К этому моменту в советско-американских стратегических отношениях появился еще один серьезный фактор, сильно усложнивший перспективы достижения новых договоренностей по контролю над ядерными вооружениями. Это – «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), объявленная Р. Рейганом 23 марта 1983 г. По заявлениям американской стороны, программа СОИ была направлена на исследование возможности отражения ракетно-ядерного нападения на США и их союзников путем создания новых средств ПРО, включая средства космического базирования. В советской интерпретации данная программа была направлена на не столько на исследования данной проблемы, но и непосредственно на создание новых оборонительных систем космического базирования, а также «ударных космических вооружений», способных наносить удары из космоса по территории СССР[158]. Вопросы соответствия СОИ действующему Договору по ПРО оставались нерешенными. США заявляли о том, что их программа в противоречие с Договором не входит, поскольку является «исследованиями», а СССР считал ее прямым нарушением этого соглашения, так как она направлена на разработку запрещенных Договором вооружений.

Советская сторона пыталась настаивать на том, чтобы переговоры по названным трем направлениям проходили параллельно и в прямой увязке между собой. Именно поэтому для них была утверждена единая делегация СССР. США же считали эти переговоры отдельными форумами, и утвердили

---

[158] Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. Велихов, Кокошин и другие. —М., URSS, 2008. —56 с.

три делегации для обсуждения каждой отдельной проблемы.

Вплоть до осени 1986 года на переговорах не наблюдалось никакого прогресса. В январе 1986 года М.С. Горбачев выдвинул программу ликвидации всего ядерного оружия[159], предполагавшую ее реализацию к 2000 году. Хотя с самого начала было ясно, что эта программа была очевидным образом практически нереализуема, ее отдельные положения имели серьезные перспективы. Это, прежде всего, относилось к вопросу о ракетах средней и меньшей дальности. То же самое можно было отнести и к перспективам 50%-х сокращений СНВ сторон. Учитывая тот факт, что инициаторами «плана Горбачева» выступили военные, серьезного сопротивления заключению таких соглашений с США с их стороны не последовало.

В Рейкьявике осенью 1986 года состоялась встреча М.С. Горбачева и Р. Рейгана. В процессе этой встречи руководители двух держав максимально приблизились к тому, чтобы договориться о сокращении стратегических вооружений до половины их численности. Кроме того, стороны достигли принципиальной договоренности о пятидесятипроцентном сокращении всех компонентов стратегических сил, включая и советские тяжелые ракеты. Также СССР заявил о готовности согласиться исключить средства передового базирования Соединенных Штатов из числа стратегических носителей, а также отказался от требования учета ядерных вооружений средней дальности Великобритании и Франции, выразив готовность к полной ликвидации как советских, так и американских ракет средней дальности на европейской территории. Однако эти предложения Советского Союза были увязаны с ограничением деятельности по созданию противоракетных систем. В частности, СССР настаивал на принятии обязательства сторонами о невыходе из Договора по ПРО в течение десяти лет. Поскольку Соединенные Штаты не захотели соглашаться ограничивать работы в области противоракетных

[159] Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачев. 15 января 1986 года. [Электронный ресурс] // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд) [Официальный сайт]. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/zayavlenie_msg_15_01_1986.pdf (дата обращения: 29.11.2022).

систем, СССР снял свои предложения[160].

Тем не менее, прогресс в одном из «сегментов» общего процесса переговоров принес свои плоды. К концу 1987 г. стороны сумели согласовать все положения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности РСМД), после чего этот документ был подписан в ходе визита М. Горбачева в Вашингтон в декабре этого года. СССР при этом пошел на то, чтобы снять «увязку» данного соглашения с решением проблемы СНВ и «обороны и космоса». Согласно Договору РСМД СССР в период с 1 июня 1988 г по 31 января 1991 г. обязался уничтожить 889 ракет средней дальности (в т.ч. 654 СС-20) и 957 ракет меньшей дальности, (в т.ч. 239 СС-23). В этот же период Соединенные Штаты обязались уничтожить 234 ракеты «Першинг-2", 443 КРНБ и 169 ракет «Першинг-1А». Примечательно, что в Преамбуле этого Договора говорилось о том, что стороны при его заключении руководствовались целью укрепления стратегической стабильности[161].

К лету 1991 г. стороны согласовали все положения договора о 50%-х сокращениях стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-1). И в этом случае СССР пошел на то, чтобы снять последнюю «увязку» переговорного пакета – требование о соблюдении Договора по ПРО «в том виде как он был подписан в 1972 году» (официальная советская формулировка). Договор был подписан 31 июля 1991 года в Москве и вступил в силу 5 декабря 1994 г. Более подробно об этом документе будет сказано ниже. Что касается «переговоров по обороне и космосу», то никакого прогресса на них достигнуто не было, и они завершились безрезультатно летом 1991 г. после подписания Договора СНВ-1.

Следует отметить, что «горбачевский» период отличался достаточно резкой и кардинальной сменой подходов СССР к вопросам ядерного

---

[160] Подробнее см.: Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. — Издательская группа URSS Москва, 2013. — 268 с.
[161] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 8 декабря 1987 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 22.10.2022).

разоружения и стратегической стабильности. Поначалу продолжали превалировать традиционные идеи укрепления безопасности посредством поддержания паритета с США и их союзниками, а также учета всех факторов, влияющих на безопасность. Но постепенно в риторике советских политических деятелей и экспертов все более прочно стали укрепляться понятия «стратегическая стабильность», «кризисная стабильность», «дестабилизирующие вооружения», и другие, ранее применявшиеся только в США. Из этого можно сделать вывод, что державы начали переходить на «один язык». Все это во многом сделало взаимное понимание сторон по проблемам ограничения и сокращения вооружений более простым[162].

Одним из объяснений принятия американской терминологии при обсуждении проблем безопасности и проведении переговоров по контролю над вооружениями является тот факт, что многие американские идеи и предложения были достаточно серьезно уязвимы именно с точки зрения положений теории стратегической стабильности. Это, прежде всего, относится к программе СОИ, критика которой широко развернулась не только в СССР, но и среди экспертного сообщества США. По свидетельства очевидцев[163], в ходе переговоров американские подходы по вопросам стратегической обороны и Договора по ПРО подвергались критике именно с позиции необходимости укрепления стратегической стабильности.

Следует также отметить, что несмотря на значительный прогресс в вопросах контроля над ядерными вооружениями в период нахождения у власти М.С. Горбачева, Советский Союз по факту не снижал темпов перевооружения в области стратегических систем. В 1987 году было начато развертывание МБР СС-24, а в 1988 году и МБР СС-25. Также была поставлена

---

[162] См., например, Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений. Доклад Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. — Москва, 1987;
Arbatov A. «Lethal Frontiers. A Soviet View of Nuclear Strategy, Weapons, and Negotiations». — Praeger, 1988.
Арбатов А.Г. Договор по ПРО и предотвращение гонки вооружений в космосе // Разоружение и Безопасность 1987. Ежегодник. — Москва, АПН, 1988. — С. 75-126.
Savelyev A. The BMD Debate in Russia // Ballistic Missile Defense Issues for the Twenty-First Century: From the Cold War to the Second Nuclear Age. — National Institute for Public Policy, November 1996. — P. 115-131. И др.
[163] Савельев А.Г. был участником переговоров по обороне и космосу в период с 1989 по 1991 гг.

на боевое дежурство новая модель тяжелой МБР СС-18. В последние годы существования Советского Союза в составе Ракетных войск стратегического назначения на вооружении состояли 1398 МБР, на которых было развернуто 6 612 стратегических ядерных боезарядов[164].

В период с 1980 по 1988 год в состав Военно-морского флота продолжали поступать новые РПКСН проекта 941 «Тайфун» («Акула»), а в период с 1985 по 1990 годы РПКСН проекта 667 - «Дельта IV» [165]. В тоже время, начиная с 1987 года, в состав Военно-воздушных сил продолжили поступать новые тяжелые бомбардировщики Ту-160. Однако в 1991 году первоначальный заказ на 100 единиц сократился до 40 самолетов, так как возникли финансовые сложности[166].

На основании приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что на рассматриваемый период времени СССР обладал более чем достаточным количеством ядерных вооружений для поддержания обороноспособности страны и сдерживания США и НАТО. В данной связи представляется очевидным отсутствие каких бы то ни было принципиальных изменений в стратегическом мышлении военного руководства СССР. Концепции «ответно-встречного удара», «гарантированного ответного удара», сохраняли свою актуальность. Также актуальной оставалась идея о том, что при условии начала войны, необходимо готовиться к «полному и окончательному разгрому противника».

В этот же период СССР продолжал придерживаться принципа неприменения ядерного оружия первыми, что не исключало возможности нанесения ядерного удара по Соединенным Штатам, если последние

---

[164] Ярынич В. «Наземные баллистические ракеты» в книге «Ракетная мощь России: прошлое и настоящее». Комитет по критическим технологиям и нераспространению, Монтерейский институт международных исследований. — Москва, 1996. — С. 11-44.

[165] Макеев. Б. «Морские ракеты» в книге «Ракетная мощь России: прошлое и настоящее», Комитет по критическим технологиям и нераспространению, Монтерейский институт международных исследований. Москва, 1996. — С. 45-59.

[166] Дыгало В. «Дальняя авиация: вчера, сегодня, завтра» в книге «Ракетная мощь России: прошлое и настоящее», Комитет по критическим технологиям и нераспространению, Монтерейский институт международных исследований. Москва, 1996. — С. 82-106.

применили бы тактическое ядерное оружие, размещенное в Европе, по советской территории.

В отличие от предыдущих лет, в период М. Горбачева многие проблемы военно-политического и военно-стратегического характера стали обсуждаться в СССР вполне открыто. Одним из таких вопросов стала дискуссия о роли военной силы, начавшаяся после доклада М.С. Горбачева на XXVII съезде КПСС в 1986 г. и публикации в мае 1987 г. «Основных положений военной доктрины государств-участников Варшавского Договора»[167].

Так, основная мысль озвученного на Съезде доклада заключалась в том, что обеспечение безопасности «все более предстает как задача политическая, и решить ее можно лишь политическими средствами» [168]. Таким образом, Горбачев публично «отодвинул» военных от процесса принятия решений и подчеркнул отсутствие необходимости опираться на военные механизмы в случае возникновения острых международных проблем. Это не могло не встретить негативной реакции высшего военного руководства страны. К примеру, маршал Советского Союза В.Г. Куликов в 1988 году в книге, посвященной доктрине сообщает о том, что «пока не создан политический механизм блокирования причин возникновения войны, союзные социалистические страны вынуждены опираться, в основном, на механизм военный» [169].

Еще более острая реакция возникла вокруг идеи одержания победы в будущей войне, которую продвигали военные. Во второй половине 1980-х годов значительное количество военных ученых и деятелей крайне негативно относились к идее невозможности одержать победу в глобальной ядерной войне. В качестве примера можно привести слова генерала армии Г.И. Салманова, опубликованные в журнале «Военная мысль». Автор

---

[167] «Правда», 30 мая 1987 г.
[168] «Материалы XXVII съезда КПСС». Москва, 1986, с. 64.
[169] Куликов В.Г. «Доктрина защиты мира и социализма». — Москва, Воениздат, 1988. — С. 50.

акцентировал внимание на том, что боевая подготовка ВС должна строиться на принципе готовности «к наиболее тяжелому варианту - длительной мировой войне» [170]. В том же время И. Кондырев и В. Гулин в явной и четкой форме заявляли о том, что «военная сторона победы не снимается на всех ее уровнях", даже если речь идет о ядерной войне[171]. Ознакомиться с содержанием этих прений можно опубликованном Ежегоднике ИМЭМО АН СССР «Разоружение и безопасность 1988-1989»[172], а также ряде других работ[173].

Кроме этого, большое недовольство в военных кругах вызывало активное включение гражданских лидеров в процесс международных переговоров по вопросам ядерного разоружения, особенно – министра иностранных дел Э. Шеварднадзе. Односторонние уступки, сделанные, как считали сторонники «жесткой линии», Советским Союзом в ходе переговорного процесса, повлекли не просто резкую критику М.С. Горбачева и Э.А. Шеварднадзе, но и привели к практически открытому конфликту между этими сторонами. По итогам конфликта военных и Э.А. Шеварднадзе существенно пострадали все стороны. В отставку вынуждены были подать как некоторые военные деятели, так и сам министр иностранных дел СССР, объявивший о готовящемся в стране военном заговоре.

Говоря об итогах нахождения у власти М.С. Горбачева можно сделать вывод о наметившимся крупном внутреннем расколе руководства СССР, однако его еще нельзя охарактеризовать как полный крах военной сферы, в том числе военной промышленности. Но нельзя не согласиться с тем, что в то время уже совершенно явным было основное – стремительное ухудшение экономической сферы Советского союза, начало серьезного комплексного

---

[170] Салманов Г.И. Советская военная доктрина и некоторые взгляды на характер войны в защиту социализма // Военная мысль. — 1988. — № 12. — С. 8.
[171] Гулин В., Кондырев И. Оборонительная направленность советской военной доктрины // Морской сборник. — 1988. — № 2. — С. 13.
[172] Арбатов А., Савельев А. Военные доктрины: дискуссии на Востоке // Разоружение и безопасность 1988-1989. — Москва, АПН, 1989. — С. 217-232.
[173] См. например, А. Савельев Предотвращение войны и сдерживание: подходы ОВД и НАТО // Мировая экономика и международные отношения. — 1989. — № 6. — С. 19-29.

экономического кризиса, не обошедшего стороной и военную отрасль.

Нужно отметить, что в конечном счете Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности не был воспринят как подрывающий безопасность СССР, несмотря на те уступки, которые, как считалось, были сделаны. В качестве примера такого восприятия можно привести высказывания начальника Генштаба ВС СССР маршала С.Ф. Ахромеева[174], а также министра обороны СССР маршала Д.Т. Язова[175]. Касательно Договора СНВ-1, то будучи вырабатываемым в течение большого количества лет, в общем, тоже не сталкивался с серьезными возражениями, несмотря на то, что, как уже указывалось выше, некоторые его положения критиковались. Подробнее о переговорном процессе и сути Договора будет рассмотрено в дальнейших частях работы.

[174] «Вестник МИД СССР». — № 5, 1988. — С. 16.
[175] «Известия», 10 февраля 1988 г.

1.3. Договоры СНВ и их влияние на стратегическую стабильность

С подписанием Договора РСМД в декабре 1987 г. стратегические вооружения заняли центральное место в повестке дня. Более того, Договор окончательно закрепил термин «стратегическая стабильность» в политическом дискурсе. Стоит отметить, что, как указывалось в преамбуле, Договор был заключен «с целью укрепления стратегической стабильности», при этом не было дано четкого определения. Американская сторона трактовала преамбулу к РСМД как то, что Советский Союз согласен с основными положениями «Меморандума Нитце» 1977 года. В свою очередь СССР видел большой уступкой со своей стороны само использование этого термина, так как Советский Союз был заинтересован в дальнейшем удерживании США в режиме стратегического диалога[176].

Компромисс между сторонами смог быть достигнут во время встречи министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварнадзе с государственным секретарем Соединенных Штатов Джеймсом Бейкером, проходившей с 22 по 23 сентября 1989 года в Вайоминге. Итогом переговоров, названных «Вайомингским компромиссом», стало обозначение базовых принципов ведения дальнейших переговоров по СНВ: 1) разделить переговоры по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям; представить отдельным от СНВ переговорным пакетом вопросы ПРО и ударных космических вооружений; 2) уделить приоритетное значение сокращению МБР с РГЧ ИН; 3) вывести крылатые ракеты за рамки понятия «стратегические вооружения», в силу того, что этот вид вооружений не подпадал под ограничения договоров СНВ. 4) согласовать принцип условного

[176] Garthof R. L. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington: Brookings, 1994. — P. 268–271.

зачета боеголовок для тяжелых бомбардировщиков: за каждым типом условно записывалось согласованное количество боезарядов[177].

Впервые понятие стратегической стабильности было закреплено документально в Совместном заявлении президентов СССР и США[178]. В заявлении, подписанном 1 июня 1990 года «стратегическая стабильность» определялась как такое состояние стратегических сил, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара. В документе указывалось, что «будущие договоренности должны обеспечить стратегическую стабильность путем стабилизирующих сокращений СНВ и посредством воплощения соответствующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями»[179]. Основные принципы стабилизирующих сокращений заключались в «уменьшении концентрации ядерных боезарядов на стратегических носителях и оказании предпочтения системам вооружений, обладающих повышенной выживаемостью» [180].

«Вайомингский компромисс» по сути своей стал фундаментом для подписанного летом 1991 года Договора СНВ-1. Однако он вступил в силу только в декабре 1994 г., так как после распада СССР потребовалось сначала урегулировать вопрос о неядерном статусе Белоруссии, Казахстана и Украины.

На момент подписания Договора в составе стратегических сил СССР находились 1398 баллистических ракет наземного базирования, 940 баллистических ракет морского базирования, размещенных на 62 подводных лодках, а также 162 стратегических бомбардировщика, из которых 99 были

---

[177] Мясников Е. Высокоточное оружие и стратегический баланс. — Долгопрудный: Центр по изучению проблем разоружения при МФТИ, 2000. — 43 с.

[178] Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и по дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М.С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. – М.: Политиздат. С. 197-199.

[179] Сергеев И. Без первого удара // Российская газета. 13 ноября. 2001.

[180] Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. — М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — С. 24.

оснащены крылатыми ракетами. Всего за 2500 носителями, в соответствии с правилами засчета Договора СНВ-1, числился 10271 боезаряд. США на момент подписания Договора располагали 2246 носителями, за которыми числилось 10563 боезаряда. В число носителей США входили 1000 баллистических ракет наземного базирования, 672 ракеты морского базирования и 574 бомбардировщика, из которых 189 были оснащены крылатыми ракетами. Суммарный забрасываемый вес МБР и БРПЛ у СССР составлял 6626,3 тонны, у США – 2361,3 тонны[181].

Стоит отметить, что в Договоре СНВ-1 впервые появился принципиально новый подход к проблеме ограничения вооружений. Это – установление лимитов на количество развернутых на стратегических носителях ядерных боезарядов. Предыдущие соглашения «имели дело» только с носителями ядерного оружия. Для определения общего количества боезарядов Договор предусматривал специальные, иногда довольно сложные правила засчета. В результате, фактическое количество боезарядов, которое стороны могли иметь в арсенале, превышало указанную величину.

Помимо общих ограничений на количество боезарядов Договор СНВ-1 также вводил ограничения на боезаряды, числящиеся за баллистическими ракетами наземного и морского базирования, количество которых не должно превышать 4900 единиц. При этом на мобильных МБР наземного базирования должно быть развернуто не более 1100 боезарядов. Количество тяжелых ракет должно быть сокращено вдвое, так что их число не должно превышать 154 единицы[182]. Кроме этого, Договором ограничивается суммарный забрасываемый вес баллистических ракет, который не должен превышать 3600 тонн. Число стратегических носителей ограничивалось уровнем 1 600, хотя

---

[181] Стратегическое ядерное вооружение России / Кол. авторов под редакцией П.Л. Подвига. – М.: ИздАТ, 1998. – 492 с. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: http://www.armscontrol.ru/course/rsf/rsf.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

[182] Существует только один тип тяжелых МБР — советские Р-36 и ее модификации (SS-9 и SS-18 по американской классификации). Все остальные МБР считаются «легкими»; тяжелых БРПЛ не существует и их создание запрещено.

при ограничении количества боезарядов ограничивать носители, в общем, не требуется[183].

Правила засчета боезарядов были сформулированы таким образом, что за каждой баллистической ракетой засчитывается максимальное количество зарядов, с которым были испытаны ракеты данного типа. Количество боезарядов, числящихся за бомбардировщиками, определяется по более сложной схеме. За каждым бомбардировщиком, не оснащенным для крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) большой дальности, числится один боезаряд независимо от реального количества боезарядов, которым может быть оснащен данный бомбардировщик. Для бомбардировщиков, оснащенных для крылатых ракет, правила засчета различны для СССР и США. За каждым оснащенным для крылатых ракет бомбардировщиком США засчитывается 10 боезарядов в том случае, если он находится внутри квоты в 150 бомбардировщиков с КРВБ. За всеми бомбардировщиками с КРВБ, развернутыми сверх этой квоты, засчитывается максимальное количество боезарядов, которое может нести бомбардировщик. Для Советского Союза все бомбардировщики с КРВБ внутри квоты в 180 единиц считаются несущими 8 боезарядов. Кроме этого, бомбардировщики США не могут оснащаться для более, чем 20, а Советского Союза - 16 крылатых ракет[184].

По оценке специалистов, эти правила засчета ядерных боезарядов привели к тому, что без нарушения условий Договора СНВ-1, США могли бы иметь на вооружении стратегических ядерных сил от восьми до девяти тысяч боезарядов, а СССР – более семи тысяч при установленном лимите шесть тысяч. Данная разница возникла в связи с тем, что США имели на вооружении

---

[183] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 31 июля 1991 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения 01.05.2021).

[184] Меморандум о договоренности об установлении исходных данных в связи с Договором между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Приложение С. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start1/ishdan.txt (дата обращения: 06.10.2021).

намного больше ТБ, чем СССР. А правила засчета для этих систем предполагали, что все вооружение (бомбы и ракеты малой дальности) каждого ТБ, не оборудованного для КРВБ большой дальности, засчитывалось за одну единицу[185].

Сокращения, предусмотренные Договором СНВ-1, в основном коснулись устаревших вооружений, которые могли быть сокращены сравнительно безболезненно. В значительной мере это произошло потому, что США возражали против сокращения новейших систем оружия, таких, как БРПЛ «Трайдент-2» и крылатых ракет морского базирования (КРМБ) большой дальности, в то время как СССР отказывался от резкого сокращения своих МБР с большим числом боеголовок[186].

Заключение новых соглашений в области контроля над ядерными вооружениями создало реальные перспективы осуществления новых, более радикальных шагов в сфере СНВ. Например, еще более укрепить безопасность путем постепенного обращения вспять негативных последствий принятия на вооружение РГЧ ИН. В отличие от ОСВ-2, СНВ-1 не запретил мобильные МБР[187], в связи с чем на фоне общего сокращения количества боезарядов, доля малоуязвимых систем оружия начала расти. Это можно считать серьезным шагом с точки зрения критериев стратегической стабильности. Кроме того, СНВ-1 модифицировал существовавшее «правило типа» и разрешил уменьшать число боезарядов на баллистических ракетах[188], что также способствовало укреплению стратегической стабильности. Совместное

---

[185] Веселов В.А., Лисс А.В. Ядерное сдерживание. Учебное пособие. — М.: МАКС Пресс, 2005. — С. 73.

[186] Например, США добились выведения за рамки СНВ-1 КРМБ большой дальности, которые по своим боевым возможностям равнялись КРВБ. Удалось только добиться одностороннего обязательства США не наращивать количество ядерных КРМБ сверх 880 единиц, но это обязательство было выведено за формальные рамки договора.

[187] В течение нескольких лет США настаивали на запрете этих систем, аргументируя свою позицию сложностями контроля, но на этот раз СССР занял жесткую позицию, и США должны были снять свое требование в обмен на согласование приемлемой системы контроля.

[188] В соответствии с «правилом типа» за каждой ракетой засчитывалось максимальное количество боезарядов, с которым она была испытана. Например, все советские БРПЛ СС-Н-18 должны были засчитываться с семью боезарядами, поскольку именно с этим числом они испытывались, хотя реально СССР к тому времени развертывал эти ракеты с тремя боезарядами. СНВ-1 позволил закончить снятие лишних боезарядов с ракет этого типа. Аналогичное правило распространялось и на другие типы баллистических ракет. Каждая из сторон имела равные права по снижению числа боезарядов на баллистических ракетах.

заявление М. Горбачева и Дж. Буша в июне 1990 г. о дальнейших переговорах по СНВ предусматривало движение в том же направлении, т.е. при более глубоких сокращениях должна была еще больше повыситься стратегическая стабильность, в том числе за счет снижения концентрации боеголовок на баллистических ракетах[189].

Существенно новым элементом СНВ-1 стала развитая система контроля. Договор предусматривает всесторонний обмен постоянно обновляющимися данными, которые позволяют точно знать дислокацию и количество каждого типа вооружений противоположной стороны. При помощи обязательной передачи нешифрованной телеметрической информации в ходе летных испытаний контролируются технические характеристики ракет. Проводятся 13 различных видов инспекций, такие как проверка количества ракет на каждом объекте, количества боеголовок на баллистических ракетах и т.д.[190]. Также информацию по количеству вооружений каждого типа дополняет и контроль заводов по производству ракет, который осуществляется на постоянной основе.

Стоит отметить, что признание Соединенными Штатами России в качестве единственного правопреемника Советского Союза сыграло важную роль в урегулировании вопроса о неядерном статусе Белоруссии, Казахстана и Украины. Это, наряду с прочим, означало и признание ее в качестве единственной ядерной державы на постсоветском пространстве. Лиссабонский протокол к договору СНВ-1, который был подписан 23 мая 1992 г. представителями России, США, Белоруссии, Казахстана и Украины стал основным механизмом решения проблемы. По условиям протокола, Белоруссия, Казахстан и Украина становились участниками Договора СНВ и

---

[189] Ядерное нераспространение. Учебное пособие для вузов. В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. В.А. Орлова ; ред. И.А. Ахтамзян. ПИР-Центр политических исследований. 2-е изд., переработанное и расширенное. — М.: ПИР-Центр, 2002. — С. 278.

[190] Протокол об инспекциях к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 31 июля 1991 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/missile_prot.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

соглашались принять на себя обязательства СССР по этому документу, а также обязались присоединиться к ДНЯО в статусе неядерных государств. Подписание Лиссабонского протокола не означало окончания кризиса. Во-первых, предстояла сложная процедура ратификации договора СНВ-1 в парламентах Белоруссии, Украины и Казахстана. Во-вторых, министерства обороны должны были согласовать конкретные графики вывода ядерных боезарядов и их носителей. В-третьих, и Минск, и Киев, и Алма-Ата требовали финансовой или технической компенсации за вывод ЯО со своей территории.

Следующим этапом в эволюции режима нераспространения после подписания договора СНВ-1 стали односторонние инициативы президентов СССР и США по сокращению тактических ядерных вооружений. По сути, они являются примером неформального режима, который, благодаря обдуманным и сбалансированным взаимным уступкам, позволил в короткий срок достичь довольно значимых результатов. Наряду с этим, удалось обойти многие неизбежные в ходе переговоров трудности, такие, например, как процесс ратификации[191].

В сентябре и октябре 1991 г. президент США Джордж Буш-старший и президент СССР Михаил Горбачев провозгласили ряд односторонних стратегических инициатив, согласно которым США и СССР должны были сократить свои арсеналы тактического ядерного оружия (ТЯО) и средств его доставки. В январе 1992 г. президент России Борис Ельцин подтвердил и несколько расширил обязательства М. Горбачева, но уже от имени нового независимого государства – России. Данные инициативы впоследствии получили название «Ядерные инициативы президентов»[192] (далее: Инициативы). Инициативы представляли собой «взаимные односторонние обязательства», которые не имели юридической силы, а носили исключительно политический характер. Они также не предусматривали

[191] Так, зависимость процесса ратификации от внутриполитической ситуации наглядно продемонстрировал российско-американский Договор СНВ-2, подписанный 3 января 1993 года в Москве.
[192] PNI – Presidential Nuclear Initiatives

механизма проверки[193]. Таким образом, удостовериться в соблюдении странами политики, провозглашенной в Инициативах, ее необратимости и намерениях сторон придерживаться этой политики довольно сложно. С другой стороны, в рамках реализации Инициатив с вооружения были сняты примерно 17 тыс. единиц ТЯО, что является крупнейшим сокращением ядерных арсеналов[194].

Инициативы имеют большое значение для целей контроля над вооружениями по двум причинам. Во-первых, они являются единственным ощутимым достижением международных усилий по сокращению ТЯО (другие договоры по контролю над ядерными вооружениями касались стратегического ядерного оружия и ядерного оружия средней дальности наземного базирования). Во-вторых, Инициативы представляют собой альтернативную модель контроля над вооружениями по сравнению с более традиционными договорами в этой сфере, как ОСВ и СНВ. Хотя Инициативы не поддаются проверке, не имеют юридической силы, и не могут стать серьезным препятствием для перевооружения, их легче привести в действие с политической точки зрения, и они позволяют отказаться от проведения длительных переговоров, которые не всегда гарантируют обоюдовыгодный исход.

Развитию Президентских ядерных инициатив в США способствовали два фактора. Во-первых, некоторые члены администрации Джорджа Буша-старшего поддержали сокращение ряда категорий тактического ядерного оружия (ТЯО). По просьбе председателя Объединенного комитета начальников штабов Колина Пауэлла, было проведено исследование о роли

---

[193] М. Горбачев. Statement by Former President Mikhail Gorbachev // In T. Susiluoto (ed.). Tactical Nuclear Weapons: Time for Control (United Nations Institute for Disarmament Research (UNIDIR), 2002. [Электронный ресурс] // United Nations Institute for Disarmament Research [Официальный сайт]. URL: https://unidir.org/sites/default/files/publication/pdfs/tactical-nuclear-weapons-time-for-control-293.pdf (дата обращения: 19.10.2021).

[194] Корин И. Ядерные инициативы президентов: альтернативная модель контроля над вооружениями // Центр изучения проблем нераспространения (ЦИПН) при Монтерейском институте международных исследований для Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI). Март 2004. [Электронный ресурс] // Nuclear Threat Initiative [Официальный сайт]. URL: http://www.nti.org/i_russian/i_e3_30.html#4 (дата обращения: 19.10.2021).

этого оружия в системе обеспечения безопасности страны. Исследование рекомендовало полную ликвидацию ядерных артиллерийских снарядов по причине их высокой стоимости и опасности технических неполадок. Эта рекомендация вызвала жесткую оппозицию со стороны Министерства обороны, в особенности заместителя министра обороны Пола Вулфовица. Наряду с прочим, было также рекомендовано ликвидировать все ядерные КРМБ. Эта рекомендация была поддержана советником по национальной безопасности США Брентом Скаукрофтом[195].

Вторым фактором стал августовский путч в августе 1991 г., когда была предпринята попытка отстранения Михаила Горбачева от власти. Данные события убедили президента Буша в том, что политическая нестабильность в СССР стала угрозой контролю над ядерным арсеналом. В частности, во время попытки переворота, службы разведки США зафиксировали «аномалии» в советских стратегических ракетных силах. США не владели точной информацией о том, кто контролировал ядерный арсенал СССР во время переворота, и не имели представления о том, кто будет осуществлять контроль в будущем, после распада СССР, что становилось все более явным.

Еще задолго до попытки переворота 1991 г. некоторые советские республики, в частности Украина, заявляли о необходимости установления контроля над ядерным оружием на их территории.

По мере того, как националистические движения в советских республиках, отстаивающих независимость, становились мощнее, опасность попадания ядерного оружия, в особенности тактического (ТЯО), в руки «несанкционированных» пользователей становилась все более ощутимой. В начале сентября 1991 г. Президент Буш поручил своим советникам разработать новые предложения по ядерному разоружению. Три недели

---

[195] Корин И. Ядерные инициативы президентов: альтернативная модель контроля над вооружениями // Центр изучения проблем нераспространения (ЦИПН) при Монтерейском институте международных исследований для Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI). Март 2004. [Электронный ресурс] // Nuclear Threat Initiative [Официальный сайт]. URL: http://www.nti.org/i_russian/i_e3_30.html#4 (дата обращения: 19.10.2021).

спустя он объявил о своей инициативе, которая предлагала масштабное сокращение ядерных вооружений. В инициативе также было предложено, чтобы Михаил Горбачев провел аналогичные сокращения и установил строгий контроль над советским ядерным арсеналом СССР[196].

В ходе своего обращении к нации 27 сентября 1991 г. президент Буш заявил, что окончание холодной войны предоставило «беспрецедентную возможность изменить ядерную политику США и СССР, отказавшись от стратегии глобальной конфронтации»[197]. Буш также отметил необходимость предпринять «быстрые и уверенные шаги». Последние приняли форму односторонней инициативы сокращения ТЯО, развернутого США, и стали примером самого фундаментального изменения в ядерных силах за последние 40 лет. Конкретные действия включали в себя:

- ликвидацию запасов ядерного оружия наземного базирования малой дальности, включая ядерные артиллерийские снаряды и боеголовки баллистических ракет. Именно данные виды оружия, развернутые за пределами США, должны были быть возвращены на их территорию и ликвидированы. ТЯО воздушного базирования, однако, оставалось на своих местах;
- снятие ТЯО с надводных кораблей, подводных лодок и самолетов морской авиации. Данные виды оружия, включая ядерные крылатые ракеты «Томагавк» на военных кораблях и ядерные вооружения на авианосцах, должны были быть разукомплектованы, уничтожены или складированы;
- снятие с режима боевой готовности всех стратегических бомбардировщиков и всех межконтинентальных баллистических ракет,

---

[196] Позднее выяснилось, что опасения по поводу контроля над ядерным оружием после переворота 1991 г. оказались напрасными: все ТЯО в республиках было перемещено на территорию России в 1990 – начале 1991 г., за исключением Украины, Казахстана и Беларуси.

[197] George Bush. Address to the Nation on Reducing United States and Soviet Nuclear Weapons. 27 September 1991. [Электронный ресурс] // The American Presidency Project [Официальный сайт]. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-reducing-united-states-and-soviet-nuclear-weapons (дата обращения: 19.10.2022).

намеченных для ликвидации по условиям Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ). Данный шаг ускорил бы процесс ликвидации МБР после ратификации договора СНВ, который отводил на данное мероприятие семь лет;

- отказ от осуществления нескольких программ по модернизации МБР, включая программу мобильной МБР «Миджитмен». В будущем подобные программы должны были сводиться лишь к моноблочным ракетам стационарного наземного базирования[198].

Предложения Буша также содержали раздел об односторонней ликвидации МБР с РГЧ ИН, так как данный вид оружия считался особенно дестабилизирующим. В частности, данный шаг объяснялся, наряду с прочим, необходимостью денуклеаризации Украины и Казахстана, так как все МБР, развернутые на их территориях, были именно данного типа.

В добавок к вышеуказанным изменениям в ядерной политике США, президент Буш в своем ежегодном Обращении к нации в 1992 г. объявил о дальнейшем сокращении ядерного арсенала, включая снятие с вооружения бомбардировщика B-2, МБР «Пискипер» (MX) и новых боеголовок для баллистических ракет морского базирования[199].

Через неделю после инициативы Буша президент СССР Михаил Горбачев обратился к нации по телевидению и объявил об ответных шагах СССР. Эти шаги включали в себя[200]:

---

[198] George Bush. Address to the Nation on Reducing United States and Soviet Nuclear Weapons. 27 September 1991. [Электронный ресурс] // The American Presidency Project [Официальный сайт]. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-reducing-united-states-and-soviet-nuclear-weapons (дата обращения: 19.10.2022); Joshua Handler. The September 1991 PNIs and the Elimination, Storing and Security Aspects of TNWs // Presentation for “Time to Control Tactical Nuclear Weapons”. Seminar held at the United Nations, New York. - 24 September 2001. [Электронный ресурс] // Nuclear Control Institute [Официальный сайт]. URL: https://www.nci.org/01/09/pnitwn.pdf (дата обращения: 21.01.2021).

[199] George Bush. Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. 29 January 1992. [Электронный ресурс] // The American Presidency Project [Официальный сайт]. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-0 (дата обращения 21.01.2021).

[200] Mikhail Gorbachev. Address to the Nation on Reducing and Eliminating Soviet and United States Nuclear Weapons. 5 October 1991. URL: http://www.fourthfreedom.org/Applications/cms.php?page_id=27; Joshua Handler. The September 1991 PNIs and the Elimination, Storing and Security Aspects of TNWs // Presentation for “Time to Control Tactical Nuclear Weapons”. Seminar held at the United Nations, New York. - 24 September 2001. [Электронный ресурс] // Nuclear Control Institute [Официальный сайт]. URL: https://www.nci.org/01/09/pnitwn.pdf (дата обращения 21.01.2021).

- ликвидацию всей ядерной артиллерийской амуниции и ядерных мин, а также ядерных боеголовок для тактических ракет;
- складирование ядерных боеголовок ракет ПВО и ТЯО, размещенных на надводных кораблях и многоцелевых субмаринах. Вооружение с самолетов морской авиации наземного базирования также должно было быть отправлено на хранение, а некоторое из них – уничтожено;
- снятие с режима боевой готовности стратегических бомбардировщиков и складирование установленного на них ядерного оружия. 503 МБР, включая 134 с разделяющимися головными частями, также должны были быть сняты с режима боевой готовности. Разработка ракеты малой дальности «воздух-земля» для тяжелых бомбардировщиков должна была быть остановлена;
- отказ от планов по разработке мобильных МБР и строительства новых мобильных пусковых установок для существующих МБР. Отправка существующих МБР железнодорожного базирования на базы хранения и прекращение их патрулирования;
- ликвидацию дополнительно к требованиям Договора СНВ одной тысячи ядерных боеголовок. В результате данного сокращения, по истечении семи лет после ратификации этого Договора, арсенал СССР должен был насчитывать пять тысяч боеголовок, а не шесть тысяч, что допускались по условиям СНВ;
- одногодичный односторонний мораторий на ядерные испытания.

29 января 1992 г. президент России Борис Ельцин выступил с заявлением о проблеме контроля над постсоветским ядерным арсеналом и о ядерной политике РФ. Ельцин подчеркнул статус России как правопреемника международных обязательств СССР и подтвердил, что Россия продолжит придерживаться как двусторонних, так и многосторонних договоренностей в сфере контроля над вооружениями. Президент также заявил, что российская

политика по-прежнему будет стремиться к ликвидации ядерного оружия во всем мире «постепенно и на паритетной основе».

Помимо этого, был сделан ряд заявлений о дальнейшем сокращении ядерного потенциала. Некоторые из них предусматривали одностороннее прекращение производства существующих ядерных крылатых ракет большой дальности воздушного и морского базирования, а также приостановку разработки ядерных крылатых ракет морского базирования. Ельцин предложил запретить дальнейшую разработку ядерных крылатых ракет воздушного базирования и уничтожить все существующие ядерные крылатые ракеты морского базирования[201].

Таким образом, президентские ядерные инициативы продемонстрировали как достижения, так и недостатки данного подхода к проблеме контроля над вооружениями. Положительным моментом можно назвать сэкономленное время на переговорах, большую свободу действий в реализации, а также относительную «простоту» в том, что касается отсутствия проверок, инспекций, обмена важной информацией. К негативным сторонам подхода относятся следующие аспекты: нестабильность, взаимное недоверие и обвинения, ставшие результатом отсутствия механизма проверки, и право участников на прекращение исполнения своих обязательств без предварительного оповещения другой стороны.

Подводя итоги международных переговоров и соглашений по ядерному нераспространению в конце 1980-х - начале 1990-х гг., стоит отметить особенности значительных усилий, предпринятых двумя крупнейшими государствами, обладающими ядерным оружием.

В первую очередь, сокращение вооружений оставалось на относительно низком уровне. Арсеналы, достигшие своего пика в конце 1980-х гг., были

---

[201] Boris Yeltsin. Address to the Nation on Russia's Policy in the Field of Arms Limitation and Reduction. 29 January 1992. URL: http://www.fourthfreedom.org/Applications/cms.php?page_id=27 (дата обращения 21.01.2021); Joshua Handler. The September 1991 PNIs and the Elimination, Storing and Security Aspects of TNWs // Presentation for "Time to Control Tactical Nuclear Weapons". Seminar held at the United Nations, New York. - 24 September 2001. [Электронный ресурс] // Nuclear Control Institute [Официальный сайт]. URL: https://www.nci.org/01/09/pnitwn.pdf (дата обращения 21.01.2021).

сокращены лишь примерно на 30 процентов (вместо ранее объявленных 50 процентов) в рамках СНВ-1 (реализация этих мер завершилась в 2001 году). Кроме того, переговоры главным образом концентрировались на развернутых вооружениях, представлявших собой наибольшую опасность, что позволило уже в 1990-е гг. обратить более пристальное внимание на другие проблемы, такие, как запрещение производства расщепляющихся материалов.

К числу несомненных достижений этого периода также следует отнести прогресс в вопросах контроля, общей транспарентности, без которой дальнейшее продвижение в вопросах разоружения было бы просто невозможным. В течение буквально нескольких лет в конце 1980-х гг. был совершен настоящий прорыв от принятия самой идеи инспекций на местах (впервые они были согласованы в Стокгольмском документе по мерам доверия 1985 г. и включали посещения военных маневров иностранными наблюдателями) к полномасштабным инспекциям с коротким сроком предупреждения на объектах, которые традиционно относятся к наиболее чувствительным. Обмен информацией о количестве и месте размещения вооружений и другой важной информацией, такой как полный обмен телеметрической информацией, получаемой при пусках ракет, достиг огромных масштабов.

Важно отметить, что «Вайомингский компромисс» был реализован в договоре СНВ-2[202]. В «Рамочном соглашении по СНВ-2», подписанном 17 июня 1992 года, предусматривалось, что обе стороны сокращают СЯС до 3500 боезарядов каждая к 2003 году, а также ликвидируют тяжелые МБР с РГЧ ИН. Кроме того, договором устанавливался промежуточный потолок для сторон: к 1997 году сократить боезаряды до 4800. Указывался срок выполнения договора - к 2000 г., при условии предоставления финансовой помощи со стороны Соединенных Штатов. Министерство иностранных дел России и

[202] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 3 января 1993 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/dogovor.htm (дата обращения: 06.04.2023).

Государственный департаментом США в декабре 1992 года согласовали проблему сокращения стратегической авиации.[203] Россия подтвердила действенность принципа условного зачета для бомбардировщиков в то время как США гарантировали отказ от развития неядерной стратегической авиации за пределами лимитов, установленных Договором СНВ-2.

Договор СНВ-2 был подписан 3 января 1993 года во время визита президента США Джорджа Буша в Москву. Договор предусматривал:

1) дальнейшее сокращение и ограничение МБР и пусковых установок МБР, БРПЛ и пусковых установок БРПЛ, тяжелых бомбардировщиков, боезарядов МБР, боезарядов БРПЛ и вооружении тяжёлых бомбардировщиков таким образом, чтобы суммарный вес боезарядов не превышал 3500 единиц;
2) ликвидацию всех развернутых и неразвернутых МБР;
3) ликвидацию или переоборудование в пусковые установки МБР, за которыми числится один боезаряд, всё развернутые и неразвернутые пусковые установки МБР, за которыми числится более одного боезаряда;
4) введение ограничений на все компоненты СЯС;
5) Возможность иметь не более 100 тяжелых бомбардировщиков, переориентированных для выполнения неядерных задач.

Вместе с договором СНВ-2 был также подписан ряд сопровождающих документов, признанных его неотъемлемой частью: «Меморандум о зачислении боезарядов и о данных по тяжелым бомбардировщикам»,

[203] Письмо секретаря Госдепартамента США Л. Иглбергера министру иностранных дел РФ А. Козыреву, 29 декабря 1992 г.; Ответ министра иностранных дел А. Козырева секретарю Госдепартамента США Л. Иглбергеру, 29 декабря 1992 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs.htm (дата обращения 21.01.2021).

«Протокол о показах и инспекциях тяжелых бомбардировщиков» а также «Протокол о контроле и наблюдении за ликвидацией»[204].

Согласно условиям договора, он мог вступить в силу только после вступления в силу Договора СНВ-1. Накануне этого события, 26-27 сентября 1994 г., президенты Б. Ельцин и У. Клинтона встретились в Вашингтоне. Официально стороны договорились содействовать ратификации Договора СНВ-2 и подтвердили действительность Договора по ПРО 1972 года. 21 июня 1995 г. президент России Б. Ельцин внес Договор СНВ-2 на ратификацию в Государственную Думу. В ходе проходивших по этому вопросу в Государственной Думе слушаний в августе 1995 года был выявлен ряд условий договора, который был невыгоден для российской стороны, к примеру, в них было указана необходимость выделения 5-6 трлн. руб. для развития СЯС в рамках Договора СНВ-2. Следует учитывать два момента: во-первых, здесь речь идет о ценах 1995 года, а во-вторых, не учитываются средства, необходимые для утилизации устаревших вооружений, а также средства, затрачиваемые на создание ядерных систем нового поколения. В результате, 2-й созыв Государственной Думы отказался от рассмотрения вопроса о ратификации договора СНВ-2 в марте 1996 года.

В тоже время Конгресс США 29 января 1996 года наоборот ратифицировал Договор СНВ-2 с одним условием, а именно: положения «программы Нанна—Лугара» не должны были на него распространяться. С целью скорейшей ратификации договора со стороны Госдепа США начало оказываться давление на российскую сторону. Результатом вышеназванных процессов стал компромисс, найденный в Хельсинки 21 марта 1997 года в ходе встречи президента России Б. Н. Ельцина и президента США У. Клинтона, а именно: было принято решение об урегулировании разногласий путем подписания дополнительных протоколов. Так, 26 сентября 1997 года в ходе

[204] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 3 января 1993 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/dogovor.htm (дата обращения: 06.04.2023).

визита министра иностранных дел Е.М. Примакова в Нью-Йорк, были подписаны так называемые «Нью-Йоркские протоколы»[205] - пакет документов, касающихся Договора ПРО и СНТ.

По сути, Москве смогла увязать переговоры по СНВ с подтверждением Договора по ПРО 1972 года, что, несомненно, было воспринято как большой успех российской дипломатии в процессе трансформации концепции стратегической стабильности. Однако с конца 1994 г. Конгресс США, в котором доминировали республиканцы, негативно отнесся к Нью-Йоркским протоколам[206]. Позиции их противников стали сильнее после отказа Государственной Думой РФ в декабре 1998 года от рассмотрения вопроса о ратификации СНВ-2. «Лис пустыни» (17– 20 декабря 1998 года) – американо-британская операция против Ирака – стала для этого формальным поводом. 25 января 1999 года в Москву совершила визит государственный секретарь Соединенных штатов Мадлен Олбрайт, в ходе которого она сообщила, что соглашения 1997 года к Договору СНВ-2 Конгрессом в обозримом будущем ратифицированы не будут[207].

Договор СНВ-2 был ратифицирован Российской Федерацией 14 апреля 2000 года с весьма значительными оговорками. В первую очередь, было обозначено, что Договор может вступить в силу только после ратификации «Нью-Йоркских протоколов» Конгрессом. Соответственно, и «работать» Договор может только в пакете с этими протоколами, а также совместно с Договором по ПРО.

Кроме того, РФ была вправе выйти из Договора в «исключительных обстоятельствах»: при размещении ядерного оружия на территории новых

---

[205] Тексты документов см. на электронном ресурсе Центра по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs.htm (дата обращения 21.01.2021).

[206] Подробный анализ американских подходов 1990-х годов в отношении России см.: Goldgeier J. M. McFaul M. Power and Purpose: U.S. Policy toward Russia after the Cold War, – Washington: Brookings Institution Press, 2003.

[207] Фененко А. В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. — М.: Издательство Аспект-Пресс, 2013. — С. 258.

членов НАТО и действия третьих стран по наращиванию стратегических наступательных вооружений «таким образом, что это будет создавать угрозу национальной безопасности РФ» [208]. К подобным условиям относилось также «принятие и реализация Соединенными Штатами Америки, другими государствами, включая Организацию Североатлантического договора, таких решений в области военного строительства, которые создадут угрозу национальной безопасности Российской Федерации». Неоднозначная трактовка давала Москве возможность выйти из СНВ-2 в случае любых военных действий со стороны США и их союзников по Североатлантическому альянсу. И все же в действие Договор СНВ-2 так и не вступил. ФЗ «О ратификации Договора СНВ-2» был подписан 4 мая 2000 года Президентом Российской Федерации; однако Нью-Йоркские протоколы 1997 года не были ратифицированы Конгрессом, а администрация Джорджа Буша-младшего, пришедшая к власти в январе 2001 г., также отнеслась к ним негативно. После выхода США из Договора по ПРО 13 июня 2002 года Россия окончательно заявила о своем отказе от Договора СНВ-2.

27-28 сентября 1994 года на встрече президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов было озвучено решение о старте переговоров по СНВ-3, которые проходили с большими трудностями и в условиях возрастающей конфронтации сторон.

9–11 мая 1995 года на Московском саммите президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин и президент США У. Клинтон заявили о необходимости достижения потолка в 1500–2200 блоков (половины уровня СНВ-2), а также достижения договоренности по системам ПРО

[208] Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений», 4 мая 2000 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/0506zakon.htm (дата обращения 21.01.2021).

«заатмосферного перехвата»[209]. Детали будущего договора были оговорены на встрече в Хельсинки 21 марта 1997 года (Хельсинкская декларация):

- ограничение развернутых СЯС до 2000–2500 боезарядов у каждой из сторон к концу 2007 г.;

- введение меры транспарентности стратегических ядерных боезарядов и извлеченных расщепляющихся материалов;

- ведение переговоров о возможности учреждения мер контроля над крылатыми ракетами морского и воздушного базирования повышенной дальности[210].

В августе 2000 г., после нескольких раундов переговоров и консультаций, проекты договора были готовы у обеих сторон. Однако проект Соединенных Штатов, который, помимо сокращения СЯС, предусматривал также снижение боеготовности МБР (перевод МБР в режим, требующий не менее 24 часов для подготовки к пуску), был отвергнут российской стороной. Администрация Дж. Буша также отказалась согласовывать проекты, что привело к провалу Хельсинкской декларации 1997 г. После этой неудачной попытки договориться стороны как бы «забыли» о изначальном названии Договора СНВ-3, которое в дальнейшем стало употребляться в отношении «Нового Договора о СНВ», подписанного в 2010 г.

События 11 сентября 2001 года серьезным образом изменили ситуацию с переговорами по СНВ, которая уже стала близка к краху системы контроля над стратегическими вооружениями. Российский и американский лидеры договорились о пересмотре принципа стратегической стабильности. Так, Дж. Буш-младший в рамках проходившей 12–13 ноября 2001 года в Кроуфорде (Техас) встречи предложил В.В. Путину новый вариант предполагавший

---

[209] Фененко А.В. Изменение роли ядерного фактора в современных международных отношениях: военно-политические и институциональные аспекты: дисс. … доктор полит. наук: 23.00.04 – М., 2017. [Электронный ресурс] // МГИМО МИД России [Официальный сайт]. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Fenenko_diss.pdf (дата обращения 06.06.2021).

[210] Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений, 21 марта 1997 года. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Официальный сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901857459 (дата обращения 21.01.2021).

отсутствие жестких обязательств в договоре. В свою очередь Россия предложила другой вариант: Москва даст согласие на выход Вашингтона из Договора по ПРО при условии сохранения основных принципов стратегической стабильности, в первую очередь - системы контроля над вооружениями. В итоге Россия и США смогли достичь компромисса и согласовали в ходе саммита в Кроуфорде параметры будущих сокращений стратегических наступательных вооружений в рамках нового Договора о стратегических наступательных потенциалов (СНП) сторон,[211] взяв за основу российский вариант. Соединенные Штаты согласились сократить СЯС до 1700–2200 блоков для каждой из сторон, при этом Джордж Буш назвал необходимым сокращение «находящихся в боеготовности развернутых стратегических ядерных боеголовок». Другими словами, США не отказывались от права сторон на наличие «возвратного потенциала».

Следующей попыткой диалога по обновлению концепции стратегической стабильности Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений,[212] принятая 6 апреля 2008 в ходе Сочинского саммита президентов России и Соединенных Штатов. Стороны подтвердили, что отвергают принцип «игры с нулевой суммой» времен «холодной войны», и свою готовность к совместной работе. Говоря о будущем стратегическом партнерстве, Россия и США обозначили готовность «сократить стратегические наступательные потенциалы до минимально возможного уровня» (договоренность на замену Договора о СНВ); «выразили заинтересованность в создании системы реагирования на возможные ракетные угрозы, в которой Россия, Соединенные Штаты Америки и Европа будут участвовать как равноправные партнеры» (Россия при этом оговорила свое несогласие с развертыванием американских систем ПРО в Восточной Европе);

---

[211] Государственный визит в Соединенные Штаты, 7-16 ноября 2001 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/events/president/trips/45476 (дата обращения 21.01.2021).
[212] Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений. Принята в Сочи 6 апреля 2008 года по итогам российско-американских переговоров. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/3964/print (дата обращения 21.01.2021).

отметили намерение «вести диалог на высоком уровне по анализу нынешних и будущих угроз, которые представляют баллистические и крылатые ракеты средней и меньшей дальности, и определению вариантов реагирования на эти угрозы»[213].

Президенты России и США Дмитрий Медведев и Барак Обама на первой личной встрече (1 апреля 2009 года) в Лондоне дали старт «перезагрузке» российско-американских отношений, заявив о своем решении о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений. Однако в ходе визитов весной 2009 года в Хельсинки и Амстердам Д. Медведев конкретизировал позицию России, поставив условия проведения дальнейших переговоров по СНВ Выступая 20 апреля 2009 года во время выступления в Хельсинки, президент России Д.А. Медведев заявил, что российская сторона будет вести переговоры по СНВ только при определенных условиях. По сути своей, это был отказ от системы «Вайомингского компромисса» за счет: 1) введения ограничений на комплексы стратегической ПРО; 2) отказа от размещения оружия в космосе; 3) зачета ударных высокоточных систем, т.е. крылатых ракет в неядерном оснащении; 4) отказа от принципа возвратного потенциала[214].

В результате Московских (19–20 мая 2009 года) и Женевских (1–3 июня 2009 года) переговоров Россия и США достигли основных условий компромисса. 6 июля 2023 года на Московском саммите президент России Д.А. Медведев и президент США Б. Обама подписали текст «Совместного понимания по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений»[215]. В документе было заявлено о намерении сторон сократить количество ядерных боезарядов до 1500–1675

---

[213] Там же (см. текст Декларации).

[214] Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Нидерландов Яном Петером Балкененде по итогам российско-нидерландских переговоров. 20 июня 2009. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/4521 (дата обращения 25.01.2021).

[215] Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. 6 июля 2009. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.special.kremlin.ru/supplement/36 (дата обращения 25.01.2021).

единиц, а их носителей — до 500–1100. Другие условия не были четко обозначены, что оставляло свободу для маневра.

Еще более весомые разногласия были продемонстрированы в ходе следующие раундов переговоров осенью 2009 года в Женеве. Москва настаивала на сохранении принципа возвратного потенциала, в то время как Вашингтон выдвигала претензии по поводу испытаний МБР РС-24 «Ярс» с РГЧ ИН (изначально РС-24 «Ярс» был модернизированной ракетой РТ-2ПМ2 «Тополь-М», но в тексте она была указана как отдельная МБР РС-12М2). Вашингтон не согласился пойти на ограничение или включение в зачет ПЛАРБ, переоборудованных под обычные КРМБ, а также ТБ В-1 и В-52, переоснащенных под неядерные КРВБ. С российской стороны также были сделаны заявления о необходимости включения Великобритании в переговорный процесс, учитывая, что ее ядерный потенциал являлся частью системы ядерного планирования США[216].

Компромисс был достигнут к февралю 2010 года, уже после истечения срока действия Договора СНВ-1 (5 декабря 2009 г.). Российская сторона согласилась снять требования по зачету крылатых ракет и отказу от принципа возвратного потенциала. Соединенные Штаты согласились вписать в Договор формулу о взаимосвязи процесса СНВ и развертывания систем ПРО. В ходе Пражского саммита 8 апреля 2010 г. президенты Д. А. Медведев и Б. Обама подписали Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений[217]. Таким образом, «Пражский компромисс» заменил собой «Вайомингский компромисс» 1989 года.

Договор включал в себя ряд условий:

---

[216] Фененко А. В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. — М.: Издательство Аспект-Пресс, 2013. — С. 278-279.

[217] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 06.04.2023).

1) сокращения до 1550 единиц для боезарядов на развернутых МБР, боезарядов на развернутых БРПЛ и ядерных боезарядов, засчитываемых за развернутыми тяжелыми бомбардировщиками; ограничения по количеству развернутых носителей (700 единиц) и суммарному количеству развернутых и неразвернутых пусковых установок (800 единиц).

2) указывалось, что «количеством боезарядов является количество боеголовок, установленных на развернутых МБР и на развернутых БРПЛ».

3) для повышения доверия была отмечена необходимость вести «обмен телеметрическими данными о пусках МБР и БРПЛ.

4) принципы формирования российско-американской стратегической триады были пересмотрены. В то же время приоритеты переговоров по сокращению тяжелых МБР не были уточнены, не было введено никаких ограничений на РГЧ ИН, а также снимались все ограничения на пространственно-временные параметры мобильных МБР.

5) инспекционная деятельность подразумевала два типа инспекций: первый - подтверждение точности заявленных данных о количествах и типах развернутых и неразвернутых стратегических наступательных вооружений, подпадающих под действие Договора; и второй - подтверждение точности заявленных данных о количествах, типах и технических характеристиках неразвернутых стратегических наступательных вооружений, подпадающих под действие настоящего Договора, а также подтверждение факта переоборудования или ликвидации стратегических наступательных вооружений. Подобные инспекции должны проводиться в местах загрузки МБР, БРПЛ, местах складского хранения МБР, БРПЛ и мобильных пусковых установок МБР, местах ремонта МБР, БРПЛ и мобильных пусковых установок МБР, на испытательных полигонах и в местах обучения. Однако, в отличие от СНВ-1, договор не предусматривал инспекций объектов по производству баллистических ракет.

Договор вступил в силу 5 февраля 2011 года, однако обе стороны ратифицировали его с оговорками. 24 декабря 2010 года Конгресс

Соединенных Штатов ратифицировал договор при условии отсутствия ограничений на развертывание систем ПРО, модернизации американских стратегических ядерных сил и начала переговоров с Россией по сокращению тактического ядерного оружия. 26 января 2011 года ФС РФ ратифицировало договор при условии, что Россия будет развивать свой ядерный комплекс и учитывать фактор ПРО, а также начнет переговоры о выводе американского тактического ядерного оружия из Европы. Российская сторона оставила за собой право выйти из договора в случае резкого повышения стратегического уровня ПРО[218].

Выводы

Концепция стратегической стабильности изначально была сформирована в США усилиями научно-технического сообщества, прежде всего, сотрудниками корпорации РЭНД. Эта концепция базировалась на основных положениях теории ядерного сдерживания, которая также вырабатывалась в США, начиная со второй половины 1940-х гг. Общий смысл ядерного сдерживания заключается в том, чтобы продемонстрировать «вероятному противнику» (в данном случае – СССР) невозможность одержать победу в ядерной войне, даже если он нападет первым. Ответный удар будет неизбежным и, скорее всего, приведет к полному уничтожению враждующих сторон.

Что касается стратегической стабильности, то эта концепция предполагает, что обе стороны (и СССР, и США) должны осознавать факт бесперспективности даже неожиданного нападения на своего противника в силу наличия у каждой из них гарантий нанесения сокрушительного ответного удара. При этом должны быть минимизированы как стимулы для нанесения

[218] Фененко А.В. Изменение роли ядерного фактора в современных международных отношениях: военно-политические и институциональные аспекты: дисс. … доктор полит. наук: 23.00.04 – М., 2017. [Электронный ресурс] // МГИМО МИД России [Официальный сайт]. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Fenenko_diss.pdf (дата обращения 06.06.2021).

первого удара (кризисная стабильность), так и побудительные мотивы к усилению гонки ядерных вооружений (стабильность гонки вооружений).

В Советском Союзе в течение длительного периода времени (до 1980-х гг.) подобный подход к обеспечению безопасности на официальном уровне не воспринимался. На переговорах с США по контролю над ядерными вооружениями (ОСВ-1 и ОСВ-2) СССР отстаивал принцип «одинаковой безопасности». Этот принцип предполагал необходимость учета всех факторов, определяющих безопасность сторон, включая наличие у США союзников, обладающих ядерным оружием (Великобритании и Франции). И только во второй половине 1980-х гг. СССР согласился с тем, что концепция стратегической стабильности может лечь в основу будущих договоренностей с США по ограничению и сокращению ядерных вооружений. Этому в немалой степени способствовало принятие Соединенными Штатами в 1983 году программы «Стратегической оборонной инициативы» - СОИ, которая явно шла вразрез с основными положениями концепции стратегической стабильности.

В результате стороны достигли значительного прогресса на пути ядерного разоружения, значительно сократив свои ядерные арсеналы в результате заключения ряда важных договоренностей, прежде всего, Договоров о СНВ и РСМД. А принцип стратегической стабильности прочно вошел в военно-стратегический «лексикон» как на официальном, так и на экспертном уровне в СССР и, в дальнейшем, в России.

Глава II. Факторы стагнации переговорного процесса после Договора СНВ-3

2.1. Переговорный процесс после 2010 г.

Вопрос ядерного паритета исторически является одним из наиболее проблемных во взаимоотношениях России и Соединенных Штатов. Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), подписанный Д. Медведевым и Б. Обамой 8 апреля 2010 г. в Праге и вступивший в силу 5 февраля 2011 г., обеспечивает баланс стратегических ядерных потенциалов, способствует укреплению стратегической стабильности и продвижению процесса ядерного разоружения. В связи с этим продление срока действия соглашения на пять лет (до 5 февраля 2026 г.) стало большим шагом для обоих государств в формировании благоприятной среды для укрепления режима контроля над вооружениями и поиска ответов на вызовы в области стратегической безопасности[219]. В результате стороны сохранили возможность обмена телеметрической информации о пусках ракет на паритетной основе в отношении до пяти пусков межконтинентальной баллистической ракеты и баллистической ракеты подводных лодок в год. Государства обязались предоставлять данные о числе носителей и боеголовок два раза в год, а также проводить инспекции на местах базирования ракет. Тем самым можно говорить о приверженности сторон открытым и прогнозируемым отношениям[220].

---

[219] Есин В.И. Продление Договора СНВ-3 в контексте ключевых вызовов стратегической стабильности // США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture. — 2021. — №51(4). — С. 46-53.

[220] Терещатов И.К. Что нас будет защищать? // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». — 2021. — №4.

В марте 2018 г. в ходе телефонного разговора президент США Д. Трамп заявил российской стороне, что США могут развязать новую гонку вооружений и «намерены ее выиграть». С целью снижения напряженности Д.Трамп предложил В. Путину провести переговоры по вопросу «гонки вооружений, которая выходит из-под контроля»[221]. Однако за этим последовало принятие американского и российского долгосрочных планов по модернизации ядерных арсеналов. Кроме того, главы государств выступали за применение ядерного оружия малой мощности и допускали возможность ядерного удара в ответ на угрозу применения обычных видов оружия[222]. Все это ослабляло режим нераспространения ядерного оружия и снижало возможность продления существующего договора СНВ-3. Таким образом, двусторонние отношения резко ухудшились. На саммите в Хельсинки в июле 2018 г. Д. Трамп и В. Путин подчеркнули необходимость проведения диалога по вопросам стратегической стабильности, однако конкретных результатов достигнуть не смогли[223].

Эскалация напряженности стала еще более заметной, когда в октябре 2018 г. Д. Трамп объявил о намерении Соединенных Штатов выйти из договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (далее ДРСМД) 1987 года, который запрещал ядерные ракеты наземного базирования с дальностью от 500 до 5500 км. Данные намерения сопровождались заявлениями об отказе продления договора СНВ-3, в случае дальнейшего несоблюдения Россией обязательств, принятых в рамках ДРСМД в 1987 г. Однако истинная причина такой американской риторики, по мнению многих экспертов, состояла в необходимости сдерживания Китая в Азиатско-

---

[221] President Trump Wants to Discuss 'Out of Control' Arms Race With Vladimir Putin [Электронный ресурс] // Time [Официальный сайт]. URL: https://time.com/5207310/donald-trump-vladimir-putin-arms-race/ (дата обращения: 21.05.2022).

[222] Абен Даурен Абенулы Демонстрация ядерной мощи США и России: начало новой гонки вооружений? // Азия-Европа. – 2018. – № 28, апрель.

[223] Разминочный саммит: как прошла встреча Путина и Трампа в Хельсинки [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/07/2018/5b4c98d99a794739ea4c2e0a?from=materials_on_subject (дата обращения: 21.05.2022).

Тихоокеанском регионе, который активно развертывал баллистические ракеты средней и меньшей дальности и представлял тем самым серьезный повод для беспокойства у американской администрации. Эта же причина называлась и в вопросе продления договора СНВ-3 на слушаниях Комитета по иностранным делам Палаты Представителей Конгресса США. Прекращение действия ДРСМД в августе 2019 г. позволило США избавиться от ограничений, сдерживающих их военные возможности. Так, договор СНВ-3 оказался на тот момент единственным соглашением об ограничении вооружений, действующим между Соединенными Штатами и Россией.

Тем временем Россия не раз выступала за возобновление диалога по вопросам стратегической стабильности. В частности, в 2018 г. глава МИД РФ С. Лавров призывал начать переговоры о продлении договора СНВ-3[224]. В конце 2019 г. Россия уже была готова пролонгировать действие соглашения без предварительных условий[225]. В феврале 2020 г. выступила с предложением проведения двусторонней встречи юристов для обсуждения правовых аспектов пролонгации[226]. Бывшие госсекретарь США М. Олбрайт и министр иностранных дел России И.С. Иванов в феврале 2020 г. также поддерживали диалог по договору СНВ-3 «во имя всеобщей безопасности» и «во избежание бессмысленного и опасного возвращения к балансированию на грани войны»[227]. Однако данные инициативы не находили поддержки американской администрации при президентстве Д. Трампа, что позволяло делать предположения о том, что Соединенные Штаты намерены отказаться от договора. Тем не менее, главным препятствием считалось отсутствие в данном

---

[224] Лавров призвал начать переговоры по договору СНВ-3 [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20180814/1526507424.html (дата обращения: 21.05.2022).
[225] Россия готова продлить СНВ-3 хоть сегодня, заявил Лавров [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20191210/1562233587.html (дата обращения: 21.05.2022).
[226] 196. Солянова М. Позиции политических элит и экспертного сообщества США по вопросу о продлении договора СНВ-3 // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 2(59). – С. 192-211.
[227] Там же

механизме Китая, что не соответствовало существующей стратегической реальности[228].

Состоявшаяся в июне 2019 г. встреча высокопоставленных дипломатов в Праге по вопросу возобновления переговоров по стратегической стабильности не принесла видимых результатов. Бывший советник по национальной безопасности Дж. Болтон до и после пражской встречи заявлял, что необходимым условием для заключения нового соглашения о СНВ, выдвигаемым администрацией Д. Трампа, является участие китайской стороны. Однако позиция американской политической элиты по данному вопросу не была однородной. При изучении программных документов обеих партий – республиканской и демократической – становится очевидно, что в вопросе нераспространения стороны придерживаются полярных мнений. Если демократы выступают за взаимное ограничение численности ядерных потенциалов, то республиканцы – за отказ от механизмов контроля, которые могут быть выгодны потенциальным противникам США. Часть представителей республиканской партии также выступала за сохранение системы контроля над вооружениями в лице договора СНВ-3, препятствующего развертыванию российской стороной ядерного оружия и способствующего обеспечению национальной безопасности США. Так, на Д. Трампа оказывалось серьезное политическое давление со стороны обеих партий.

В середине 2020 г. американская администрация проявила гибкость в вопросе стратегической стабильности и уже не выступала за категорический отказ от продления соглашения СНВ-3 в первоначальном виде, при условии включения Китая в диалог по системе контроля над вооружениями в будущем. Эксперты связывают наметившийся прогресс в переговорном процессе с приближавшимися президентскими выборами в Соединенных Штатах и

---

[228] U.S. Ambassador to Russia John Sullivan: This is time to work together with Russia to overcome common enemy coronavirus [Электронный ресурс] // Interfax [Официальный сайт]. URL: https://interfax.com/newsroom/exclusive-interviews/68608/ (дата обращения: 22.05.2022).

желанием Д. Трампа избежать критики общественности за отсутствие диалога по вопросам стратегической стабильности.

Так, к концу 2020 г. Соединенные Штаты выдвинули российской стороне предложение продлить договор СНВ-3 на год в обмен на замораживание ядерных потенциалов, с целью выработки нового договора СНВ с участием Китая на долгосрочную перспективу. Россия поддержала данную инициативу в случае участия в новом соглашении Франции и Великобритании, что американская администрация оставила без внимания.

С победой Джо Байдена на президентских выборах стороны вернулись к диалогу по продлению договора СНВ-3 на первоначальных условиях. В результате, 27 января 2021 г. Соединенные Штаты и Россия подписали соглашение о продлении ДСНВ на пять лет (до 5 февраля 2026 г.). Это означает, что в ближайшие пять лет государствам необходимо будет выработать новую модель контроля над вооружениями, которая должна прийти на смену существующей модели, унаследованной от эпохи холодной войны. Создание и внедрение в практику нового договора потребует от сторон высокого уровня доверия, без которого говорить о благоприятных перспективах продолжения диалога по вопросам стратегической стабильности не представляется возможным.

Таким образом, процесс подписания соглашения о продлении договора СНВ-3 был осложнен отсутствием гибкости в переговорном процессе между США и Россией, а также отсутствием консолидированной позиции американских политических элит по контролю над ядерными вооружениями. Приближающиеся президентские выборы вынудили Д. Трампа отказаться от жесткой переговорной линии с Россией, однако диалог по контролю над вооружениями так и не завершился продлением существующего или формированием нового механизма. Лишь с приходом Джо Байдена стороны смогли вернуться к вопросам сохранения действующего режима контроля над стратегическими ядерными вооружениями.

После успеха с продлением Договора СНВ-3 и незначительной по времени подготовки, уже в июле 2021 г. Россия и США начали «консультации по стратегической стабильности» в Женеве. Уровень представительства сторон на этих консультациях был достаточно высок. Российскую межведомственную делегацию возглавил заместитель Министра иностранных дел РФ С. Рябков; американскую – заместитель Госсекретаря США У. Шерман. Все это свидетельствовало о серьезном настрое участников «консультаций» достичь поставленных перед ними целей.

Что касается этих целей, то российская сторона заявляла о том, что в ходе консультаций стороны намерены обсудить вопросы поддержания и укрепления стратегической стабильности, а также перспективы контроля над вооружениями. Американская сторона выражала надежду, что этот диалог должен заложить фундамент для будущего режима контроля над вооружениями и мер по снижению рисков[229].

Конкретные детали консультаций в открытой печати не раскрывались. Тем не менее, были сообщения о том, что «Москва выступает за расширение повестки переговоров», а также о том, что повестка включает «конкретизацию Вашингтоном позиции» по вопросу ограничения средств доставки ядерного оружия средней дальности[230].

Как и в предыдущих случаях с администрацией Д. Трампа, эти консультации особого результата не принесли. После второго раунда переговоров стороны создали две рабочие группы, одна из которых должна была заниматься общими принципами и задачами будущего контроля над вооружениями, а вторая - более конкретными вопросами, связанными с существующими арсеналами ядерных вооружений сторон. Но эти группы к

---

[229] В Женеве начались переговоры России и США по стратегической стабильности. 28.07.2021 г. [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20210728/stabilnost-1743223033.html (дата обращения: 20.09.2021).

[230] Консультации России и США по стратегической стабильности в Женеве: о чем пойдет речь? 30 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12537125?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.10.2021).

конкретным обсуждениям так и не приступили, поскольку после третьего раунда консультации были прерваны (конец сентября 2022 г.) в связи с началом спецоперации РФ на Украине.

2.2. Изменение взглядов сторон на стратегическую стабильность[231]

Многие российские и западные исследователи проблем безопасности констатируют наличие серьезного кризиса в сфере контроля над вооружениями, который нашел свое выражение как в ослаблении системы международных договоров, так и в отсутствии прогресса в согласовании новых мер по ядерному разоружению. Исследование комплекса причин этого кризиса выходит за рамки настоящей работы, но одна из них имеет к ней непосредственное отношение. Это – отсутствие единства взглядов России и США на содержание понятия «стратегическая стабильность».

Как уже говорилось выше, в 1990 г. стороны согласовали общее видение на это понятие[232]. Стратегическая стабильность определялась как такое состояние стратегических сил, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара. В качестве пути укрепления стабильности были названы «стабилизирующих сокращения» СНВ и «воплощение» соответствующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями.

Но уже после подписания Договора СНВ-3 и даже раньше, в российских экспертных кругах появилось и получило распространение мнение о том, что в современных условиях традиционное понимание стратегической стабильности должно быть дополнено новыми элементами. Более конкретно, речь шла о том, что при оценке стратегического баланса противостоящих друг

---

[231] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: *Савельев А.Г., Александрия О.М. Единство средств и расхождение целей // Россия в глобальной политике. 2022. № 2. С. 166–182. (1 п.л. / авторский вклад – 0,5 п.л.)*

[232] Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и по дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат. С. 197-199.

другу сил следует принимать во внимание ряд факторов, оказывающих, по их мнению, серьезное влияние на этот баланс. Так, предлагалось ввести в «стратегическое уравнение» высокоточное оружие, в частности, стратегические вооружения в неядерном исполнении, космические вооружения и некоторые другие средства ведения современной войны, включая «кибероружие». Такой подход был назван «новым видением» стратегической стабильности, а руководству страны предложено формулировать официальную позицию на переговорах по контролю над вооружениями исходя из положений этого «нового видения».

Сама формулировка «стратегической стабильности», выработанная и согласованная СССР и США в 1990 г. ревизии не подвергалась. Но «новое видение» этой проблемы явно присутствует в заявлениях российских официальных лиц по вопросам перспектив ядерного разоружения, что делает вполне актуальным углубленное исследование данной проблемы, используя традиционные научные методы. В данном случае автор использовал существующие методики экспертного опроса, результаты которого представлены ниже.

Опрос проводился в декабре 2021 г. Участникам опроса было предложено дать собственный перечень факторов, которые, по их мнению, оказывают в настоящее время (2022 г.) или будут оказывать ощутимое влияние на стратегическую стабильность в обозримой перспективе (до 2036 г.). В перечне нужно было указать сначала – наиболее существенные факторы, затем – наименее существенные. Кроме того, было предложено оценить перспективы учета названных факторов, а также обозначить возможные формы такого учета. В данном случае речь идет о 2026 г. (год окончания действия «продленного» Договора СНВ-3), а также о 2036 г. (год окончания действия возможного соглашения по контролю над ядерными вооружениями, который может прийти на смену СНВ-3). Экспертов также попросили оценить степень влияния предложенных ими факторов на стратегическую стабильность по состоянию на указанные даты (2022 г., 2026 г и 2036 г.).

Состав экспертной группы и методика опроса.

Особое внимание было уделено подбору экспертной группы. Он осуществлялся по строго индивидуальному принципу исходя из наличия открытой информации о квалификации и авторитете каждого из экспертов. В состав этой группы вошли ведущие российские специалисты, как правило, имеющие многолетний опыт работы в сфере международной безопасности. Изначально предполагалось, что в опросе примут участие 24 эксперта, но четверо из них по тем или иным причинам не смогли этого сделать, поэтому было опрошено 20 человек. Учитывая тот факт, что опрос проводился на условиях анонимности, фамилии экспертов не приводятся. Тем не менее, отметим, что подавляющее число экспертов имеют научные степени (5 докторов наук и 13 кандидатов наук). При этом не менее трети из 20 экспертов имеют практический опыт ведения официальных переговоров по вопросам контроля над вооружениями, а также опыт работы в различных военных и гражданских структурах СССР и РФ (МИД и Минобороны). В частности, в число опрошенных экспертов вошли четыре человека, имеющих генеральские звания. В ходе опроса были получены достаточно подробные ответы на поставленные перед экспертами вопросы, что дает возможность сделать ряд обобщений и выводов, достаточно полно отражающих взгляды значительной части российской военно-политической элиты на одну из наиболее актуальных проблем безопасности – необходимость укрепления стратегической стабильности.

Здесь же необходимо подчеркнуть, что к настоящему опросу были приглашены российские эксперты вне зависимости от их политических взглядов. В основе отбора лежал их профессиональный опыт, авторитет в научных, военных и политических кругах в России и за рубежом, высокий уровень предоставляемой ими экспертизы. С этой точки зрения можно, на наш взгляд, считать, что выводы и рекомендации, представленные в настоящей работе, в целом отражают мнение профессионального экспертного

сообщества РФ по актуальным проблемам безопасности и стратегической стабильности.

Как известно, при организации экспертного опроса используются различные, зачастую уникальные методики. Некоторые из них создаются непосредственно для каждого конкретного случая. Тем не менее, существуют некоторые универсальные принципы, которыми руководствуются организаторы этого процесса. В рассматриваемой работе был использован комплексный подход к решению поставленных задач, который, по мнению автора, в наилучшей степени позволил достичь конкретного результата.

Так, для данного опроса была разработана специальная анкета, которая высылалась каждому эксперту в индивидуальном порядке. При этом эксперты не были проинформированы о том, кто еще принимает участие в опросе, равно как и об общем количестве опрашиваемых специалистов. В анкете присутствовали вопросы, на которые эксперт должен был ответить в последовательном порядке. В анкете также были даны примеры для заполнения таблиц. Опрос в основном происходил заочно, но с некоторыми из экспертов проводились интервью, в ходе которых соответствующие анкеты были заполнены. В его ходе был использован обычный метод. Многоступенчатый («Дельфийский») метод не применялся.

Количественные показатели.

По результатам опроса экспертами было названо 20 различных факторов, которые, по их мнению, оказывают влияние на стратегическую стабильность в настоящее время или будут оказывать такое влияние в будущем. Фактически таких факторов было отмечено больше указанного количества, но в целях систематизации полученных данных автор счел возможным объединить схожие, по его мнению, ответы в отдельные группы. Например, в группу «Высокоточное оружие» были включены также «средства быстрого глобального удара» и «гиперзвуковое оружие». А в группу «Рост конфликтности между ведущими мировыми державами» включен фактор Украины.

В ходе опроса каждый из экспертов (только за одним исключением) назвал от трех до десяти факторов, влияющих на стратегическую стабильность. При этом большинство приводило от шести до семи таких факторов. В сумме 19 из 20 экспертов назвали 127 факторов, которые в большинстве случаев совпадали у отдельных опрашиваемых. Только один участник опроса считал, что в обозримой перспективе никаких угроз стратегической стабильности не предвидится, а факторов, способных породить мотивацию к применению ядерного оружия, нет и не просматривается. Тем не менее, по его мнению, риск применения ядерного оружия сохраняется, но исключительно в силу комбинации случайных событий и технических сбоев.

На первом месте по «популярности» ответов находятся «космические вооружения», на которые указали 18 из 20 опрошенных экспертов. Высокоточное оружие, (включая средства быстрого глобального удара и гиперзвуковое оружие) занимает второе место – семнадцать ответов. Далее следуют противоракетная оборона (ПРО) и киберорружие (по шестнадцать положительных ответов), ядерное оружие третьих стран (пятнадцать ответов) и нестратегические ядерные вооружения (пятнадцать ответов). Остальные факторы присутствуют в ответах менее половины опрошенных экспертов. Наиболее значимым из них можно назвать различные интерпретации роста конфликтности между ведущими странами мира, прежде всего, Россией и США и НАТО, США и КНР, «запада» и «востока» в целом – шесть ответов. Два ответа непосредственно касались кризиса вокруг Украины[233], четыре – новых средств доставки ядерного оружия. (см. Таблица 1, Рис. 1).

Таблица 1. Основные факторы, влияющие на стратегическую стабильность

№	Факторы, влияющие на стратегическую стабильность	Частота упоминаний
1	Космические вооружения	18

[233] Напомним, что опрос проводился до начала специальной военной операции на Украине.

2	Высокоточное оружие (включая средства быстрого глобального удара и гиперзвуковое оружие)	17
3	Противоракетная оборона (ПРО)	16
4	Киберорружие	16
5	Ядерное оружие третьих стран	15
6	Нестратегические ядерные вооружения	15
7	Рост конфликтности между ведущими странами мира (РФ - НАТО и США; США - КНР)	6

Рис. 1. Факторы, влияющие на стратегическую стабильность (количество ответов)

Приведенная выше картина будет неполной, если не рассмотреть полученные ответы экспертов с точки зрения конкретного места по степени важности, на которое был поставлен тот или иной фактор. Так, космические вооружения сохраняют свое «лидерство». На первое место среди всех названных факторов, влияние космических вооружений на стратегическую стабильность поставило девять из 18 опрошенных экспертов, которые включили этот фактор в свой перечень. Два эксперта отвели космическим вооружениям второе место, три – четвертое место, один – пятое и три – шестое.

Только один эксперт указал на высокоточное оружие как на главный фактор, влияющий на стратегическую стабильность. Три эксперта отвели этому фактору второе место, семь экспертов – четвертое, четыре – пятое и два

- восьмое. Что касается противоракетной обороны, то ни один из экспертов не указал на нее как на главный фактор влияния на стратегическую стабильность. Только один опрашиваемый поставил ПРО на второе место, три на третье, восемь – на пятое, три – на шестое, и один – на девятое место. Среди других систем стратегической обороны, только один эксперт упомянул в своем списке противолодочную оборону (третье место), и никто – противовоздушную оборону (ПВО).

Наиболее высокое место из полученных кибероружием – третье, которое ему присвоили два эксперта. Три эксперта поставили этот фактор на четвертое место, один – на пятое, восемь – на шестое и два – на седьмое. Ядерное оружие третьих стран названо главным фактором, влияющим на стратегическую стабильность, только одним экспертом. Девять опрашиваемых поставили его на второе место, и по одному – на третье, четвертое, пятое, седьмое и восьмое места. Нестратегические ядерные вооружения получили два первых места, одно второе, семь третьих, четыре четвертых и одно седьмое место.

Рост конфликтности между ведущими мировыми державами отмечен как главный фактор, влияющий на стратегическую стабильность, четырьмя экспертами. Один эксперт поставили этот фактор на второе место, и один – на третье. Конфликт вокруг Украины отмечен двумя экспертами – один первое место и один – третье.

Таким образом, в качестве предварительного вывода можно отметить, что с точки зрения количественных показателей, наиболее важным фактором, влияющим, по мнению ведущих российских экспертов, на стратегическую стабильность, являются космические вооружения. Этот фактор занимает первое место, как по общему количеству упоминаний, так и по первым местам в представленных экспертами перечнях. Что касается распределения дальнейших мест, то количественные показатели не позволяют однозначно судить о степени важности других, находящихся в списках факторов. В данном случае все зависит от избранной методики такого определения.

Так, если судить по общему количеству упоминаний (о чем сказано выше), то после космических вооружений должно идти высокоточное оружие, затем противоракетная оборона и кибероружие, ядерное оружие третьих стран и нестратегические ядерные вооружения. Но если список факторов будет составлен в соответствии с количеством «занятых» первых мест, то картина довольно резко изменится. На первом месте останутся «космические вооружения» (девять первых мест), но уже на втором окажется рост конфликтности между ведущими мировыми державами (пять первых мест). Далее идут нестратегические ядерные вооружения (два первых места) и еще пять факторов, имеющих по одному первому месту (украинский кризис, ядерное оружие третьих стран, высокоточное оружие, наличие договоров по стратегическим наступательным вооружениям, кризис системы международных институтов). При этом из первой части списка выпадают противоракетная оборона и кибероружие, не имеющие ни одного первого места.

Автор не считает необходимым далее усложнять методику определения лидирующих факторов в списке оказывающих наибольшее влияние на стратегическую стабильность. Например, распределить эти факторы в соответствие со средним значением места, которое им отвели опрашиваемые эксперты. Такой подход, на наш взгляд, только исказит общую картину, поскольку преимущество получили бы наименее часто называемые факторы с «высокими» местами. Поэтому в данном случае целесообразно перейти к качественному анализу результатов опроса, а именно, рассмотреть названные факторы с точки зрения оценки российскими экспертами уровня их влияния на стратегическую стабильность.

Уровень влияния отдельных факторов на стратегическую стабильность

Как указывалось выше, эксперты в ходе опроса дали собственные оценки уровня влияния названных ими факторов на стратегическую стабильность по состоянию на 2022, 2026 и 2036 гг. Этот уровень оценивался

в диапазоне трех показателей: слабый, умеренный, существенный. Сводные данные по полученным ответам приведены в Таблице 2.

Таблица 2. Оценка уровня влияния отдельных факторов на стратегическую стабильность по состоянию на 2022, 2026 и 2036 гг.

	2022			**2026**			**2036**		
	Существенное	Умеренное	Слабое	Существенное	Умеренное	Слабое	Существенное	Умеренное	Слабое
Космические вооружения	1	8	9	4	10	4	12	5	1
Высокоточное оружие (включая средства быстрого глобального удара и гиперзвуковое оружие)	3	8	6	7	8	2	11	5	1
Противоракетная оборона (ПРО)	0	0	13	1	6	9	4	10	2
Киберорружие	1	4	11	4	8	4	11	4	1
Ядерное оружие третьих стран	2	7	6	7	5	3	12	2	1
Нестратегические ядерные вооружения	4	8	3	4	9	2	7	4	4
Рост конфликтности между ведущими странами мира (РФ - НАТО и США; США - КНР)	8			6	1		4	2	1

Рассмотрим данный вопрос применительно к каждому указанному году.

2022 г.

Исходя из итогов опроса, наиболее сильное влияние на стратегическую стабильность на текущий момент времени оказывает рост конфликтности

между ведущими мировыми державами. Это влияние оценено как «существенное» всеми шестью экспертами, которые включили его в свой перечень вне зависимости от места, на который он был поставлен. Если к этому добавить фактор Украины (два упоминания и оба – «существенное влияние»), то получается, что почти половина опрошенных экспертов указывает на данные факторы, как на главный источник влияния на стратегическую стабильность.

На этом фоне «лидеры» количественного анализа проведенного опроса заметно утратили свои передовые позиции. Так, на второе место выходят нестратегические ядерные вооружения, чье влияние на стратегическую стабильность оценили как «существенное» четыре эксперта. Восемь экспертов оценили его как «умеренное» и только три – как «слабое».

Влияние высокоточного оружия оценено как «существенное» тремя экспертами. Восемь экспертов оценили его как «умеренное» и шесть – как «слабое». Далее следуют: ядерное оружие третьих стран («существенное» - два, «умеренное» - семь, «слабое» - шесть); космические вооружения («существенное» - один, «умеренное» - восемь, «слабое» - девять); киберорружие («существенное» - один, «умеренное» - четыре, «слабое» - одиннадцать) и противоракетная оборона («существенное» - нет, «умеренное» - три, «слабое» - тринадцать).

Влияние стратегических наступательных вооружений, включая наличие договоров по СНВ, на стратегическую стабильность оценено как «существенное» всеми тремя указавшими на этот фактор экспертами.

2026 г.

К 2026 г. несколько факторов, по мнению опрошенных экспертов, могут значительно увеличить свое влияние на стратегическую стабильность, что позволит им перейти в начало списка и оттеснить «рост конфликтности» на третье место. Это, прежде всего, относится к высокоточному оружию, влияние которого на этот год оценено как существенное семью экспертами, как умеренное – восемью и как слабое двумя опрошенными экспертами. То же

самое можно отметить в отношении ядерного оружия третьих стран (существенное семь ответов, умеренное – пять и слабое – три).

Российские эксперты прогнозируют небольшое снижение влияния фактора роста конфликтности между ведущими мировыми державами на стратегическую стабильность. Тем не менее, он должен сохранить свою роль как один из основных факторов в рассматриваемой нами сфере. Пять экспертов определили влияние этого фактора как «существенное» и один – как «умеренное». Украинский фактор был упомянут только одним экспертом, как продолжающий оказывать существенное влияние на стабильность.

Другие из часто называемых факторов также, по мнению экспертов, должны повысить свое влияние на стратегическую стабильность к 2026 г. К ним относятся: нестратегические ядерные вооружения (существенное - четыре, умеренное - девять, слабое - два); космические вооружения (существенное - четыре, умеренное - десять, слабое - четыре); кибероружие (существенное - четыре, умеренное - восемь, слабое - четыре). Противоракетная оборона также несколько увеличит свое влияние (существенное - один, умеренное - шесть, слабое – девять).

2036 г.

Российские эксперты прогнозируют, что к 2036 г. список наиболее «влиятельных» факторов с точки зрения стратегической стабильности претерпит значительные изменения. Так, на первое место должны выйти космические вооружения (существенное влияние – 12, умеренное – пять и слабое – один), а также ядерное оружие третьих стран (существенное – 12, умеренное – два и слабое – один). Весьма близко к ним будут находиться высокоточное оружие, которое несколько утратит свои лидирующие позиции по сравнению с 2026 г. (существенное – 11, умеренное – пять и слабое – один ответ), а также кибероружие (существенное – 11, умеренное – четыре и слабое – один).

Далее следует нестратегические ядерные вооружения (существенное – семь, умеренное – четыре и слабое – четыре). В конце списка наиболее

значимых факторов, влияющих на стратегическую стабильность, будут находиться противоракетная оборона (существенное – четыре, умеренное – десять и слабое – два), и рост конфликтности между ведущими мировыми державами (существенное – четыре, умеренное – два, слабое – один). В последнем случае необходимо отметить, что перемещение фактора роста конфликтности в конец списка не означает, что он в значительной мере будет утрачивать свое влияние. Такое «перемещение» объясняется исключительно тем, что данный фактор был включен в списки меньшим количеством экспертов, чем упомянутые выше факторы. Но действие «роста конфликтности» оценивается в основном как «существенное» на протяжении всего прогнозируемого периода за исключением фактора Украины, который уже в 2026 г. может утратить свое значение или вообще уйти из общего списка названных факторов.

На рисунке 2 показано прогнозируемое экспертами изменение «удельного веса» отдельных факторов по состоянию на указанные годы с точки зрения их «существенного» влияния на стратегическую стабильность.

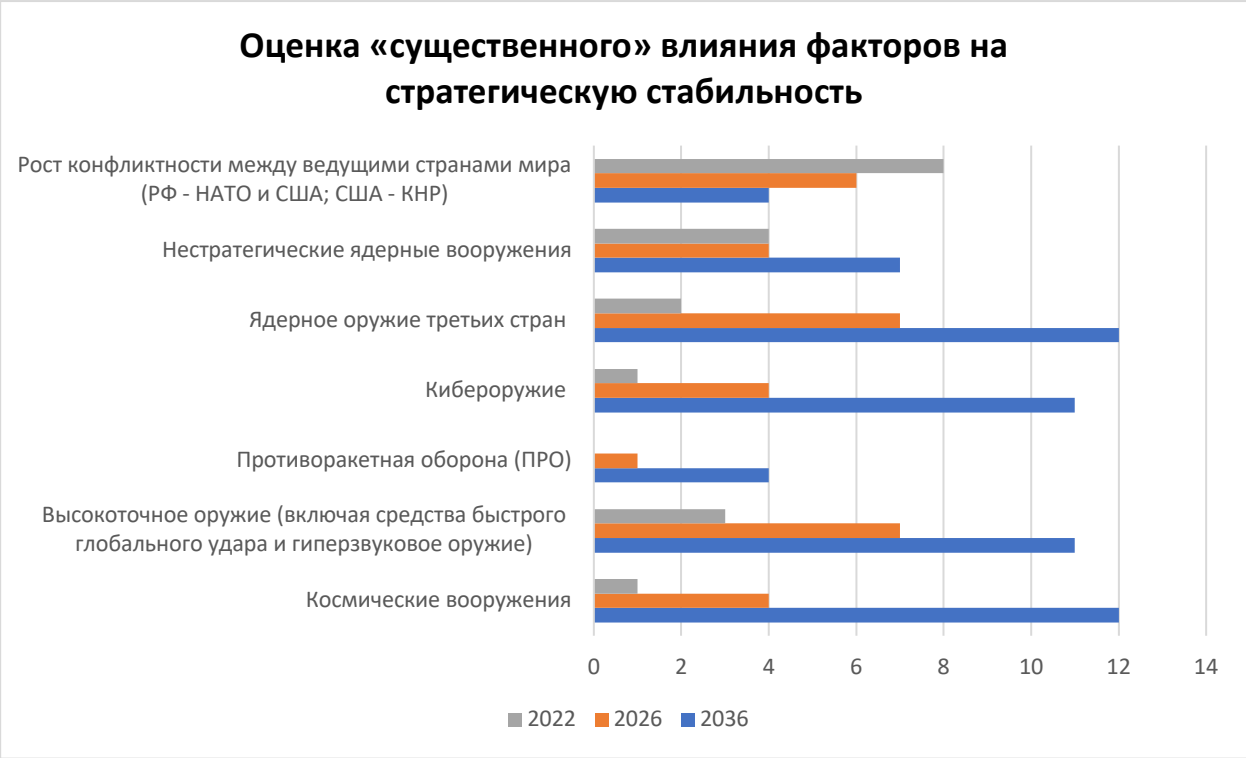

Рис.2. Оценка «существенного» влияния факторов на стратегическую стабильность

Как видно из приведенного рисунка, российские эксперты считают, что к 2036 г. основные факторы, влияющие на стратегическую стабильность (кроме роста конфликтности между ведущими странами мира), могут в значительной мере повысить свою значимость. Все это ставит вопрос о том, как эти факторы могут быть учтены с целью нейтрализации их отрицательного влияния на безопасность.

Предлагаемые меры по учету факторов, влияющих на стратегическую стабильность

Все без исключения из опрошенных российских экспертов отметили, что названные ими факторы, оказывающие влияние на стратегическую стабильность, должны быть учтены тем или иным образом к 2036 г. Что касается 2026 г., то некоторые из экспертов считают, что отдельные факторы к этому периоду времени учитывать необязательно в силу их слабого влияния на стабильность. В этом списке лидирует противоракетная оборона. На ее учете не настаивают пять экспертов, 11 выступают за такой учет.

Далее следуют ядерное оружие третьих стран (четыре нет, 11 - за учет); космические вооружения – (четыре нет, 14 - да); киберорружие – (три нет, 13 - да); высокоточное оружие (три нет, 14 - да) и нестратегические ядерные вооружения – (два нет, 13 - да).

Эксперты представили свои соображения по поводу того, как и в какой форме они считают целесообразным учет отмеченных факторов, влияющих на стратегическую стабильность, в будущем. Эти предложения включают в себя широкий спектр мер и инициатив применительно к каждому из названных ими факторов. При этом характерно отметить, что за весьма редкими, буквально, единичным, исключением ни одна рекомендация экспертов не предполагает осуществление ответных мер военно-технического характера на действия других стран, которые, по их мнению, могут вести к ослаблению или даже подрыву стратегической стабильности. Такая рекомендация дана только в одном из 113 полученных ответов.

Ядерное оружие третьих стран

Суммируя предложения экспертов по данной проблеме, можно отметить следующее. Считается важным достижение взаимопонимания по вопросу о ядерных арсеналах третьих стран, прежде всего, между РФ и США. Ключом к решению проблемы может стать установление трехстороннего диалога между Россией, США и Китаем с возможностью подключения к нему других ядерных держав. Этому должна предшествовать активизация неофициальных контактов между представителями данных стран, включая проведение международных семинаров, дискуссий, других форумов, осуществление совместных проектов и т.д. В этих целях предлагается также использовать уже имеющиеся «площадки» и механизмы осуществления таких контактов, в частности, те, которые были созданы и функционируют в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия.

В конечном итоге дело следует вести если и не к выработке многостороннего договора между пятью ядерными державами (хотя некоторые из экспертов предлагают и такой вариант), то к установлению режима транспарентности и предсказуемости в рассматриваемой области. Ряд экспертов считает важным выработку своеобразного «кодекса поведения» в сфере ядерных вооружений, а также принятие отдельными странами определенных односторонних обязательств по ненаращиванию своих ядерных арсеналов.

Противоракетная оборона

Интересно отметить, что никто из опрошенных экспертов не настаивал на возврате жестких ограничений на системы ПРО, как это предусматривал Договор 1972 г. В редких случаях предлагался «облегченный» вариант такого договора с частичными ограничениями параметров противоракетных систем. Отдельные эксперты считают, что проблему ПРО можно вынести на уровень трехстороннего диалога США-РФ-КНР и решать ее в рамках обсуждения проблем ядерных арсеналов сторон по мере достижения прогресса в этом вопросе. Некоторые эксперты настаивают на сохранении прямой увязки

сокращений СНВ сторон с оборонительными системами. Другие предлагают ограничиться фиксацией такой взаимозависимости в будущем договоре по СНВ (СНВ-4), как это было сделано в Договоре СНВ-3.

Многие специалисты считают важным выработку мер доверия и предсказуемости в сфере стратегической обороны, а также добровольные односторонние меры сдержанности при осуществлении соответствующих программ. Среди прямых запретов упоминается желательность достижения договоренности о неразвертывание систем и компонентов ПРО в космосе.

Если говорить в целом, то по результатам опроса проблема противоракетной обороны, по мнению ведущих российских экспертов, стоит далеко не на первом месте среди факторов, влияющих на стратегическую стабильность. Тем не менее, они считают, что все же решать ее необходимо, но уже не в рамках жестких договорных ограничений, но, в большей мере, на основе более глубокого взаимопонимания сторон, роста предсказуемости и самоограничений.

Высокоточное оружие, средства быстрого глобального удара, гиперзвуковое оружие

Как уже указывалось выше, в целях систематизации полученных в результате опроса экспертов информации, три названные категории вооружений были объединены в один раздел. Тем более, что только один из 20 опрошенных экспертов в своих ответах выделил средства неядерного быстрого глобального удара и гиперзвуковое оружие в отдельные категории. Поэтому рекомендации, приведенные ниже, будут относиться ко все трем группам вооружений под общим названием «высокоточное оружие».

Значительная часть опрошенных экспертов предлагает заключить договоренности по отдельным категориям этого оружия. Некоторые считают, что можно будет выработать договор, в который следует включить такие отдельные категории высокоточного оружия. Еще одно решение – учесть системы ВТО, способные выступать в качестве носителей ядерного оружия, в новом договоре СНВ-4.

Некоторые из экспертов считают, что в данной сфере можно ограничиться согласованием отдельных протоколов, заявлений и совместных пониманий, без выработки специальных договорных обязательств. Это должно сопровождаться расширением мер доверия и транспарентности, а также односторонними действиями, направленными на снятие озабоченностей по поводу конкретных аспектов принятия на вооружение, развертывание и эксплуатации систем высокоточного оружия.

Только в одном случае экспертом было предложено расширять стратегическое партнерство России и Китая в этой области. В частности, вести дело к совместному созданию новейших вооружений для ассиметричного сдерживания США и их партнеров по НАТО.

Космические вооружения

Учитывая тот факт, что пока «космических вооружений» как таковых не существует, а также сложность контроля за этими вооружениями в случае их появления (и которые, скорее всего, будут иметь двойное назначение), многие из экспертов не настаивают на жестких договорных ограничениях в этой сфере военной деятельности государств. Большинство из опрошенных экспертов склоняется к тому, что наиболее эффективным путем обеспечения безопасности в данной области могла бы стать выработка определенного «кодекса поведения» стран в космосе. Положительную роль также могут сыграть односторонние действия и обязательства государств, активно осваивающих космическое пространство.

Некоторые из экспертов все же настаивают на том, что заинтересованные страны должны вести дело к выработке юридически обязывающего соглашения, резко ограничивающего (запрещающего) как размещение оружия в космосе, так и использование такого оружия против космических систем. Речь, прежде всего, идет о полном запрете на противоспутниковое оружие.

Что касается механизма осуществления предлагаемых мер, то высказывается мнение о том, что начать нужно с проведения ряда

консультаций между РФ и США по этим вопросам с последующим подключением к диалогу других космических держав, прежде всего КНР. Некоторые из экспертов предлагают начать подобные консультации сразу в трехстороннем формате или даже в рамках многостороннего форума.

Нестратегические ядерные вооружения

Как известно, Соединенные Штаты предлагали решить проблему нестратегических ядерных вооружений в рамках будущих договоренностей. Ряд из опрошенных экспертов разделяет такую точку зрения, предлагая вести дело к контролю не только СНВ, но и всех ядерных средств сторон в рамках единого соглашения (СНВ-4). Некоторые специалисты считают, что из такого общего соглашения следует выделить ядерные средства средней дальности, заключив по ним отдельное соглашение по типу Договора о РСМД. Предлагается также провести соответствующие переговоры в формате Россия-США-Китай.

Некоторые из экспертов обращают внимание на сложность проблемы верификации нестратегического ядерного оружия. В указанной связи они считают, что конкретным переговорам должны предшествовать консультации с США по вопросам мониторинга и транспарентности в рассматриваемой области. Не исключается заключение отдельных соглашений по мониторингу, как с США, так и с другими ядерными державами. Высказывается мнение, что в обозримый период таких соглашений будет достаточно для нейтрализации отрицательного влияния фактора нестратегических ядерных вооружений на стратегическую стабильность.

Ряд экспертов предлагает решать проблему указанных вооружений поэтапно. При этом речь, по их мнению, должна идти исключительно о ядерных боезарядах, а не о системах вооружения в целом. Некоторые из них считают, что решение вопроса о нестратегических ядерных вооружениях должно быть поставлено в зависимость от дальнейшего прогресса в области ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений.

Другие предлагают вырабатывать отдельные соглашения по двум категориям ядерных вооружений вне зависимости друг от друга.

Кибероружие

Большинство из опрошенных экспертов считает, что вопросы, связанные с проблемой влияния кибероружия на стратегическую стабильность, должны обсуждаться и решаться в рамках диалога заинтересованных сторон по этой проблеме. При этом практически никто не говорит о том, что в данной области можно выработать какое-то юридически обязывающее соглашение. Считается возможным заключение такого соглашения только по отдельным вопросам, в частности, соглашение о недопустимости кибератак на элементы системы боевого управления вооруженных сил и критической инфраструктуры. Предлагается налаживание международного взаимодействия в расследовании подобных случаев.

Как и в случае с космическими вооружениями, некоторые эксперты предлагают вести дело к выработке кодекса поведения в киберпространстве. В качестве «первоочередных» участников предлагаемого диалога называются Россия, США и НАТО. Некоторые эксперты считают, что на первых этапах попытки решения проблемы кибероружия участие в подобном «диалоге» можно ограничить только Россией и Соединенными Штатами. Китай напрямую не был назван ни одним из участвовавших в опросе специалистов.

Только один из опрошенных экспертов высказал мнение о том, что проблема кибероружия вообще не имеет решения. Большинство же считает, что в любом случае укреплению стратегической стабильности могут способствовать односторонние обязательства сторон. Такие обязательства должны предусматривать невмешательство и отказ от воздействия на ключевые системы, поддерживающие стратегическую стабильность. Речь, наряду с прочим, идет о безопасности космических элементов систем связи и боевого управления стратегических ядерных сил и безопасности системы раннего предупреждения о ракетном нападении.

Прочие факторы, оказывающие влияние на стратегическую стабильность

Как отмечалось выше, среди факторов, набравших менее половины «голосов» опрошенных экспертов, на первом месте находится ***рост конфликтности между ведущими мировыми державами***. Участники опроса предлагают решить эту проблему путем восстановления диалога между Россией и США, Россией и НАТО. При этом конечным итогом такого диалога, по мнению некоторых из экспертов, может явиться заключение двусторонних и/или многосторонних правовых договоренностей по гарантиям безопасности, прежде всего, в Европе. Определенную роль в данном процессе может играть активная работа Центров по уменьшению ядерной опасности, выработка мер доверия и контроль над вооружениями.

Отдельные эксперты указывают на «***стратегическую «инфантильность» политических элит, непонимание значимости вопроса стратегической стабильности».*** Для решения этой проблемы предлагается инициировать международную кампанию с активным участием учёных-естественников, направленную на разъяснение реальных последствий безответственности в ядерных вопросах, включая все аспекты применения ядерного оружия.

Контроль над вооружениями, по мнению многих из опрошенных экспертов, может сыграть позитивную роль и в решении проблемы ***новых систем стратегических вооружений,*** других проблем, непосредственно связанных с ядерным и обычным оружием. В последнем случае речь идет о ***дисбалансе обычных вооружений*** и в целом о ***конвенциональных триггерах ядерной эскалации.***

Приведенный выше анализ опроса ведущих российских экспертов о факторах, оказывающих влияние на стратегическую стабильность, продемонстрировал как отсутствие, так и наличие единства экспертного сообщества по ряду важнейших вопросов безопасности.

По нашему мнению, такое единство отсутствует по вопросу о сущности и содержании понятия «стратегическая стабильность». Несмотря на то, что такой вопрос экспертам не задавался, из результатов опроса вполне ясно видно, что его участники исходили из разных подходов к рассматриваемой проблеме, о чем было сказано выше. Отсутствие единства взглядов экспертного сообщества РФ по названной проблеме как раз и выразилось в том, что в результате опроса количество названных факторов, влияющих на стратегическую стабильность, превысило 20 единиц. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о серьезной необходимости активизации дискуссий по вопросу о конкретном содержании понятия «стратегическая стабильность», которое уже прочно вошло в лексикон российских и западных политиков и экспертов, тем не менее, как выясняется, при отсутствии единого понимания его сущности и содержания.

Такие разногласия, казалось бы, должны были отразиться и на подходах экспертов к вопросу о способах и методах укрепления стратегической стабильности, включая ослабление или нейтрализацию факторов, оказывающих отрицательное влияние на стабильность. Но именно в этой области эксперты продемонстрировали серьезное единство.

Это единство выражено в том, что практически все из опрошенных специалистов считают, что проблемы, связанные с негативным влиянием различных факторов на стратегическую стабильность, могут быть разрешены путем переговоров. Предложения по осуществлению «ответных», «асимметричных» и других односторонних мер военно-технического характера практически отсутствуют в соответствующих опросных листах. Российские эксперты предлагают активизировать существующие и создать новые каналы официальных и неофициальных контактов с США и другими странами Запада с тем, чтобы совместными усилиями найти решения жизненно важных проблем безопасности и избежать гонки вооружений в «традиционных» и новых сферах военной деятельности. По их мнению, этому

должны способствовать расширение взаимопонимания, установление режима открытости, транспарентности и предсказуемости в военной области.

В заключение отметим, что предложения, высказанные российскими экспертами, невозможно реализовать без «встречного движения» со стороны Запада. В последние годы контакты между РФ и западными странами значительно ослабли, как по «официальной» (дипломаты, военные), так и по «неофициальной» (ученые, эксперты) линиям. Такое положение вряд ли может способствовать улучшению взаимопонимания между сторонами и прогрессу в деле укрепления безопасности и стратегической стабильности в чем, как представляется, заинтересованы все участники международных отношений.

2.3. Проблема многосторонних переговоров

Среди целого ряда проблем, связанных с перспективами контроля над ядерными вооружениями и разоружением, вопросы возможных многосторонних переговоров в данной области являются одними из самых сложных. Настойчивые попытки РФ и США привлечь к переговорам хотя бы страны «Большой ядерной пятерки» до последнего времени оставались безрезультатными. Это, наряду с прочим, является еще одним фактором стагнации всего переговорного процесса по ядерному разоружению.

С самого начала переговоров по стратегическим наступательным вооружениям между СССР и США в конце 1960-х – начале 1970-х гг., Советский Союз указывал на тот факт, что у Соединенных Штатов имеются союзники (Великобритания и Франция), которые не имеют никаких обязательств по ограничению своих ядерных средств. Особое внимание в данном случае обращается на ядерные силы Великобритании, четыре атомных подводных ракетоносца которой с развернутыми на них баллистическими ракетами, еще со времен «Холодной войны» были практически включены в американскую систему ядерного планирования. Некоторые исследователи приходят к выводу о том, что «в случае войны британские СЯС будут автоматически применены вместе с СЯС США».[234]

Поэтому совокупная мощь противостоящих СССР стратегических ядерных сил Запада на практике значительно выше, чем это следует из заключенных с США договоров. В указанной связи СССР настаивал на получении определенной компенсации за наличие ядерных вооружений у названных стран в договорах с США, или же какого-то другого учета наличия

---

[234] Фененко А. В. Британский синдром. 10.03.2010. [Электронный ресурс] // Независимая газета [Официальный сайт]. URL: https://www.ng.ru/politics/2010-03-10/3_kartblansh.html (дата обращения: 20.09.2021).

этих средств в соответствии с принципом «одинаковой безопасности», который Советский Союз активно продвигал на международной арене.

Названная проблема третьих ядерных держав поднималась Советским Союзом практически в ходе всех переговоров по СНВ с США, и ни разу не нашла удовлетворительного решения. После распада СССР она «по наследству» досталась Российской Федерации. По мере движения по пути глубоких сокращений стратегических ядерных сил сторон эта проблема приобретала все более острый характер. В конечном итоге, наряду с прочим, она стала одним из серьезных факторов стагнации всего процесса контроля над ядерными вооружениями, что в полной мере проявило себя сразу же после заключения Договора СНВ-3 в 2010 г.

Так, уже во время парламентских слушаний по ратификации Договора СНВ-3 в июле 2010 г., первый заместитель начальника Генштаба ВС РФ генерал-лейтенант А. Бурутин заявлял о том, что «и мы, и американцы понимаем, что мы выходим в ближайшее время на порог, когда не учитывать ядерный потенциал других стран ядерного клуба становится невозможным, и это будет основанием для переговоров в недалеком будущем». Он также дал понять, что под «другими странами» имеются в виду Великобритания, Франция и Китай.[235] Вместе с тем А. Бурутин не уточнил, каким образом США и РФ собирались «учитывать» ядерные потенциалы названных стран, и будут ли эти сраны приглашены в качестве равноправных участников переговоров по новому соглашению.

Такое уточнение последовало в феврале 2012 г. со стороны занимавшего в то время пост премьер-министра РФ В. Путина, который на «круглом столе» в Сарове заявил о том, что «дальнейшие шаги должны носить уже комплексный характер, и в ходе этого процесса должны принимать участие

[235] Генштаб РФ: в новом договоре СНВ учтут ядерный потенциал других стран. 08.07.2010. [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20100708/253051888.html (дата обращения: 04.05.2021).

уже все ядерные державы» [236]. При этом не было сказано, какие ядерные державы «должны» будут принять участие в этом «процессе» - официальная «большая пятерка», или именно «все» страны – обладатели ядерного оружия, включая Индию, Пакистан и другие. Наряду с этим, исходя из приведенного выше заявления В. Путина, можно было предположить, что Россия станет настаивать, прежде всего, на проведении многосторонних переговоров, а не на получении «компенсации» от США в ходе двухсторонних контактов по названной проблеме. Но, скорее всего, российская сторона будет стараться использовать оба этих подхода в целях усиления своей переговорной позиции.

Следует отметить, что все приведенные выше заявления не нашли своего практического воплощения в последующие годы. Ни Россия, ни Соединенные Штаты не выдвинули никаких конкретных предложений ни по формату возможных будущих переговоров, ни по их предмету. Экспертное сообщество этих стран также не проявило большого энтузиазма по поводу многосторонних переговоров по ядерным вооружениям. Основное внимание специалистов, как и ранее, было сконцентрировано вокруг дальнейшего снижения уровня ядерного противостояния между Россией и США. На наш взгляд, такое положение вещей вполне объяснимо. Дело в том, что следует признать, что практически невозможно предложить такую конфигурацию будущих переговоров по контролю над ядерными вооружениями, которая устроила бы всех возможных участников данного процесса.

Проблемы начинаются уже с определения круга самих участников таких переговоров. На наш взгляд, совершенно немыслимо представить себе, чтобы в состав такой группы на равных правах входили бы «официальные» и «неофициальные» ядерные державы, включая Северную Корею и Израиль. Для некоторых «неофициальных» обладателей ядерного оружия (например, для Индии) участие в подобных переговорах, возможно, и представляло бы

---

[236] Владимир Путин провел в Сарове «круглый стол» по вопросам национальной безопасности, 24 февраля 2012. [Электронный ресурс] // 1 TV [Официальный сайт]. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-02-24/105413-vladimir_putin_provel_v_sarove_kruglyy_stol_po_voprosam_natsionalnoy_bezopasnosti (дата обращения: 04.05.2021).

какой-то интерес с точки зрения поднятия их международного статуса. Но негативные последствия практически для всех государств – членов «Большой ядерной пятерки» даже в случае начала подготовки таких переговоров, более чем очевидны.

Очевидны и международно-правовые последствия попытки подготовки подобных переговоров, как с точки зрения резкого ослабления механизмов ДНЯО и других международных соглашений, так и утверждения «ядерного статуса» неофициальных обладателей ядерного оружия. В данном случае можно говорить о попытке создания новой конфигурации системы международной безопасности, в которой, наряду с постоянными членами Совета безопасности ООН центральную роль будут играть названные «неофициальные» обладатели ядерного оружия. Все это вряд ли устроит других участников международных отношений и практически наверняка вызовет серьезные осложнения в среде всего международного сообщества.

Приведенные выше соображения заставляют прийти к выводу о том, что в плане многосторонних переговоров даже попытка их организации с участием всех ядерных держав обречена на провал. Что касается «официальных» обладателей ядерного оружия, то большого энтузиазма принять участие в многосторонних переговорах не проявляют ни Великобритания, ни Франция, ни, особенно, Китай. У каждой из этих стран есть свои собственные соображения по этому поводу, но существуют и некоторые общие моменты.

Одним из таких моментов является значительное неравенство в количестве ядерных боезарядов трех названных стран по сравнению с ядерными арсеналами России и США, достигающее 20 и более раз для каждой из них. Казалось бы, выход из сложившейся ситуации может быть найден. А именно, в новом соглашении можно предусмотреть дальнейшее снижение ядерных арсеналов России и США, а остальные три государства могут взять на себя обязательства не наращивать свои ядерные силы. О таком решении проблемы неоднократно заявляли российские официальные представители.

Тем не менее, все эти предложения и идеи были отклонены и Великобританией, и Францией[237]. Китай также занял достаточно жесткую позицию, отвергающую его участие в таких переговорах и принятие односторонних обязательств в рассматриваемой сфере.

Таким образом, названные три государства продолжают категорически отказываться не только от вступления в переговоры по ядерным вооружениям, но и в российско-американские консультации по стратегической стабильности, которые начались в 2020 году. Российская сторона при этом периодически высказывает сожаления по данному поводу и продолжает настаивать на учете ядерных потенциалов как минимум Великобритании и Франции «в последующих усилиях»[238].

Еще одним «объединяющим» моментом, препятствующим присоединению «вторых» ядерных держав к переговорам по контролю над ядерными вооружениями, является тот факт, что их конечным итогом должна стать выработка конкретного договора, накладывающего соответствующие обязательства на всех его участников. При этом данные обязательства должны быть проверяемы, а не представлять собой односторонние декларации и намерения, не имеющие конкретных сроков исполнения и не подлежащие контролю со стороны других «подписантов» этого соглашения. Например, если какая-то из сторон принимает на себя обязательства в рамках многостороннего договора не наращивать свой ядерный арсенал в течение срока действия этого соглашения, то она должна будет совершить ряд конкретных действий. В частности, - предоставить полную информацию о своих ядерных силах, включая количество развернутых и неразвернутых ядерных систем оружия, о местах хранения ядерных боезарядов с указанием их количества на каждом из объектов и многое другое в зависимости от

---

[237] Париж и Лондон отклонили предложение Москвы по ядерному вооружению. 19 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] // Lenta.ru [Официальный сайт]. URL: https://lenta.ru/news/2019/11/19/nehotim/ (дата обращения: 20.09.2021).

[238] МИД РФ: Британия и Франция не готовы включиться в переговоры по стратегической стабильности. 28.07.2021. [Электронный ресурс] // Коммерсант [Официальный сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4919693 (дата обращения: 20.09.2021).

положений будущего договора. Кроме того, каждая из сторон должна будет предоставить допуск на все объекты своей ядерной инфраструктуры иностранных инспекторов, в том числе и по соответствующим запросам проинспектировать тот или иной объект, вызывающий подозрения у какого-либо участника договора. При этом необходимо будет согласовать большое количество конкретных деталей, связанных с проверкой выполнения принятых на себя обязательств. Как представляется, все перечисленное выше является наименее приемлемым, прежде всего, для Китая.

Вопрос о необходимости вовлечения Китая со всей остротой встал в преддверии необходимости принять решение о будущем Договора СНВ-3, срок действия которого истекал, как уже говорилось, в начале февраля 2021 года. Инициатором (и единственным участником) кампании по такому вовлечению Китая выступили Соединенные Штаты. Вполне вероятно, что США рассчитывали на то, что они выступят по этому вопросу «единым фронтом» с Россией, которая, как говорилось выше, настаивала на привлечении к переговорам о ядерных вооружениях третьих ядерных держав, включая Китай. Но в ноябре 2019 г. официальная позиция РФ по вопросу о необходимости вовлечения Китая в переговоры резко изменилась.

Так, в своем выступлении на Московской конференции по нераспространению 8 ноября 2019 г. министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил о том, что условие присоединения Китая к переговорам по ядерным вооружениям выглядит «откровенно провокационным». Было дано понять, что Россия не собирается оказывать давление на Китай, хотя и не будет возражать, если китайское руководство примет решение принять участие в обсуждении проблем ядерного разоружения[239].

---

[239] Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова на Московской конференции по нераспространению «Внешнеполитические приоритеты Российской Федерации в сфере контроля над вооружениями и нераспространения в контексте изменений в глобальной архитектуре безопасности». Министерство иностранных дел Российской Федерации. 8 ноября 2019 года. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3891674 (дата обращения: 28.11.2021).

Несмотря на тот факт, что Китай на официальном уровне неоднократно и с предельной ясностью заявлял о том, что у него нет намерений присоединиться к российско-американским переговорам по контролю над ядерными вооружениями[240], США не оставляли попыток любым способом заставить его изменить эту точку зрения. Так, в декабре 2019 года Белый Дом предложил Пекину вступить в «диалог по стратегической безопасности». При этом была выражена надежда, что участие Китая в данном «диалоге» может стать первым шагом к выработке трехстороннего соглашения, которое охватит все ядерные вооружения Соединённых Штатов, России и Китая[241]. Данное предложение вполне ожидаемо было отвергнуто Китаем со ссылкой на тот факт, что арсенал ядерного оружия КНР не сопоставим с аналогичными арсеналами России и США. Поэтому пока не будет достигнута сопоставимость ядерных сил данных стран, Китай не сможет принять участия в таких переговорах. В марте 2020 г. со стороны президента США Д. Трампа последовало очередное «приглашение» Китаю провести трехсторонние переговоры, в том числе с целью «избежать дорогостоящей гонки вооружений[242]. На это также последовала незамедлительная отрицательная реакция МИД КНР.

Вашингтон продолжал оказывать усиливающееся давление на Китай на протяжении всего 2020 г. Были использованы различные инструменты – как угрозы, так и поиски «привлекательных» для Китая вариантов вступления в переговоры по ядерному разоружению[243]. При этом угрозы раздавались не

---

[240] См., например: Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Regular Press Conference on May 6, 2019. [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China [Официальный сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1661163.shtml (дата обращения: 26.10.2021); China will not join so-called China-U.S.-Russia arms control negotiations: spokesperson. [Электронный ресурс] // ECNS [Официальный сайт]. March 6, 2020. URL: http://www.ecns.cn/news/politics/2020-03-06/detail-ifzuhesu4122041.shtml (дата обращения: 26.10.2021).

[241] US invites China for talks on nuclear arms. December 20, 2019. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-invites-china-for-talks-on-nuclear-arms-11576890374 (дата обращения: 26.10.2021).

[242] Trump calls for arms control with Russia and China in Putin call. May 7, 2020. [Электронный ресурс] // Reuters. World News [Официальный сайт]. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-russia/trump-stresses-desire-for-arms-control-with-russia-china-in-putin-call-idUSKBN22J2GT (дата обращения: 26.10.2021).

[243] См., например, Савельев А.Г. Уместно ли на троих? О возможных последствиях вовлечения Китая в переговоры по ядерному разоружению // Россия в глобальной политике. — 2020. — № 4. — С. 202-215.

только в адрес Китая, но и России, выступавшей за продление Договора СНВ-3 без каких-либо дополнительных условий. Именно фактор продления СНВ-3 администрация Д. Трампа попыталась активно использовать как инструмент давления уже на Россию, чтобы заставить ее изменить свою позицию по поводу привлечения Китая к переговорам[244]. Дело дошло до того, что в мае 2020 г. США ультимативно объявили о том, что не будут продлять СНВ-3, пока Китай не присоединится к этому соглашению. А специальный представитель президента США по контролю над вооружениями М. Биллингсли практически потребовал от России «усадить Китай за стол переговоров», прежде чем «даже думать» о продлении этого договора[245]. Но, несмотря на все усилия администрации Д. Трампа по вовлечению Китая в переговоры по ядерным вооружениям, изменить позицию КНР по этой проблеме не удалось. Пришедшая в январе 2021 г. к власти в США администрация Дж. Байдена продлила СНВ-3 на пять последующих лет без всяких дополнительных условий, буквально за несколько дней до истечения срока его действия. Более подробно о проблеме продления Договора СНВ-3 будет сказано ниже.

Таким образом, можно прийти к выводу, что проблема участия третьих ядерных держав в российско-американских переговорах по вопросам ядерных вооружений вряд ли получит решение в обозримом будущем. Во всяком случае, Великобритания, Франция и Китай предельно ясно дали понять, что пока США и Россия не проведут более глубоких сокращений своих ядерных вооружений, участвовать в таких переговорах они не намерены.

Несмотря на то, что все названные «третьи» ядерные державы выдвигают один и тот же аргумент в защиту своей позиции «неучастия» в

---

[244] Deb Riechmann. Trump still hoping for US-Russia-China nuclear arms pact. February 14, 2020. [Электронный ресурс] // Associated Press [Официальный сайт]. URL: https://www.thestar.com/news/world/us/2020/02/14/trump-still-hoping-for-us-russia-china-nuclear-arms-pact.html (дата обращения: 21.07.2021).

[245] The Washington Times. May 7, 2020. Цит. По Савельев А.Г. Уместно ли на троих? О возможных последствиях вовлечения Китая в переговоры по ядерному разоружению // Россия в глобальной политике. — 2020. — № 4. — С. 202-215. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике [Официальный сайт]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/umestno-li-na-troih/ (дата обращения: 26.10.2021).

переговорах, реальные причины такого отказа у каждой из них могут быть разными. В данной связи стоит, на наш взгляд, обратить внимание на тот факт, что на участии Китая в переговорах настаивают США, в то время как Россия настаивает на таком участии Великобритании и Франции – военно-политических союзников Соединенных Штатов по блоку НАТО. Несмотря на то, что никто не настаивает на сокращении ядерных арсеналов этих трех стран, интересы ядерных сверхдержав в многосторонних переговорах различные. США интересует, прежде всего, установление контроля над китайским ядерным арсеналом и получение достоверной информации о его состоянии и перспективах развития. Россию – учет в общем балансе стратегических ядерных сил соответствующих вооружений Великобритании и Франции.

Что касается самих этих стран, то, скорее всего, причины неучастия в переговорах Великобритании и Франции носят, на наш взгляд, в основном политический характер. В отличие от этого в основе позиции Китая находятся причины военно-стратегического характера. Это, прежде всего, проистекает из сущности и содержания военной доктрины КНР, которая отвергает идею применения ядерного оружия первым. Данные вопросы достаточно подробно освещены в работах зарубежных и российских авторов[246], тем не менее, остановимся на некоторых из них.

Прежде всего, отметим, что мы исходим из того, что Китай вполне серьезно относится к принципу неприменения ядерного оружия первым, выдвинутым еще Мао Цзэдуном в 1964 г., и намерен соблюдать его в обозримой перспективе. Соблюдение этого принципа означает, что ядерные силы КНР должны быть нацелены исключительно на ответный удар. Это, в

---

[246] Tong Zhao. Opportunities for Nuclear Arms Control Engagement With China. January/February, 2020. [Электронный ресурс] // Arms Control Today [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2020-01/features/opportunities-nuclear-arms-control-engagement-china (дата обращения:26.10.2021); Aaron Mehta. Arms control decisions by Trump administration could be ‘imminent.’ Will China be involved? February 26, 2020. [Электронный ресурс] // Defense News [Официальный сайт]. URL: https://www.defensenews.com/pentagon/2020/02/26/arms-control-decisions-by-trump-administration-could-be-imminent-will-china-be-involved/ (дата обращения: 26.10.2021).;
A. Savelyev. China and Nuclear Arms Control. Russia in Global Affairs, No. 3 2020 July/September. [Электронный ресурс] // Russia in global affairs [Официальный сайт]. URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/china-nuclear-arms/ (дата обращения: 26.10.2021).

свою очередь, предполагает, что данные силы в значительном их количестве должны обладать способностью «пережить» гипотетический первый удар вероятного противника и сохранить способность к нанесению сокрушительного ответа по агрессору. Под первым номером в списке этих противников, с высокой степенью вероятности, Китай должен подразумевать США. Но суть проблемы не меняется, даже если Россия также включена в такой список. Главное – это обеспечение выживаемости собственных сил, кто бы ни нанес по ним первый удар.

Эта выживаемость обеспечивается переводом части наземного компонента стратегической триады (МБР) на мобильный способ базирования, постоянным дежурством достаточно большого количества атомных подводных ракетоносцев в мировом океане, усилением физической защиты стационарных наземных объектов стратегических ядерных сил и целым рядом других. При примерном равенстве сторон в этих вооружениях данные меры позволяют иметь полную уверенность в том, что даже в самых неблагоприятных условиях каждая из сторон сохраняет способность к нанесению неприемлемого ущерба потенциальному агрессору в ответном ударе. Здесь же отметим одно важное обстоятельство. Если стороны имеют равенство в силах (что предусматривают заключенные международные соглашения), то потенциальный агрессор при своем планировании просто не может исходить из того, что ему придется «истратить» большее количество ядерных боезарядов, чем он предполагает уничтожить первым ударом. Такая ситуация существует уже в течение нескольких десятилетий в российско-американских стратегических отношениях, и обеспечивает сохранение стратегической стабильности на достаточно высоком уровне.

Совершенно другая картина может наблюдаться, если спроецировать сценарий гипотетического первого удара США по ядерным силам КНР. В таком варианте Соединенные Штаты (опять же гипотетически) могут себе «позволить» израсходовать в несколько раз больше боезарядов на каждый уничтоженный боезаряд Китая. При этом задачей может стоять уничтожение

всего ядерного потенциала КНР, а не только какой-то его части. В подобных условиях сдерживающим фактором для США будет являться отсутствие надежной информации о местоположении всех объектов китайских ядерных сил, прежде всего, средств, способных нанести ответный удар по территории Соединенных Штатов и их союзников.

Как представляется, именно этот факт лежит в основе отказа КНР от переговоров и требования сократить ядерные силы США и России до сопоставимого с Китаем уровня. Вступление в переговоры по контролю над ядерными вооружениями само по себе будет предполагать, что Китай выражает готовность предоставить исчерпывающую информацию о своих ядерных вооружениях и местах их дислокации. Кроме того, Китай должен будет отказаться от средств маскировки ядерных сил и допустить иностранных инспекторов на секретные объекты для подтверждения корректности предоставленной информации, о чем уже говорилось выше. Все это будет означать, что китайские ядерные силы станут полностью уязвимыми для гипотетического первого удара США. А это, в свою очередь, означает неспособность следовать политике неприменения ядерного оружия первым, исповедуемой Китаем уже на протяжении почти 60 лет. В подобных условиях цена отказа от одного из базовых положений ядерной политики, в обмен на достаточно сомнительный статус младшего партнера по переговорам, для Китая, по всей очевидности, слишком высока.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в обозримом будущем не стоит ожидать даже начала многосторонних переговоров по контролю над ядерными вооружениями. В условиях подавляющего превосходства РФ и США по количеству ядерных боезарядов и средств их доставки, наиболее обещающим выглядит продолжение двустороннего диалога по этим проблемам. Как представляется, дальнейшие сокращения ядерных арсеналов двух стран является весьма сложной задачей, что потребует серьезных усилий. Вовлечение в переговоры других ядерных государств многократно увеличит объем решаемых задач в рамках

юридически обязывающих документов. Все это, скорее всего, обретет контуры практической реализации не ранее, чем Россия и Соединенные Штаты сократят все свои ядерные арсеналы до уровня нескольких сот единиц.

Выводы

Начиная с 2010 г., когда был подписан российско-американский Договор СНВ-3, в сфере дальнейшего продвижения по пути ядерного разоружения наблюдается явное замедление. Многие специалисты считают этот период полной стагнацией контроля над вооружениями. Единственным «достижением» сторон в этот период было продление в 2021 г. срока действия СНВ-3, которое проходило с большими сложностями и осуществилось благодаря приходу к власти в США новой демократической администрации Дж. Байдена.

Ряд попыток перевести переговорный процесс в многосторонний формат потерпел неудачу, равно как и пытки «расширить» базу переговоров на некоторые сферы за пределами стратегических наступательных вооружений – нестратегические ядерные вооружения, ПРО, высокоточное и космическое оружие и другие. Многие российские эксперты настаивают на том, что названные факторы оказывают непосредственное и возрастающее влияние на стратегическую стабильность. Но, как выясняется, учет этих факторов в будущей договоренности с США по контролю над вооружениями является весьма сложной задачей с чисто практической точки зрения.

Что касается многосторонних переговоров, то одного желания России и США для их проведения явно недостаточно. Тем более, что для США главной задачей в этом плане является вовлечение в переговоры Китая, а для России – союзников Соединенных Штатов по НАТО Великобритании и Франции. Но данные государства продолжают упорно отказываются от участия в любой форме официальных контактов, связанных с их возможным присоединением к российско-американским переговорам по ядерным вооружениям. Они настаивают на том, чтобы двухсторонний диалог был продолжен, по крайней

мере, до тех пор, пока арсеналы России и США сравняются с аналогичными арсеналами названных стран.

Глава III. Перспективы достижения следующего договора по ограничению стратегических вооружений

3.1. Нулевой вариант – проблема полной ликвидации ядерных вооружений[247]

Проблема полной ликвидации всех ядерных вооружений и перехода к «безъядерному миру» периодически возникает на повестке дня мировой политики. Иногда она носит чисто декларативный характер, но в некоторых случаях принимают форму конкретной программы, нацеленной на всеобщее ядерное разоружение в определенный период времени. Ни одна из таких программ не была принята международным сообществом, прежде всего, ядерными государствами, но сама идея установления мира без ядерного оружия, несомненно, оказала и продолжает оказывать серьезное влияние на весь процесс контроля над ядерными вооружениями.

В последний раз данная проблема проявила себя в международном масштабе 7 июля 2017 г., когда 122 государства – члена ООН проголосовали за принятие Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО). Этот Договор возлагает на участников обязательство никогда и ни при каких обстоятельствах не разрабатывать, не испытывать, не производить, не изготавливать, не приобретать иным образом, не иметь во владении и не накапливать ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства. Документ, в разработке и принятии которого не принимало участие ни одно из государств – членов «ядерного клуба» или их ближайших союзников (кроме

[247] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Нарышкина (Александрия) О.М. Тернистый путь к Глобальному нулю // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2017. — № 3. — С. 67–88. (1 п.л.).

союзника России по ОДКБ Казахстана, выступившего в его поддержку), был открыт к подписанию в сентябре 2017 г. и должен вступить в силу после его ратификации 50 странами.

6 октября 2017 г. был объявлен лауреат Нобелевской премии мира за 2017 год. Им стало движение «Международная кампания по запрещению ядерного оружия» (International Campaign to Abolish Nuclear Weapons – ICAN), учрежденное в 2007 г. в Вене на конференции стран и организаций, подписавших Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968). Престижная награда была получена им «за работу по привлечению внимания к катастрофическим гуманитарным последствиям любого применения ядерного оружия и за прорывные усилия для достижения закрепления запрета подобного оружия в международных соглашениях»[248].

Однако оба эти события, хотя и получили огласку, потонули в потоке информационных сообщений об очередном ядерном испытании, осуществленном Северной Кореей, и во взаимных обвинениях США и РФ в нарушении Договора РСМД. На фоне сохранения неопределенности вокруг продления Договора СНВ-3[249] и масштабной модернизации стратегических ядерных сил, намеченной Д. Трампом, они отошли на второй план. Попытка осуществить идею о мире без ядерного оружия в очередной раз столкнулась с суровой реальностью мировой политики, в которой обладание им по-прежнему считается большинством государств краеугольным камнем в обеспечении национальной безопасности и стратегической стабильности.

Говоря об эволюции идей всеобщего и полного ядерного разоружения, нашедших отражение в ДЗЯО, важно понимать, что с момента создания первой атомной бомбы разработка данной проблематики проходила, прежде

---

[248] Горбачев назвал правильным присуждение Нобелевской премии кампании ICAN. 06.10.2017. [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/science/20171006/1506336785.html (дата обращения: 12.10.2021).

[249] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 12.10.2021).

всего, в контексте взаимоотношений двух стран – США и Советского Союза (а позднее – России), а не в многостороннем формате.

Идеи ликвидации и запрета ядерного оружия возникли практически с момента его создания и первого боевого применения в 1940-х годах. На первых порах инициативу по исключению ядерного оружия из списка средств вооружённой борьбы взял на себя Советский Союз. В начале 1946 г. была создана Комиссия ООН по атомной энергии, в компетенцию которой входила подготовка предложений «относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, пригодных для массового уничтожения».[250] 19 марта 1946 г. советское правительство уже на втором заседании Комиссии внесло проект Конвенции о запрещении ядерного оружия, который включал положения о «запрещении производства и применения ядерного оружия» и «уничтожении в трёхмесячный срок всех запасов готовой и незаконченной продукции атомного оружия».

Тем не менее после проведения в СССР первого успешного испытания «изделия 501» – первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 г., Комиссия ООН по атомной энергии вынужденно прекратила свою работу. Взамен в 1952 г. была образована совещательная Комиссия ООН по разоружению, в рамках работы которой Советский Союз предложил проект международной Конвенции о запрещении атомного, водородного и другого оружия массового уничтожения, а Великобритания и Франция совместно внесли меморандум, предусматривавший «полное запрещение ядерного оружия и изъятие его из вооружений». Позже, в 1955 г., СССР выступил с уточнённой программой разоружения, предполагавшей заключение Международной конвенции о сокращении вооружений и запрещении ядерного оружия. Кульминацией же советских инициатив стало выступление Н.С. Хрущёва 18 сентября 1959 г. на

[250] Учреждение Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/ga/first/ (дата обращения: 20.08.2022).

XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложениями о всеобщем и полном разоружении всех государств и проведении за четыре года трех последовательных этапов разоружения:

– существенного сокращения обычных ВС и вооружений под международным контролем;

– ликвидации оставшихся контингентов ВС и военных баз на чужих территориях;

– уничтожения всех видов ядерного и ракетного вооружения, завершающих мероприятий по всеобщему и полному разоружению[251].

Однако на фоне постоянных напоминаний Н.С. Хрущёвым о возросшей экономической и военной мощи СССР эти предложения были проигнорированы.

Следует подчеркнуть, что создание оружия массового уничтожения нового типа (водородного) не были оставлены без внимания и научным сообществом, выступившим в 1955 г. с антивоенным воззванием – Манифестом Рассела–Эйнштейна (назван по именам двоих из 11 подписавших его всемирно известных ученых). В Манифесте были изложены возможные трагические последствия ядерной войны и высказан призыв к поиску мирных средств разрешения конфликтных ситуаций[252]. Важно отметить также, что этот документ положил начало так называемому Пагуошскому движению ученых, выступающих за мир, разоружение, международную безопасность, предотвращение мировой ядерной войны и научное сотрудничество в достижении данных целей. В Пагуошское движение в настоящее время входят действующие и ушедшие со своих постов президенты, министры, сенаторы, религиозные лидеры, известные общественные деятели и авторитетные эксперты.

---

[251] Брезкун С. Разоружаться можно только в честном мире. 2009. [Электронный ресурс] // Национальная оборона [Официальный сайт]. URL: http://old.nationaldefense.ru/284/112/index.shtml?id=1934 (дата обращения: 20.10.2021).

[252] Манифест Рассела–Эйнштейна. 1955 г. [Электронный ресурс] // Российский Пагуошский комитет. [Официальный сайт]. URL: http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html (дата обращения: 20.03.2021).

Юридические основания под программы и проекты создания безъядерного мира были заложены VI статьей ДНЯО, которая гласит: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»[253]. Говоря в целом, в основе этого Договора лежат три фундаментальных принципа: нераспространение, разоружение и мирное использование ядерных технологий и материалов. В 1995 г. на Конференции по рассмотрению действия ДНЯО было принято решение о бессрочном продлении Договора, что стало значимым шагом на пути к ядерному разоружению.

Взаимодействие США и Советского Союза по вопросу ядерного разоружения в годы «холодной войны» пережило взлеты и падения, к ее завершению обозначились два принципиально различных тренда. Воплощением первого стала американская программа «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), задачей которой было объявлено «уменьшить опору США на угрозу ответного удара с использованием наступательных вооружений и увеличить вклад оборонных систем в обеспечение безопасности США и их союзников»[254]. Анонсированная президентом Рональдом Рейганом 23 марта 1983 г., она должна была сделать ядерные баллистические ракеты «бессильными и устаревшими». Следует отметить, что СОИ была в конечном счете признана технически невыполнимой и закрыта, однако многие из разработок ее компонентной базы впоследствии легли в основу проектов систем противоракетной обороны.

---

[253] Договор о нераспространении ядерного оружия. 1968 г. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 19.03.2021).

[254] NSDD-85 & Eliminating the Threat from the Ballistic Missiles. March 25, 1983 [Электронный ресурс] // United States. White House Office. [Официальный сайт]. URL: https://www.hsdl.org/?abstract&did=463005 (дата обращения: 22.09.2021).

Почти в то же время, 15 января 1986 г., М.С. Горбачевым была предложена программа, предусматривавшая достижение «Глобального ноля»[255] к 2000 г. На первом этапе Советский Союз предложил прекратить ядерные испытания, ликвидировать средства доставки, начав с РСМД, и сократить стратегические ядерные арсеналы обеих сверхдержав на 50%. Второй этап предполагал ликвидацию тактического ядерного оружия и подключение к общему процессу других ядерных держав (Франции, Великобритании и КНР). Целью третьего этапа было достижение фактического «глобального ноля»[256].

Несмотря на существенный прогресс, достигнутый в личных переговорах М.С. Горбачева и Р. Рейгана, предложения советского лидера вызвали настороженную реакцию истеблишмента в США. Военные ведомства обоих государств, для которых ядерное оружие было основой военной мощи и престижа, также не поддерживали подобные намерения. В итоге это взаимное недоверие не позволило сторонам совершить какие-либо совместные шаги в данном направлении. Как следствие, 12 октября 1986 г. на саммите в Рейкьявике президент США Рональд Рейган не поддержал советскую инициативу полного разоружения, однако оба лидера согласились с необходимостью идти по пути ограничения гонки вооружений и сокращения ядерного оружия[257]. Первый шаг был сделан уже в следующем году с подписанием Договора РСМД, о чем уже говорилось выше.

30 лет спустя, в условиях нового кризиса в обеспечении стратегической стабильности, М.С. Горбачев в рамках Люксембургского форума сказал: «Я с огромной тревогой вынужден заявить о новой милитаризации международных отношений. Это отход от принципов, которые позволили нам ранее покончить

---

[255] «Глобальный ноль» (Global Zero) – на сегодняшний день – понятие, концепция нераспространения ядерного оружия и одноименная общественная организация, цель которой – ликвидация всех существующих ядерных арсеналов к 2030 г.

[256] Фененко А.В. Парадоксы «глобального нуля». 08.11.2012 г. [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoksy-globalnogo-nulya/?ysclid=ld36d3rfax858216338 (дата обращения: 19.05.2021).

[257] The Reykjavik file [Электронный ресурс] // The National Security Archive [Официальный сайт]. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm (дата обращения: 29.09.2021).

с “холодной войной». В этих условиях говорить о движении к безъядерному миру крайне сложно»[258].

Тем не менее, вряд ли можно утверждать, что исторический момент на пути движения к всеобщему и полному разоружению был упущен. На наш взгляд, скорее можно расценивать те события сквозь призму политической риторики, которая отошла на второй план после радикального изменения обстановки на международной арене. Причинами послужили распад Советского Союза, который придал совершенно новое звучание проблеме сокращения ядерных вооружений, а также отказ американских лидеров от идеи СОИ ввиду ее утопичности.

В целом именно в стратегическом позиционном противоборстве двух сверхдержав в годы «холодной войны» закладывался фундамент современных моделей ядерного разоружения, который, по мнению некоторых исследователей, к настоящему моменту основывается на следующих базовых принципах:

– осознание того, что национальная безопасность не должна зависеть от ядерного оружия;

– понимание необходимости перехода от системы ограничения вооружений к ядерному разоружению;

– взгляд на систему ПРО как на ключ к ликвидации ядерного оружия;

– фактический отказ от доктрины затяжной ядерной войны, существовавшей в 1970-х годах.

В 1990-е годы идея «глобального ноля» получила новое звучание. Так, в 1996 г. бывший командующий стратегическими ядерными силами США генерал Ли Батлер заявил, что он впервые видит «перспективу восстановления мира, свободного от апокалиптической угрозы ядерного оружия .... Мир,

---

[258] Горбачев: коллапс доверия препятствует движению к безъядерному миру. 07.06.2016. [Электронный ресурс] // International Luxembourg Forum on Preventing Nuclear Catastrophe [Официальный сайт]. URL: https://luxembourgforum.org/press/smi/gorbachev-kollaps-doveriia-prepiatstvuet-dvizhenii/?ysclid=ld36ewge47547975473 (дата обращения: 10.09.2021).

свободный от ядерной угрозы, – это мир без ядерного оружия»[259]. В 1998 г. было обнародовано совместное обращение 63 бывших военных из Индии, Пакистана и Бангладеш, в котором говорилось: «Мы убеждены, что ядерное оружие должно быть изгнано из региона Южной Азии и, более того, со всего земного шара».

В 2000-х годах идея «глобального ноля» в политической риторике лишь усилилась. Знаковым событием для современного движения за безъядерный мир стала публикация 4 января 2007 г. в американской газете «The Wall Street Journal» статьи «Мир без ядерного оружия»[260]. Ее авторы – бывшие госсекретари США Генри Киссинджер и Джордж Шульц, бывший министр обороны США Уильям Перри и экс-председатель сенатского Комитета по делам вооруженных сил Сэм Нанн.

В статье, посвящённой 20-летней годовщине советско-американского саммита на высшем уровне в Рейкьявике, авторы выражали сожаление о потерянной тогда возможности полного ядерного разоружения. По их мнению, с окончанием «холодной войны» ушла в прошлое доктрина взаимного гарантированного уничтожения, характерная для советско-американского противостояния, а значит, и ядерное оружие утратило свою актуальность для поддержания международной стабильности путем сдерживания противника.

Эти видные представители американской политической элиты утверждали, что мировой порядок находится в опасной поворотной точке и меры, принимаемые международным сообществом для противодействия новым ракетно-ядерным угрозам, явно недостаточны. Излагая свое видение мира без ядерного оружия, «группа четырех» предложила и ряд практических

---

[259] General Lee Butler, USAF (Retired). National Press club remarks. 04.12.1996 [Электронный ресурс] // The Nuclear Weapon Archive [Официальный сайт]. URL: http://nuclearweaponarchive.org/News/Butlpress.txt (дата обращения: 22.06.2021).

[260] Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. A world free of nuclear weapons. 04.01.2007. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: http://www.wsj.com/articles/SB116787515251566636 (дата обращения: 09.03.2021).

шагов к его достижению, призвав великие державы начать процесс полной ликвидации ядерных вооружений. В частности, речь шла о следующих мерах:

– продолжении сокращения размеров ядерных сил в официально признанных ядерных государствах;

– изменении параметров боевого дежурства ядерных сил, принятых во времена «холодной войны», в целях уменьшения опасности ошибочного или несанкционированного запуска;

– уничтожении тактического ядерного оружия;

– ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний всеми странами, подписавшими его в 1996 г.;

– повышении уровня безопасности систем хранения запасов оружия и расщепляющихся материалов (прежде всего оружейного плутония и высокообогащенного урана);

– установлении международного контроля над закрытым ядерно-топливным циклом;

– прекращении производства оружейных расщепляющихся материалов, исключении использования высокообогащенного урана в гражданском обороте, а также об изъятии оружейного урана из всех без исключения исследовательских реакторов и его безопасном хранении;

– принятии дополнительных мер к разрешению региональных конфликтов и противоречий, создающих предпосылки для возникновения новых ядерных держав[261].

Идеи, высказанные в статье, были встречены достаточно позитивно ближайшем союзником США по НАТО – Великобританией, где активное обсуждение тематики ядерного разоружения шло к тому моменту уже в течение нескольких месяцев. Еще летом 2006 г. Комитет по обороне Палаты общин Великобритании опубликовал доклад «Будущее британской стратегии ядерного сдерживания». «Великобритания должна будет рассмотреть вопрос,

[261] Там же.

остается ли ядерное сдерживание необходимым в текущей стратегической обстановке»[262], – отмечалось в докладе. В пользу отказа от ядерного оружия Комитет выдвигал целый ряд аргументов: наличие ядерных гарантий со стороны США, отсутствие британских ядерных гарантий союзникам, неиспользование ядерных боезарядов в войнах и опасность нападений террористов на ядерные объекты.

В июне 2007 г. министр иностранных дел Соединенного Королевства Маргарет Беккет поддержала идею «глобального ноля» и заявила, что Великобритания может стать «лабораторией по разоружению»[263]. В поддержку этой идеи в июне 2008 г. выступила «четверка» британских экспертов: М. Рифкинд, лорд Д. Оуэн, лорд Д. Хард и лорд Дж. Робертсон (четверо бывших британских министров, представляющих партии консерваторов и лейбористов), опубликовавших в «The Times» статью с призывами встать на путь отказа от ядерного оружия[264].

В декабре 2008 г. в Париже состоялась учредительная конференция международной инициативы «Глобальный ноль» (Global Zero) во главе с бывшим вице-председателем Объединенного комитета начальников штабов США Дж. Картрайтом и видным американским дипломатом Т. Пикерингом. Инициативу поддержали более сотни крупнейших политических, военных и гражданских деятелей. Основной ее целью являлось поэтапное исключение из арсеналов и впоследствии уничтожение ядерного оружия, которым располагают официальные и неофициальные члены «ядерного клуба».

Авторами данной инициативы был предложен четырехступенчатый План действий (Action Plan), конечная задача которого – полное уничтожение ядерного оружия к 2030 г. Первая фаза этого плана предусматривала

---

[262] The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. Presented to Parliament by Secretary of State for Defence and the Secretary of State for Foreign and Common- wealth Affairs by Command for Her Majesty. — December 2006. — Crown Copyright. 2006. — P. 25.

[263] Remarks by Margaret Beckett, Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. 25.06.2007. [Электронный ресурс] // United Kingdom Carnegie International Nonproliferation Conference [Официальный сайт]. URL: http://carnegieendowment.org/2007/06/25/keynote-address-world-free-of-nuclear-weapons-event-1004 (дата обращения: 25.09.2021).

[264] Hurd D., Rifking M., Owen D., Robertson G. Start worrying and learn to ditch the bomb // The Times. 30.06.2008.

продолжение переговоров России и США по сокращению наступательных вооружений и заключение двустороннего договора о сокращении к 2018 г. ядерных арсеналов каждой из сторон до 1 тыс. ядерных боеголовок. На второй стадии Москва и Вашингтон должны снизить свои запасы до 500 единиц к 2021 г., в то время как все остальные ядерные державы (как признанные, так и нет) – заморозить на уровне 2018 г. и впоследствии начать соразмерное сокращение своих ядерных арсеналов. На третьей стадии предполагается проведение переговоров с последующим подписанием международного соглашения о «Глобальном ноле», подразумевающего поэтапное, пропорциональное и верифицируемое сокращение ядерных запасов до нулевого уровня к 2030 г. И, наконец, на заключительном этапе, после уничтожения всего ядерного оружия, в работу должна вступить система верификации и контроля для недопущения возникновения новой ядерной угрозы.

Первоначально идея полного отказа от ядерного оружия была встречена весьма позитивно и в Российской Федерации. На фоне положительной динамики во взаимоотношениях России и США заявление о перспективах исключения исходящей от ядерного оружия угрозы миру оказалось в центре внимания мировой общественности – от лидеров ведущих мировых держав до представителей негосударственных организаций. В марте 2008 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров первым из российских высокопоставленных официальных лиц публично одобрил призыв к безъядерному миру, озвученный ветеранами американской внешней и оборонной политики, которых уже успели окрестить «четырьмя всадниками апокалипсиса».

Позже, осенью 2008 г., президент России В.В. Путин заявил о своей убежденности в том, что мир может полностью отказаться от ядерного оружия, а в мае 2009 г. он подтвердил свое согласие с «нулевым вариантом»: «Я думаю, нам следует работать над всеобщим и полным ядерным разоружением. Нам всем следует поставить такую цель». Президент акцентировал необходимость всеобщей вовлеченности в данную работу и

опасность спекуляций в силу популярности подобной идеи в мире: «Однако никто не должен злоупотреблять ею, используя эти термины и эту область международной философской мысли в корыстных целях. Если подобный план когда-либо будет осуществлен, то это будет сделано всеми странами. Одна или две страны не могут позволить себе одностороннее разоружение, в то время как другие продолжат наращивать свои ядерные арсеналы»[265]. В речи В.В. Путина присутствовало достаточно много оговорок, призывавших учитывать и наличие других ядерных держав – Индии, Пакистана, Израиля (с его весьма специфической политикой в ядерной сфере), КНР, Великобритании и Франции.

Об обоснованности этих оговорок говорит и позиция, занятая в рассматриваемый период Францией. Так, министр обороны Жан-Ив Ле Дриан в своем интервью радиостанции «France Info» в июне 2013 г. сказал: «Мы забываем о равновесии между двумя державами, у которых значительный ядерный арсенал, тысячи боеголовок. Барак Обама предлагает России сократить арсенал – очень хорошо. Но что касается нас, то у нас немногим меньше 300 ядерных боеголовок, которые обеспечивают нашу собственную безопасность, и мы уже много сделали для сокращения нашего ядерного арсенала»[266].

Годом ранее другой видный французский политический деятель Поль Килес высказался о транспарентности как о «ключевом принципе любых договоров». По его мнению, в международной работе по сокращению вооружений до сих пор не хватает должного уровня контроля на объектах, а официальные документы содержат недостаточно конкретики по методам осуществления взаимного контроля и наблюдения, что лишь усложняет

---

[265] Цит. по: Сараджян С. Россия и «глобальный ноль» // Россия в глобальной политике. — 2010. – Т. 8. — №3. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике [Официальный сайт]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-globalnyj-nol/?ysclid=lb2iro67xo655299417 (дата обращения: 29.11.2022).

[266] Франция не собирается выполнять предложения Обамы о сокращении ядерного оружия. 21.06.2013. [Электронный ресурс] // Российское атомное сообщество [Официальный сайт]. URL: http://www.atomic-energy.ru/news/2013/06/21/42374 (дата обращения: 11.06.2021).

данную работу. «Я уверен, что все страны должны быть привлечены к участию в этой дискуссии вплоть до полного исчезновения данного вида оружия»,[267] – добавил он. Важно упомянуть, что в настоящее время французская ядерная диада проходит модернизацию, которая заключается не только в проектных работах по созданию новейших атомных подводных лодок (их производство намечено на конец 2020-х – начало 2030-х годов), но и в постановке на боевое дежурство баллистических ракет на подводных лодках «M51».[268]

В 2009 г. администрация президента США попыталась вывести дискуссии о проблемах ядерного разоружения на международный уровень. Б. Обама в Пражской речи 5 апреля 2009 г., принесшей ему Нобелевскую премию мира, следующим образом высказался о перспективах ядерной гонки: «Соединенные Штаты намерены предпринять конкретные шаги на пути к миру без ядерного оружия <...> и призывают другие страны сделать то же самое».[269]

Практическим выражением идей и настроений, характерных для движения за безъядерный мир, стали итоги состоявшегося в начале июля 2009 г. визита Б. Обамы в Москву. Данный визит дал новый импульс процессу дальнейшего сокращения и ограничения стратегических наступательных вооружений России и США. По итогам переговоров был подписан документ под названием «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений»,[270] обозначивший общие параметры новой «юридически обязывающей

---

[267] Райнхардт Р. Ядерное разоружение: какова роль Франции? 14.12.2012. [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/yadernoe-razoruzhenie-kakova-rol-frantsii/?sphrase_id=487637 (дата обращения: 15.06.2021).

[268] Бойцов М. Ядерные силы Франции не предназначены для атаки. 22.07.2016. [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2016-07-22/1_france.html (дата обращения: 15.06.2021).

[269] Remarks by President Barack Obama. Prague, 05.04.2009. [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered (дата обращения: 23.01.2021).

[270] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 22.06.2021).

договоренности», которая должна была прийти на смену истекавшему в декабре 2009 г. Договору о СНВ (СНВ-1). Новое соглашение закрепляло предельные уровни стратегических наступательных вооружений сторон: для стратегических носителей – 500–1100 единиц и для связанных с ними боезарядов – 1500–1675 единиц. Предполагалось, что данный документ будет действовать в течение последующих 10 лет.

Однако вскоре стали заметны определенные изменения в риторике авторитетных представителей ведущих мировых держав. Отдавая должное концепции мира, свободного от ядерного оружия, политики и эксперты все чаще стали подчеркивать, что ядерный потенциал имеет огромное значение для обороны, безопасности, а также для внешней и даже внутренней политики.

15 октября 2010 г. статью о ядерном разоружении и общей безопасности опубликовали авторитетные российские деятели Е.М. Примаков, Е.П. Велихов, И.И. Иванов и М.А. Моисеев. Авторы выдвинули ряд тезисов, касающихся в первую очередь устаревания идеологии взаимного ядерного сдерживания и, как следствие, необходимости реорганизации всей международной системы, построения мира, свободного от ядерного оружия[271]. Важно отметить, что российская четверка авторов опубликовала свою статью уже после выхода второй статьи Г. Киссинджера, С. Нанна, Дж. Шульца и У. Перри, в которой те говорили уже не столько об уничтожении ядерных вооружений, сколько об их значительном сокращении[272], а в последующих публикациях вообще стали подчеркивать необходимость укрепления и повышения эффективности существующего ядерного потенциала США как гарантии стабильности во всем мире[273].

---

[271] Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. От ядерного сдерживания к общей безопасности. 15.10.2010. [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. URL: http://izvestia.ru/news/367072 (дата обращения: 25.05.2021).

[272] Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. Toward a nuclear-free world. 15.01.2008. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.henryakissinger.com/articles/toward-a-nuclear-free-world/ (дата обращения: 16.03.2022).

[273] См.: Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. How to protect our nuclear deterrent. 19.01.2010. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.henryakissinger.com/articles/how-to-protect-our-nuclear-deterrent/ (дата обращения: 16.03.2022); Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. Deterrence in the age of nuclear proliferation. 07.03.2011. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL:

Провозглашенная администраций Б. Обамы стратегия «минимального сдерживания» (minimal deterrence)[274] получила закрепление в программном документе «Обзор ядерной политики США» (Nuclear Posture Review Report, NPR),[275] опубликованный в апреле 2010 г. В нем был зафиксирован ряд приоритетных направлений развития американской ядерной стратегии:

– переход к сдерживанию на основе более низких потолков;

– развитие противоракетных технологий;

– развитие высокоточного оружия в неядерном оснащении;

– сохранение принципа «возвратного потенциала», который предполагает сокращение сил ядерного сдерживания посредством складирования, а не ликвидации ядерных боезарядов;

– сокращение тактического ядерного оружия при одновременном сохранении американского ядерного присутствия на территории союзников.[276]

Безусловно, этот подход требовал сокращения «избыточных» ядерных арсеналов. При этом снова в полной мере проявился такой фактор, препятствующий ядерному разоружению, как позиция третьих стран, в данном случае – союзников США в Азиатско-Тихоокеанском регионе – Японии и Республики Корея. Перспективы сокращения американских ядерных вооружений вызвали у них большую обеспокоенность в связи с неопределенностью сохранения в данном случае гарантий безопасности, предоставляемых США своим союзникам и партнерам в Азии. Речь шла о

---

https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703300904576178760530169414 (дата обращения: 16.03.2022); Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. Next steps in reducing nuclear risks: The pace of nonproliferation work today doesn't match the urgency of the threat. 06.03.2013. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.henryakissinger.com/articles/next-steps-in-reducing-nuclear-risks/ (дата обращения: 16.03.2021).

[274] From counterforce to minimal deterrence – a new nuclear policy on the path toward eliminating nuclear weapons [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists [Официальный сайт]. URL: https://fas.org/pubs/_pages/occ_pap7.html (дата обращения: 08.09.2021).

[275] Nuclear Posture Review Report. April 2010 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт]. // URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/NPR (дата обращения: 06.06.2021).

[276] Подробнее см.: Gard R., Terryn G. American nuclear strategy: The case for a minimal-deterrence policy. 01.12.2014. [Электронный ресурс] // The National Interest [Официальный сайт]. URL: http://nationalinterest.org/feature/american-nuclear-strategy-the-case-minimal-deterrence-policy-11755 (дата обращения: 06.06.2021); Фененко А.В. Изменение роли ядерного фактора в современных международных отношениях: военно-политические и институциональные аспекты: дисс. … доктор полит. наук: 23.00.04 – М., 2017. [Электронный ресурс] // МГИМО МИД России [Официальный сайт]. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Fenenko_diss.pdf (дата обращения 06.06.2021).

концепции, известной как «расширенное ядерное сдерживание» (extended nuclear deterrence) или «ядерный зонтик», под которым понимается обязательство Вашингтона защищать своих союзников в данном регионе от нападения извне, в том числе с помощью своего ядерного оружия.

В качестве правовой основы возможного применения ядерного оружия США для защиты Японии выступает Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности 1960 года[277]. Таким образом, уже более полувека Япония полагается на Соединенные Штаты в вопросах безопасности. Токио неоднократно предлагал Вашингтону создать совместную систему ПРО на фоне нарастающей напряженности на Корейском полуострове. В 2007 г. японцы провели первый успешный запуск ракеты «SM-3» с эсминца типа «Конго», оснащенного боевой информационно-управляющей системой «Иджис»[278]. В этих условиях японские политики выражали обеспокоенность движением администрации Б. Обамы в сторону ядерного разоружения. Они подчеркивали, что США и Япония могут влиять на эволюцию вызовов и угроз в регионе, но не способны контролировать их: угрозы безопасности возрастают, и дальнейшее уменьшение ядерного арсенала США может иметь негативный эффект.

Что касается Республики Корея, то ее отношения с Вашингтоном в сфере безопасности строятся на базе Договора о взаимной обороне 1953 года[279]. Этот договор содержит обязательство США оказать помощь Южной Корее в защите от внешней агрессии. Важно отметить, что оба государства плотно координируют совместные шаги по противодействию ядерной угрозе на полуострове и созданию новой зоны, свободной от ядерного оружия.

---

[277] The Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan. 1952 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. URL: https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html (дата обращения: 09.06.2022).

[278] Successful completion of the Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) intercept flight test in Hawaii. Defense Minister's Remarks [Электронный ресурс] // Japan Ministry of Defense [Официальный сайт]. URL: http://www.mod.go.jp/e/about/remarks/2007/press20071217.html (дата обращения: 09.06.2021).

[279] Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea. October 1, 1953. [Электронный ресурс] // The Avalon Project [Официальный сайт]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения: 09.10.2021).

Реакция Республики Корея на обозначенный администрацией Б. Обамы курс на разоружение также была весьма неоднозначной. С одной стороны, идея «мира, свободного от ядерного оружия» нашла отражение и в программной статье четырех видных южнокорейских политических деятелей.[280] С другой стороны, публикация «Обзора ядерной политики США» 2010 г. вызвала бурную реакцию в обществе: сочетание растущих опасений из-за угрозы со стороны КНДР и новых стратегических решений, предлагаемых Соединенными Штатами, заставило многих граждан Южной Кореи почувствовать обеспокоенность относительно надежности гарантий безопасности со стороны США.

Тем не менее, как и в случае с Японией, опасения руководства Республики Корея в связи со снижением фактического численного уровня ядерного арсенала США носят скорее психологический характер. У Соединенных Штатов и Южной Кореи гораздо более широкие возможности для предотвращения непредвиденных угроз со стороны КНДР, а следовательно, большая воля и способность формировать общую и взаимную социально-политическую уверенность в гарантиях безопасности независимо от объема запасов ядерных вооружений. В рамках «Обзора ядерной политики» 2010 г. была четко обозначена готовность к нанесению ядерного удара в ответ на неядерные угрозы в адрес союзников США (подразумевались Япония и Южная Корея) со стороны КНДР. Вывод достаточно очевиден: несмотря на общие тенденции и приверженность идеям разоружения, Вашингтон продолжает придерживаться концепции применения ядерного оружия в случае угрозы безопасности своих ключевых неядерных союзников, что вынуждает США сохранять необходимые для этого ядерные силы.

Заявления Б. Обамы о стремлении к «глобальному нулю», обеспечившие ему Нобелевскую премию мира, на деле были мало реализованы. В период его

---

[280] The statement by former Prime Ministers Hong-koo Lee and Sung-joo Han, former Speaker of National Assembly Kwan-young Park, and former Korean War ROK Army Chief of Staff Sun-yup Paik. 22.06.2010. [Электронный ресурс] // Daily NK [Официальный сайт]. URL: http://www.dailynk.com/korean/read.php?cataId=nk00900&num=84683 (дата обращения: 09.10.2021).

президентства, был сделан лишь ряд незначительных практических шагов. В частности, в ядерную доктрину был внесен пункт о неприменении ядерного оружия против городов, что, однако, относится только к конфликтам с использованием обычных видов вооружений. Б. Обама также утвердил положение о неприменении ядерных средств против государств, которые присоединились к ДНЯО и полностью выполняют все принятые на себя обязательства. При этом американский президент не оговорил, какой международный орган будет иметь право выявлять факт соблюдения данного договора таким государством.

Кроме того, Вашингтон так и не отказался ни от идеи применения ядерного оружия первым, ни от концепции «запуска по предупреждению» (использования США ракетно-ядерного оружия в случае первых подтвержденных признаков его применения другими государствами, но еще до непосредственного поражения американской территории). При этом некоторые исследователи считают, что в «послужном списке» администрации Б. Обамы имеется целый реестр негативных решений в ракетно-ядерной сфере. В эх числе называется ряд нерешенных проблем в области контроля над ядерными и неядерными вооружениями, возросшее американское военное присутствие в Европе и Азии, начало развертывания глобальной эшелонированной системы ПРО, а также программы модернизации и переоснащения ракетно-ядерных вооружений стратегического и тактического назначения. Отдельно отмечается решение администрации Б. Обамы о размещении системы THAAD в Республике Корея – как «ответ на продолжение КНДР работы над ракетно-ядерной программой вопреки резолюции Совета Безопасности ООН»[281]. Сам процесс размещения системы начался уже в марте 2017 г. при Дональде Трампе.

---

[281] ROK-U.S. Alliance agrees to deploy THAAD. 07.07.2016. [Электронный ресурс] // United States Forces Korea [Официальный сайт]. URL: http://www.usfk.mil/Media/Press-Releases/Article/831166/rok-us- alliance-agrees-to-deploy-thaad/ (дата обращения: 09.08.2021).

Д. Трамп изначально демонстрировал готовность сохранить разоруженческую риторику. В интервью британской газете «The Times» накануне своей инаугурации он заявил о том, что «арсеналы ядерного оружия должны быть очень значительно сокращены»,[282] обозначив, однако, такой шаг как условие для снятия части санкций с России. В ответ на это пресс-секретарь президента РФ Д. Песков напомнил, что ядерное оружие служит элементом глобальной стабильности и «симметричные сокращения могут привести к нарушению того, что является основополагающим моментом, – это ядерный паритет, ядерное сдерживание», а увязывание переговорного процесса с санкциями против Российской Федерации, к тому же всегда выступавшей за пропорциональное ядерное разоружение, и вовсе неприемлемо.[283]

Тем самым Д. Песков развил мысль В. Путина, высказанную им на пленарном заседании дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2016 г., где президент отметил, что ядерное оружие является фактором сдерживания и обеспечения мира и безопасности во всем мире, поэтому «нельзя его рассматривать как фактор какой бы то ни было потенциальной агрессии».[284] В. Путин неоднократно обращал внимание на то, что Россия является «великой ядерной державой», и США вряд ли осознают ее мощь в этой сфере.[285] Однако через год, выступая на «Валдае», российский лидер озвучил более сдержанную позицию: «На вопрос, возможно ли ядерное разоружение или нет, я скажу: да, это возможно. Хочет ли Россия всеобщего ядерного разоружения, ответ тоже утвердительный: да, хочет и будет к этому

---

[282] Трамп увязал снятие санкций с России с ядерным разоружением. 16.01.2017. [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. URL: http://www.rbc.ru/politics/16/01/2017/587bf3399a7947691e4791f5 (дата обращения: 17.01.2021).

[283] В Кремле прокомментировали идею Трампа о ядерном разоружении. 21.01.2017. [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. URL: http://www.interfax.ru/russia/546376 (дата обращения: 22.01.2021).

[284] Путин отказался «бряцать ядерным оружием». 27.10.2016. [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. URL: http://www.interfax.ru/russia/534505 (дата обращения: 29.06.2021).

[285] См., например: «Путин». Документальный фильм Оливера Стоуна [Электронный ресурс] // Первый канал [Официальный сайт]. URL: https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-pervaya-smotret-onlayn (дата обращения: 20.07.2021).

стремиться», – сказал он, уточнив, что в современном мире следует опасаться не только ядерного, но и высокоточного оружия в неядерном оснащении.[286]

В современных условиях возрастания недоверия между ядерными сверхдержавами, наличия у них планов существенной модернизации ядерных арсеналов, а также совершенно непредсказуемого поведения Северной Кореи, перспективы достижения «глобального ноля» выглядят крайне туманными. Прогресса в этом направлении не предвидится до тех пор, пока ведущие мировые державы не придут к единому мнению о том, как достичь этой цели. На данном этапе они демонстрируют единство только в неприятии упомянутого Договора о запрете ядерного оружия.

Особенно жесткой выглядит позиция по данному вопросу Российской Федерации, сформулированная министром иностранных дел С. Лавровым на Московской конференции по вопросам ядерного нераспространения: «Позиция России хорошо известна – мы не намерены присоединяться к ДЗЯО. Его сторонники, включая, например, получившую недавно Нобелевскую премию мира организацию “Международная кампания по запрету ядерного оружия” (ICAN), видимо, руководствуются благой в их понимании целью – обеспечить скорейший запрет на ядерное оружие. Но не будем забывать, что его полная ликвидация возможна только в контексте всеобщего и полного разоружения при условии обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, в том числе и обладателей ядерного оружия, как это предусматривает ДНЯО. Представленный же к подписанию документ о запрещении ядерного оружия далек от этих принципов, игнорирует необходимость учитывать все факторы, влияющие сегодня на стратегическую стабильность, и может оказать дестабилизирующее воздействие на режим нераспространения. Как результат – мир может стать еще менее стабильным и предсказуемым».[287]

---

[286] Путин верит во всеобщее ядерное разоружение. 19.10.2017. // [Электронный ресурс] // Ведомости [Официальный сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/10/19/738651-putin-razoruzheniya (дата обращения: 20.10.2021).

[287] Track 1.5 China-U.S. strategic nuclear dialogue. 13.11.2009. [Электронный ресурс] // Wikileaks [Официальный сайт]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (дата обращения: 04.07.2021).

В целом, несмотря на то, что инициатива, направленная на ядерное разоружение вплоть по полной ликвидации ядерного оружия, поддерживается такими авторитетными международными организациями и движениями, как Международный Люксембургский форум по предотвращению ядерной катастрофы, Международная комиссия по разоружению и нераспространению ядерного оружия Эванса–Кавагучи, Международная инициатива «Глобальный ноль» (Global Zero), Пагуошское движение, она представляется труднодостижимой в современных реалиях. «Ядерный ноль» возможен только при совершенно иной системе глобальной и региональной безопасности, отличной от той, что существует или может быть создана в обозримой перспективе. В такой гипотетической структуре все вероятные проблемы, которые могут привести к вооруженным конфликтам, должны оперативно разрешаться путем мирного консенсуса, а потому продвижение к подобному формату является главной задачей тех, кто призывает к полному ядерному разоружению. Ликвидация всех запасов ядерного оружия может стать лишь завершающим шагом на этом пути.

3.2. Политика США и России в отношении будущих переговоров и новые направления контроля над вооружениями[288]

3 февраля 2021 г. Россия и США обменялись дипломатическими нотами о вступлении в силу соглашения, продлевающего действие Договора СНВ-3 на последующие пять лет. Это произошло за два дня до истечения срока действия данного Договора, подписанного президентами РФ и США Д. Медведевым и Б. Обамой в апреле 2010 г. и вступившего в силу 5 февраля 2011 г. Сам Договор в Статье XIV предусматривает возможность его продления на срок «не более пяти лет» после совместного рассмотрения этого вопроса и достижения соответствующего согласия. Следует отметить, что до окончания президентских выборов в США и прихода к власти администрации Дж. Байдена перспективы продления Договора выглядели более чем сомнительными. На протяжении почти всего 2020 года администрация Д. Трампа «обставляла» свое согласие на его продление такими условиями, что даже оптимисты приходили к печальному выводу о том, что Россия и США останутся без последнего соглашения в сфере ограничения стратегических вооружений на неопределенный период времени в будущем. Теперь, по крайней мере, на последующие пять лет стороны будут иметь высокую степень предсказуемости развития стратегических ядерных арсеналов с реальной возможностью проверки выполнения принятых на себя в соответствии с действующим Договором обязательств каждой из них.

Факт продления Договора СНВ-3 поставил новые вопросы перед политиками и экспертным сообществом двух стран. Главным из них является

---

[288] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично или в соавторстве, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Савельев А.Г., Нарышкина (Александрия) О.М. Продление СНВ-3: конец или начало? // Общественные науки и современность. — 2021. № 2. — С. 7–20. (1 п.л. / авторский вклад – 0,5 п.л.).

вопрос о том, следует ли рассматривать названное достижение началом нового периода отношений России и США в сфере контроля над вооружениями, или же его следует считать завершением этого процесса, и новых договоренностей в рассматриваемой сфере ожидать не приходится. По данному вопросу существуют прямо противоположные точки зрения. Не претендуя на полноту освещения всех нюансов названной проблемы, все же попробуем оценить, какие подходы могут лежать в основе будущих договоренностей в рассматриваемой области, и насколько приемлемыми они могут быть для возможных сторон новых соглашений.

США

Продление СНВ-3 как бы подвело определенную черту под обсуждением вопроса, насколько Соединенные Штаты были заинтересованы в сохранении этого соглашения. Но этот факт отнюдь не означает, что аргументы противников этого соглашения полностью утратили свою силу и перестали оказывать влияние на политику безопасности США. Напротив, администрации Дж. Байдена, возможно, уже в ближайшем будущем придется учитывать настроения части военно-политического истеблишмента страны при выработке своей позиции по дальнейшим шагам в области контроля над ядерными вооружениями. Тем более что с самого начала новая американская администрация дала ясно понять, что контроль над вооружениями будет находиться среди приоритетов ее деятельности. Об этом заявили как президент Дж. Байден, так и Госсекретарь США А. Блинкен[289].

Следует отметить, что если в России продление СНВ-3 в целом было воспринято положительно как в официальных, так и в экспертных кругах, то в США высказываются сомнения по поводу того, стоило ли идти на безоговорочное его продление без каких-либо дополнительных условий. В указанной связи Госдепартамент США 3 февраля 2021 г. опубликовал

[289] Blinken A. (2021) On the Extension of the New START Treaty with the Russian Federation. Press Statement. February 3. [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. URL: https://www.state.gov/on-the-extension-of-the-new-start-treaty-with-the-russian-federation/ (дата обращения: 10.04.2021).

документ, в котором названы «мифами» аргументы противников продления этого Договора[290]. Среди перечня таких «мифов», который приводит и «разоблачает» Госдепартамент, присутствуют явно надуманные и неизвестно кому принадлежащие мнения, например, о том, что СНВ-3 якобы является реликтом «холодной войны» и не соответствует существующей стратегической ситуации. Кроме того, приведены и аргументы о том, что продление этого Договора позволяет Китаю продолжать наращивание своего ядерного арсенала, а России – сохранять превосходство в тактическом ядерном оружии. Не трудно увидеть, что подобные «мифы» не имеют никакого отношения ни к самому Договору СНВ-3, ни к факту его продления. Поэтому «развенчание» их не составило особой сложности для дипломатического ведомства США.

Тем не менее, ряд аргументов противников Договора потребовал от Госдепартамента достаточно обоснованных возражений и даже частичного признания их справедливости. Одной из таких серьезных претензий являются упреки в адрес американского руководства в том, что оно в полной мере не использовало согласие РФ на заморозку всех ядерных арсеналов сторон «в обмен» на продление СНВ-3 на один год. Как известно, такое согласие было выражено в опубликованном 20 октября 2020 г. документе МИД РФ[291]. Несмотря на то, что Россия достаточно четко дала понять, что с ее стороны речь идет именно о политическом обязательстве, которое не должно сопровождаться никакими дополнительными требованиями, американская сторона интерпретировала его как принципиальную готовность РФ заключить отдельное соглашение о «заморозке» количества всех ядерных боезарядов сторон. Это соглашение, по мнению США, должно было включать в себя предоставление соответствующей информации и выработку мер контроля за

---

[290] New Start Treaty Mythbusters. Fact Sheet. February 3. [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. URL: https://www.state.gov/new-start-treaty-mythbusters/ (дата обращения: 10.04.2021).

[291] Заявление МИД России о ситуации с продлением ДСНВ. 20.10.2020. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4395765 (дата обращения: 10.04.2021).

выполнением такого обязательства. Отказ от продолжения давления на РФ в пользу заключения подобного соглашения сейчас и ставится в вину администрации Дж. Байдена.

В качестве «оправдания» своим действиям Госдепартамент США заявлял о нехватке времени на выработку названного соглашения, поскольку с момента инаугурации нового президента США до истечения срока действия СНВ-3 оставалось чуть больше двух недель. Также говорилось о том, что Россия отказывалась вести переговоры по названному вопросу, считая, что это является «дополнительными условиями» достижения соглашения о продлении СНВ-3, что для РФ «неприемлемо». Тем не менее, как представляется, предложение о «заморозке» количества всех ядерных боезарядов сторон полностью с повестки российско-американских отношений не снято, и США могут вернуться к нему в случае продолжения диалога по контролю над ядерными вооружениями. Пока же высказывается мнение, что продление СНВ-3 дает Соединенным Штатам необходимое время для решения вызывающих озабоченность проблем в рассматриваемой сфере.

Интересно отметить, что в своих заявлениях Государственный департамент совершенно не упоминал проблемы, которые могут вызывать (и вызывают) озабоченность российской стороны. Все разоблачаемые им «мифы» имеют непосредственное отношение к интересам безопасности США. Даже не делается намека на то, что американская сторона будет готова хотя бы рассмотреть позицию России по ряду вопросов, которые уже неоднократно поднимались со стороны РФ в ходе официальных и неофициальных контактов на протяжении целого ряда лет. Эти озабоченности нашли свое отражение в ряде официальных документов РФ – Военной доктрине, Стратегии национальной безопасности и других.

Пока еще не ясно, насколько серьезно готово демократическое руководство США к конструктивным переговорам по интересующим его проблемам. Но если с новой американской администрацией все же начнутся какие-то обсуждения по поводу возможных новых соглашений в области

контроля над ядерными вооружениями, то для достижения практических результатов стороны в любом случае будут вынуждены не только обсуждать, но и принимать во внимание обоюдные заинтересованности и претензии с целью поиска необходимого компромисса. В противном случае говорить о перспективах успешного продолжения политики контроля над этими вооружениями просто не приходится.

Исходя из первых заявлений представителей новой американской администрации, в своей политике контроля над ядерными вооружениями она намерена сосредоточить усилия на двух основных направлениях. Первое – это достижение договоренности с РФ по контролю над всеми ядерными арсеналами сторон, включая нестратегическое ядерное оружие (НСЯО). Второе – вовлечение Китая в переговоры по ядерным вооружениям на двусторонней или многосторонней основе с целью установления контроля над китайским ядерным арсеналом в какой-либо форме, обеспечивающей получение полной информации о его состоянии и перспективах развития. При этом ни в первом, ни во втором варианте задача сокращения ядерных арсеналов пока не ставится. Речь, в первую очередь, идет о согласовании системы контроля (верификации) и обеспечении предсказуемости развития ядерных сил РФ и КНР.

Контроль над нестратегическими ядерными вооружениями

При кажущейся логике и даже простоте подхода к контролю над всеми ядерными арсеналами России и США, успех в достижении подобной договоренности более чем сомнителен. Еще до вступления в официальный диалог с РФ Соединенным Штатам придется решить ряд непростых вопросов, напрямую связанных с изначальной позицией страны, которая должна быть выдвинута как предмет обсуждения.

Если отвлечься от политической стороны вопроса и допустить, что Россия и США в принципе договорились об установлении контроля над всеми ядерными боезарядами, имеющимися в их арсеналах, сторонам придется решить целый ряд крайне сложных проблем. Эти проблемы носят не только и

не столько технический характер, сколько имеют военно-политическую и военно-стратегическую основу.

Прежде всего, придется ответить на вопрос о том, насколько обоснованно «приравнивать» тактическое ядерное оружие к стратегическому? И по каким критериям данные вооружения могут быть разделены на эти две категории? По мощности боезаряда или все-таки по характеристикам носителя, на котором этот заряд может быть развернут? Во всех предыдущих договорах с США, включая СНВ-3, речь, прежде всего, шла о носителях, что с военно-стратегической точки зрения вполне обоснованно и принято обеими сторонами. Но вопрос о том, может ли такая же логика быть применена к ТЯО, остается открытым. Следует особо подчеркнуть, что когда речь идет о «ядерном оружии», то под этим словосочетанием подразумевается ядерный боезаряд, развернутый на том или ином носителе. В сфере стратегических вооружений такими носителями определены межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и тяжелые бомбардировщики (ТБ). Эти системы в основном и подлежат соответствующему контролю. В случае с ТЯО спектр носителей ядерного оружия резко расширится и может включать в себя многие образцы ракет (как баллистических, так и крылатых) и значительный перечень авиационной техники, которые в обычное время выполняют конвенциональные задачи, т.е. являются средствами «двойного назначения». До определенного периода времени «ядерные функции» могла выполнять и тяжелая артиллерия. Таким образом, контроль ТЯО должен означать установление контроля над широким спектром обычных вооружений сторон, способных стать носителями ядерного оружия. С практической сточки зрения это выглядит нереальным.

Исходя из вышеизложенного, у сторон остается только один выход установления контроля над ТЯО – контролировать только ядерные боезаряды и отказаться от контроля их возможных носителей. В этом случае речь должна будет идти уже не о контроле над «ядерным оружием», а о контроле над

ядерными боезарядами. А вся система «контроля над ядерными вооружениями» распадается, как минимум, на две части – отдельно контроль над стратегическими вооружениями и отдельно - контроль над ядерными боезарядами. Совершенно очевидно, что переход от контроля носителей ядерного оружия к контролю ядерных боезарядов является достаточно сложной задачей, которая потребует значительного времени для выработки и согласования специфических мер, позволяющих получить полную уверенность сторон в выполнении принятых на себя обязательств.

Даже со стратегическими вооружениями, охваченными Договором СНВ-3, при ближайшем рассмотрении не все просто. Так, в соответствии со сложившейся практикой российско-американских соглашений в сфере контроля над вооружениями, все ядерные средства сторон делятся на две крупные категории: развернутые (т.е. готовые к применению) и неразвернутые. По каждой из этих категорий вводятся отдельные ограничения. Например, Договор СНВ-3 устанавливает уровни 700 единиц для развернутых МБР, развернутых БРПЛ и развернутых тяжелых бомбардировщиков, а также отдельный уровень 800 единиц для развернутых и неразвернутых носителей. Также установлен уровень 1550 единиц для боезарядов на развернутых стратегических носителях. Но о разрешенном количестве неразвернутых боезарядов в Договоре ничего не говорится[292]. В данной связи возникает еще один вопрос, какие ядерные боезаряды предполагается контролировать: все, отдельно тактические и отдельно – стратегические, или же отдельно развернутые и отдельно неразвернутые? Или необходимо ввести отдельные подуровни по названным категориям ядерных боезарядов?

Как представляется, наибольшую сложность может вызвать вопрос о проведении границы между стратегическими и тактическими

---

[292] Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 06.04.2023).

(нестратегическими) ядерными боезарядами. Скорее всего, сделать это вообще невозможно. Например, одна и та же ядерная бомба может быть развернута и на тяжелом, и на другом типе бомбардировщика, не являющегося стратегическим носителем. А маломощные ядерные боеголовки уже сейчас развертываются на стратегических носителях ядерного оружия – БРПЛ «Трайдент II». Кроме того, существуют ядерные боезаряды с изменяемой мощностью взрыва, т.е. критерий мощности для названных целей неприемлем. Таким образом, по многим параметрам делить ядерные боезаряды на «стратегические» и «тактические» можно только условно.

В случае если стороны договорятся о контроле ядерных боезарядов по принципу «развернутые-неразвернутые», то им также придется решить ряд важных проблем. Одна из них – как засчитывать ядерные бомбы и крылатые ракеты, предусмотренные для развертывания на тяжелых бомбардировщиках сторон. В «реальной жизни» эти вооружения на ТБ не размещаются. Примером этому являются полеты, осуществляемые российскими и американскими ТБ на регулярной основе в различных регионах мира. Ядерного оружия у них на борту, согласно открытым сообщениям, не находится. Иными словами, вооружения, которые могут быть установлены на ТБ, должны включаться в категорию «неразвернутые ядерные боезаряды». Это же должно относиться к американскому ТЯО, размещенному на базах ряда европейских стран НАТО, хотя оно готово к немедленному размещению на боевых самолетах. Соответствующие тренировки по доставке американского ядерного оружия из подземных бункеров и установку его на самолеты регулярно проводятся силами НАТО в рамках учений «Стойкий полдень» (Steadfast Noon)[293].

Но, с другой стороны, согласно Договору СНВ-3, каждый ТБ засчитывается как один носитель и один боезаряд и тем самым «частично»

---

[293] Саможнев А. Маневры на грани безумия. ВВС Германии отрабатывают сценарий ядерной войны. [Электронный ресурс] // Российская Газета [Официальный сайт]. URL: https://rg.ru/2020/10/15/vvs-germanii-proveli-tajnye-ucheniia-na-sluchaj-iadernoj-vojny.html (дата обращения: 10.04.2021).

входит в состав «развернутых» с точки зрения разрешенного количества боезарядов. Этот, казалось бы, не самый важный вопрос все же требует своего разрешения и может оказать влияние на достижение будущего соглашения. Он напрямую связан с проблемой «возвратного потенциала» - возможностью быстрого наращивания количества развернутых ядерных боезарядов на стратегических и других носителях за счет наличия в хранилищах готовых к установке на носители ядерных бомб и боеголовок ракет. Таким образом, если в целях соглашения будет принят подход «развернутые-неразвернутые» ядерные боезаряды, то сторонам, скорее всего, придется вводить еще один подуровень боезарядов, находящихся «в активном резерве». Это еще больше усложнит подобные переговоры.

Говорить о том, что можно достичь соглашения об общем уровне ядерных боезарядов без деления их на развернутые и неразвернутые, на наш взгляд, вообще не приходится. Ведь, по мнению американской стороны, такое соглашение должно быть «проверяемым», т.е. сопровождаться соответствующей системой контроля. Но такая система будет резко отличаться по отношению к тем же развернутым и неразвернутым ядерным боезарядам, к боезарядам, находящимся в «активном резерве», и к тем, которые находятся на складах (в хранилищах) в ожидании отправки в войска или на завод для утилизации. Поэтому в любом случае сторонам придется вводить отдельные категории для «неразвернутых» систем, как по их отдельным видам (боеголовки, бомбы и проч.), так и в соответствии со стадией жизненного цикла, на котором они находятся. Кроме того, необходимо будет выработать систему контроля перемещения и транспортировки ядерных боезарядов в различные пункты назначения и различными видами транспорта.

Еще раз подчеркнем, что приведенные выше рассуждения относятся к варианту развития событий, когда обе стороны достигли полного взаимопонимания о желательности выработки «проверяемого» соглашения о контроле над ядерными боезарядами сторон. Следует также отметить, что автор затронул только небольшую часть проблем, которые возникнут перед

сторонами при попытке достичь названной цели. Не говоря уже о массе технических вопросов, сторонам придется преодолеть множество организационных препятствий, связанных с высокой степенью секретности в ядерной сфере, а также достичь беспрецедентного уровня доверия, которого не было даже в «лучшие времена» российско-американских отношений.

В данной связи совершенно непонятен энтузиазм предыдущей администрации США, которая считала, что подобное соглашение можно выработать за два-три месяца. По нашей оценке, на это не хватит и двух-трех лет учитывая тот факт, что основные положения о контроле должны быть проверены экспериментальным путем, и только после этого зафиксированы «на бумаге». Скорее всего, все это потребует и более длительного срока, так что заявления новой администрации США по поводу продления Договора СНВ-3 на пять лет, что, как она считает, дает достаточно времени для подготовки нового соглашения, также можно считать чрезмерно оптимистичными. В данной связи готовность России заморозить свой ядерный арсенал, выраженная как «политическое обязательство без дополнительных условий», а также соответствующее аналогичное заявление США - это тот реальный максимум, на который могут рассчитывать стороны в обозримой перспективе при продвижении по пути контроля над ядерными вооружениями.

Россия

После продления срока действия Договора СНВ-3, «совпадающих» сфер интересов в сфере контроля над вооружениями с точки зрения их приоритетов, у России и США практически не осталось. Тем не менее, представляется, что такое несовпадение не является непреодолимым препятствием к продолжению диалога и даже проведения переговоров в сфере контроля над ядерными вооружениями с администрацией Дж. Байдена. Во всяком случае, и российская, и американская стороны такой вариант развития событий в рассматриваемой сфере отнюдь не исключают.

Основные контуры возможной позиции России на переговорах по контролю над ядерными вооружениями были обозначены в упомянутом выше Заявлении МИД РФ от 20 октября 2020 г. В нем речь шла о возможности проведения «комплексных двусторонних переговоров о будущем контроле над ракетно-ядерными вооружениями с обязательным рассмотрением всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность».[294] Нельзя сказать, что приведенная формулировка дает полную ясность о возможной позиции РФ на переговорах. Тем более что данное заявление было «увязано» с предложением продлить срок действия СНВ-3 на один год, в течение которого предлагалось реализовать изложенную в нем позицию РФ. Поскольку вопрос о «заморозке» был практически снят с повестки дня российско-американских отношений, и СНВ-3 был продлен на пять лет без дополнительных условий, названная позиция РФ по будущим переговорам также утратила актуальность и в перспективе может быть в значительной мере скорректирована. Но, тем не менее, на основе этого заявления, пусть и в предварительном плане, можно сделать ряд выводов.

Прежде всего, отметим, что в отличие от заявленной ранее позиции РФ о том, что в сфере ядерного разоружения после заключения Договора СНВ-3 «дальнейшие шаги должны носить уже комплексный характер, и в ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы…»[295], сейчас Россия допускает проведение и двусторонних переговоров с США. Вместе с тем не совсем понятна формулировка «переговоры о будущем контроле». Если подходить к ней «строго», то речь не идет о самих переговорах с целью выработки какого-то конкретного соглашения, а о «переговорах о будущих переговорах». В этом случае, на наш взгляд, следовало бы говорить о

---

[294] Заявление МИД России о ситуации с продлением ДСНВ. 20.10.2020. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4395765 (дата обращения: 10.04.2021).

[295] Владимир Путин провел в Сарове «круглый стол» по вопросам национальной безопасности. 24.02.2012. [Электронный ресурс] // Первый канал. Новости [Официальный сайт]. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-02-24/105413-vladimir_putin_provel_v_sarove_kruglyy_stol_po_voprosam_natsionalnoy_bezopasnosti (дата обращения: 10.04.2021).

двусторонних консультациях или обсуждениях параметров таких переговоров.

Не дает полной ясности и формулировка «контроль над ракетно-ядерными вооружениями». В эту категорию могут быть включены как стратегические, так и тактические средства нанесения ядерного удара. Вместе с тем она не охватывает все ядерные вооружения, например, ядерные торпеды, бомбы, подводные дроны с ядерным зарядом, о которых говорил президент РФ 1 марта 2018 года[296]. В данной связи можно заключить, что вопрос о согласии РФ на установление контроля над всеми ядерными вооружениями сторон остается открытым.

Не совсем понятно, какой смысл вложен в понятие «комплексные переговоры», и в чем конкретно должна проявляться эта «комплексность»? В истории советско-американских переговоров можно найти примеры комплексного подхода к решению проблем безопасности. Так, самый первый договор в области ограничения стратегических вооружений ОСВ-1 носил такой комплексный характер. С 1969 по 1972 гг. стороны одновременно вырабатывали два соглашения – Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. Оба документа были подписаны одновременно – 26 мая 1972 г.

Этот пример не является единственным. Как уже говорилось выше, во второй половине 1980-х гг. СССР и США вели комплексные переговоры по трем направлениям – по стратегическим наступательным вооружениям СНВ), по ракетам средней и меньшей дальности (РСМД) и по обороне и космосу. Советская сторона настаивала на том, что все три соглашения должны быть подписаны одновременно, устанавливая четкую зависимость между этими тремя «составными частями» и обращая особое внимание на необходимость достижения соглашения по обороне и космосу как условие подписания

[296] Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 10.04.2021).

договоров по СНВ и РСМД. Изначально США приняли это условие, в зависимость от которого ставилось и само проведение этих переговоров. Но, как известно, Договор РСМД был согласован гораздо раньше, чем остальные документы. После серьезного рассмотрения, руководство СССР приняло решение вывести этот договор из общего «пакета» и подписать его раньше – в 1987 г. После этого, через несколько лет (в 1991 г.), был согласован Договор СНВ-1, в то время как на переговорах по обороне и космосу какого-либо прогресса не наблюдалось. Учитывая отсутствие каких-либо перспектив достижения соглашения по космическим системам ПРО и «ударным космическим вооружениям», а также тот факт, что амбициозная программа СОИ к этому времени практически прекратила свое существование и была заменена более скромной программой «глобальной защитой против ограниченных ударов», СССР в очередной раз снял «увязку» оставшихся двух частей переговорного «пакета». В то же время советская сторона сделала заявление, касающееся необходимости сохранения Договора по ПРО как условие осуществления сокращений в рамках Договора СНВ-1.

Таким образом, как представляется, никаких формальных препятствий к проведению «комплексных двусторонних переговоров» не существует. Остается только определить, из каких частей этот «комплекс» может состоять. Вышеуказанное заявление МИД РФ, как уже говорилось, выдвигает условие для будущих переговоров по «ракетно-ядерным» вооружениям. Они могут состояться только «с обязательным рассмотрением всех факторов, влияющих на стратегическую стабильность». Как и в предыдущих случаях, приведенная формулировка не дает полной ясности о том, как, по мнению РФ, должны проводиться названные переговоры. Ведь, у любых переговоров по контролю над вооружениями существует четко выраженный предмет. В данном случае – это «ракетно-ядерные вооружения». Стратегическая стабильность в рамки подобных переговоров не укладывается. Единственно, что возможно сделать – это согласовать формулировку о том, что заключенное соглашение способствует укреплению стратегической стабильности и зафиксировать это в

Преамбуле будущего договора. Представляется, такой подход вряд ли устроит российскую сторону.

Другой вариант – настаивать на комплексном подходе к переговорам, которые бы покрывали весь спектр факторов, влияющих, по мнению РФ, на стратегическую стабильность. Здесь еще раз подчеркнем, что вышеизложенное не является конкретным предложением автора по формулированию подходов и позиции РФ в рассматриваемой сфере. Это – всего лишь попытка следовать логике заявлений высшего руководства РФ по вопросам укрепления безопасности и стратегической стабильности, в том числе представленной в принятых на высшем уровне официальных документов, включая Военную доктрину и Стратегию национальной безопасности РФ, о чем говорилось выше. Из этих документов следует, что основными факторами, влияющими на стратегическую стабильность, кроме ракетно-ядерных вооружений, являются противоракетная оборона, стратегические высокоточные неядерные вооружения (включая средства нанесения неядерного быстрого глобального удара) и космические вооружения. Таким образом, «комплексный» подход к переговорам в рассматриваемой сфере может заключаться в параллельном проведении нескольких переговоров по каждому из этих направлений под единым названием. Например, «Переговоры по ограничению (ракетно-) ядерных вооружений и укреплению стратегической стабильности».

Вероятность проведения таких переговоров ничтожно мала. Это относится, прежде всего, к трем «составным частям» факторов, влияющих на стратегическую стабильность. Но, как представляется, все имеет некоторый смысл хотя бы в общих чертах рассмотреть некоторые аспекты наложения ограничений на названные системы вооружений с тем, чтобы оценить возможность таких переговоров если не в настоящее время, то в будущем.

Стратегические высокоточные неядерные вооружения

С точки зрения контроля наиболее «перспективным» выглядит решение вопроса о стратегических высокоточных неядерных вооружениях. В условиях

продолжения действия СНВ-3 ряд таких систем напрямую подпадает под его действие. Это, в частности, относится к замене ядерных боезарядов на неядерные на существующих МБР и БРПЛ. В других, менее ясных случаях (например, при развертывании новых типов межконтинентальных баллистических ракет на открытых позициях, что предлагалось как один из вариантов строительства системы неядерного быстрого глобального удара США),[297] вопрос может рассматриваться в Двусторонней консультативной комиссии, действующей в рамках СНВ-3. Во всяком случае, возможные переговоры по стратегическим неядерным вооружениям, если стороны согласятся на их проведение, могут быть менее сложными, чем при отсутствии этого соглашения.

Космические вооружения

Что касается вопросов контроля над вооружениями, связанными с космосом, то достижение какой-либо всеобъемлющей договоренности в данной сфере является, на наш взгляд, еще более проблематичным, чем соглашение в сфере тактического ядерного оружия. В данном случае мы имеем ввиду не трудности с принятием политического решения о проведении таких переговоров, а определение самого предмета переговоров и вопросы контроля. Например, будут ли такие переговоры касаться вопросов «космических вооружений» в целом, или же идти по трем возможным направлениям: противоспутниковое оружие, оружие класса «космос-земля» и космический элемент перспективных систем ПРО.

Если речь пойдет о «космических вооружениях», то сторонам придется решить немаловажный вопрос о том, будет ли идти речь о «неразмещении» оружия в космосе, или о «невыводе» такого оружия в космос, и как эти два понятия должны соотноситься друг с другом. При этом говорить о том, что целью переговоров должен стать полный запрет на «космические

---

[297] Мясников Е. О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом договоре СНВ. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт].URL: http://www.armscontrol.ru/pubs/em071610.htm (дата обращения: 10.04.2021).

вооружения» вообще не приходится хотя бы в силу того факта, что многие существующие системы вооружений (например, МБР и БРПЛ) обладают потенциалом борьбы со спутниками, находящимися на орбитах.

В указанной связи следует согласовать также и вопрос о том, что стороны должны понимать под терминами «космические вооружения», «оружие в космосе» и рядом других понятий, включая «оружие» как таковое. Без такого согласования практически невозможно вести переговоры о каких-либо ограничениях или запретах на ту или иную деятельность, когда сам предмет этих переговоров четко не обозначен.

Здесь же следует иметь ввиду, что ряд таких возможных систем «космических вооружений», в отличие от ТЯО, в настоящее время практически не существует, и речь на подобных переговорах может идти только о предотвращении (запрете) на их создание или разработку. Именно здесь переговорщиков может ждать еще одна «техническая ловушка», в которую попали участники советско-американских переговоров по обороне и космосу во второй половине 1980-х гг. При попытке провести четкую грань между «созданием» и «разработкой», выяснилось, что для этого необходимо согласовать понятия о том, чем отличается «эксперимент» от «испытания», «опытный образец» от «прототипа», что такое «лаборатория» (помещение со стенами или нет), и может ли она находиться в космосе, большое количество других технических вопросов. Все это является крайне сложной задачей. Во всяком случае, многие из этих вопросов так и остались открытыми после шести лет конкретных обсуждений на переговорах в Женеве (1985-1991 гг.). Как показывает практика подобных переговоров, избежать обсуждения всех этих технических проблем невозможно. В противном случае отсутствие ясности в отдельных аспектах будущей договоренности ведет к росту подозрительности в отношениях сторон и, как следствие, расшатывает сам заключенный договор.

Список проблем, которые необходимо будет решить в случае достижения согласия о вступлении в переговоры по космосу, можно

продолжить. И далеко не все из них будет легко решить даже в случае наличия политической воли сторон к заключению такого соглашения. Неизбежно встанет вопрос о наличии «космических вооружений» у третьих стран, в частности, у Китая, о средствах «двойного назначения», например, «уборщиков космического мусора» и спутников обслуживания и ремонта космических аппаратов, целый ряд других. И пока нет полной ясности, возможно ли вообще согласовать все эти проблемы не только с точки зрения сроков, но и с чисто технической стороны вопроса.

Противоракетная оборона

Совершенно очевидно, что проблема ПРО до определенного времени являлась для России наиболее актуальной с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Практически сразу после выхода США из Договора по ПРО Россия предпринимала настойчивые попытки вернуться хотя бы к каким-то ограничениям на оборонительные средства, или же нейтрализовать эффективность американских систем ПРО путем усиления потенциала прорыва ПРО при разработке и модернизации стратегических наступательных систем. Представляется, что в случае возобновления российско-американского диалога по контролю над вооружениями, российская позиция в той или иной форме будет требовать учета оборонительных систем в стратегическом балансе сторон. Такие ограничения, как считается, будут способствовать укреплению стратегической стабильности и, как следствие, безопасности на всех уровнях противостояния, - от регионального до глобального.

Как известно, Договор по ПРО предполагал наложение ограничений на системы «для борьбы со стратегическими баллистическими ракетами или их элементами на траекториях полета».[298] Все остальные системы ПРО ограничениям не подлежали. В 1997 г. сторонам удалось согласовать

[298] Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs-abm.htm. (дата обращения: 06.04.2023).

конкретные характеристики систем ПРО, которые бы позволяли относить эти системы к числу «стратегических» и «нестратегических». Это необходимо было сделать в целях укрепления режима Договора по ПРО, что рассматривалось российской стороной как обязательное условие вступления в силу Договора СНВ-2. И, несмотря на то, что формально такое «разделение» систем ПРО не было официально принято обеими сторонами, оно все же «незримо» присутствовало в обсуждениях вопросов, связанных с последствиями развертывания ПРО США в Европе и Азии. Во всяком случае, представители США неоднократно заявляли, что «ПРО театра военных действий» в Европе «не угрожает» потенциалу сдерживания российских стратегических сил, не способна бороться с МБР и БРПЛ, а предназначена исключительно для защиты союзников США от угрозы со стороны таких стран как Иран и Северная Корея.

Но ситуация с названным вопросом разделения систем ПРО на «стратегические» и «нестратегические» резко изменилась в ноябре 2020 г. после проведения успешного испытания американской противоракеты SM-3 Block IIA. Ракета-перехватчик впервые сбила межконтинентальную баллистическую ракету-цель с корабля, оснащенного противоракетной системой AEGIS[299]. Названная ракета создаётся в рамках совместного американо-японского проекта. Они предназначены для стрельбы из универсальных пусковых установок Mk 41, которыми оснащаются крупные боевые корабли и наземные комплексы Aegis Ashore в Польше и Румынии.

Это испытание резко осложнило, если не полностью перечеркнуло, возможность достижения какой-либо договоренности по ограничению систем ПРО России и США. Так, у России появились все основания требовать учета систем «ПРО ТВД» в общем балансе таких вооружений сторон. Это относится не только непосредственно к ракетным системам, испытанным в качестве

---

[299] U.S. Successfully Conducts SM-3 Block IIA Intercept Test Against an Intercontinental Ballistic Missile Target. 17.11.2020. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт].URL: https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2417334/us-successfully-conducts-sm-3-block-iia-intercept-test-against-an-intercontinen/ (дата обращения: 10.04.2021).

стратегической ПРО, но и к пусковым установкам безотносительно того, какую ракетную систему ни содержат. Кроме того, система контроля над такими вооружениями резко осложняется, поскольку они развертываются не только на кораблях США, но и на территориях других стран. В указанной связи остается только предполагать, провели ли США это испытание исключительно в целях проверки технических возможностей новой противоракеты, или это был сознательный шаг, направленный на ликвидацию любых перспектив достижения договоренностей по контролю над оборонительными вооружениями.

Приведенный краткий обзор основных направлений контроля над вооружениями, которые могут способствовать укреплению доверия, стратегической стабильности и международной безопасности, показывает резкое усложнение «технической стороны» контроля, что может потребовать огромных усилий сторон и значительного периода времени для согласования всех положений будущих договоренностей. При этом вполне очевидно несовпадение интересов России и США относительно приоритетов контроля над вооружениями. Так, для США главным направлением является установление контроля над всеми ядерными арсеналами сторон (включая Китай). Для России – наложение ограничений на системы противоракетной обороны. В подобной ситуации, казалось бы, возможен поиск компромиссного решения, а именно проведение комплексных и взаимосвязанных переговоров по обоим направлениям. При этом России пришлось бы пойти на уступки в сфере контроля над ТЯО, а США – в области ПРО. Но, в сложившейся ситуации обострения общих отношений между двумя странами, вряд ли можно ожидать какого-либо прогресса в данной области в ближайшем обозримом будущем. Но, тем не менее, определенное «окно возможностей» в этой сфере все же существует. Пока же сторонам следует, на наш взгляд, сосредоточить внимание на безукоризненном исполнении всех обязательств, принятых сторонами по продленному Договору СНВ-3, используя это соглашение как «точку опоры» в отношениях между Россией и США и, не

дожидаясь окончания срока его действия, попытаться продолжить движение по пути ядерного разоружения.

3.3. Возможное влияние последствий Украинского кризиса на перспективы контроля над ядерными вооружениями

Среди целого ряда новых факторов, которые, на наш взгляд, оказывают непосредственное влияние на перспективы контроля над ядерными вооружениями и о которых говорилось выше, последствия Украинского кризиса могут занимать одно из серьезных мест. Некоторые из таких последствий достаточно очевидны, другие еще могут проявить себя в обозримом будущем. Речь в данном случае идет о 2025 годе, когда перед Россией и США в полный рост встанет вопрос о судьбе Договора СНВ-3 (истекает в начале февраля 2026 г.) и в целом о перспективах дальнейших отношений сторон в области контроля над ядерными вооружениями.

Наиболее очевидным последствием этого кризиса является общее ухудшение отношений России с США и со странами Запада в целом. В тоже время не вполне очевидным является, на наш взгляд, ответ на вопрос о том, как это ухудшение отношений повлияет на позиции сторон по вопросу о контроле над ядерными вооружениями. Разумеется, однозначного ответа на этот вопрос не существует, но в указанной связи стоит обратить внимание на ряд исторических фактов.

Так, советско-американские переговоры ОСВ-1 (1968-1972 гг.) проходили на фоне Вьетнамской войны, в которой СССР оказывал активную военную помощь Северному Вьетнаму, а США были ее непосредственным участником. Более того, сами переговоры начались буквально через два месяца после того, как СССР и ОВД ввели свои войска в Чехословакию, что привело к резкому обострению военно-политической обстановки в Европе и еще больше усилило конфронтацию Советского Союза с Соединенными Штатами. Несмотря на это, стороны отдали приоритет установлению контроля над стратегическими вооружениями, отказавшись от «увязок» данного

соглашения с другими, также весьма важными проблемами, напрямую затрагивающими интересы их безопасности.

Советско-американские переговоры по обороне и космосу начались весной 1985 г. через полтора года после того, как СССР объявил о выходе из Женевских переговоров, об отмене моратория на развертывание ядерных вооружений средней дальности и ряде других мер в ответ на начало развертывания американских ракет «Першинг-2» в Европе. К моменту возобновления переговоров ни одна из названных проблем не была урегулирована. Советский Союз в глазах президента США оставался «империей зла», а Соединенные Штаты, наряду с прочим, активно осуществляли «Стратегическую оборонную инициативу», которая, по мнению советского руководства, предполагала создание и развертывание «ударных космических вооружений», и была направлена исключительно на достижение военного превосходства над СССР. Несмотря на столь неблагоприятную политическую обстановку в начале переговоров, стороны уже в 1987 г. подписали Договор РСМД, а в 1991 г. – Договор СНВ-1.

Данные примеры позволяют, на наш взгляд, сделать вывод о том, что даже резкое обострение военно-политической ситуации в мире и нарастающая конфронтация между сторонами, не могут стать непреодолимым препятствием при решении проблемы безопасности и ограничения ядерных вооружений путем проведения соответствующих переговоров.

Разумеется, вряд ли можно утверждать, что ухудшение отношений между Россией и Соединенными Штатами будет способствовать проведению переговоров по ядерным вооружениям. Но все же в данном вопросе существует определенный парадокс, который можно выразить следующим образом: чем хуже политические отношения между сторонами, тем выше вероятность их вступления в переговоры по ядерному разоружению. При обострении таких отношений стороны более активно ищут пути укрепления собственной безопасности. В целом, таких путей всего два: военно-технический и политический. Первый – это усиление гонки вооружений и

отказ от переговоров. Второй – попытка решить ту же проблему переговорным путем. Как показывает исторический опыт, второй путь все же предпочтительней. И стороны в конечном итоге выбирают именно его, хотя в ряде случаев и пытаются сначала «попробовать» первый путь. В результате, даже при сохранении определенных, иногда очень серьезных, разногласий, военно-стратегические отношения между участниками этого процесса выравниваются, что весьма положительно сказывается и на улучшении политических отношений между сторонами.

Совершенно очевидно, что для того, чтобы стороны приняли решение о проведении переговоров по ядерным вооружениям, приоритет этих проблем должен находиться на достаточно высоком уровне в политике их безопасности. При этом данный уровень должен быть примерно одинаковым для каждой из сторон. Как представляется, ни у России, ни у США не существует утвержденного градированного «списка приоритетов» политики безопасности, в связи с чем все дальнейшие рассуждения на данную тему носят в основном предположительный характер. А соответствующие выводы могут быть подтверждены только косвенными доказательствами и признаками. Тем не менее, можно предположить, что как следствие Украинского конфликта, приоритет контроля над ядерными вооружениями для Соединенных Штатов может стать выше, чем для Российской Федерации.

Об этом, в частности, говорит открыто выражаемая обеспокоенность как официальных лиц США и других западных стран, так и представителей экспертного сообщества по поводу якобы наличия у России планов по применению ядерного оружия в ходе Украинского конфликта. Подобные заявления базировались на интерпретациях заявлений высшего политико-военного руководства РФ, хотя напрямую эти высказывания ядерного оружия не касались. В частности, такие интерпретации делались в связи с заявлением В. Путина от 24 февраля 2022 г.: «Кто бы ни пытался помешать нам, а тем более создавать угрозы для нашей страны, для нашего народа, должны знать, что ответ России будет незамедлительным и приведёт вас к таким

последствиям, с которыми вы в своей истории ещё никогда не сталкивались. Мы готовы к любому развитию событий»[300]. К этому добавлялись ссылки на последовавший 27 февраля 2022 г. приказ В. Путина перевести силы сдерживания российской армии в «особый режим» несения боевого дежурства[301], что однозначно интерпретировалось как повышение уровня боеготовности стратегических ядерных сил РФ. Делаются ссылки и на некоторые заявления С. Лаврова, Д. Медведева, других официальных лиц РФ, которые трактуются как прямые угрозы применить ядерное оружие в ходе конфликта.

Таким образом, проблема контроля над ядерными вооружениями сохраняет высокий приоритет в политике безопасности США. И, как представляется, эти вопросы будут подняты американской стороной в случае появления благоприятных обстоятельств для продолжения российско-американского диалога, в частности, прекращения «горячей» фазы Украинского конфликта.

Основные контуры возможной американской позиции по проблеме ограничения ядерных вооружений были обозначены в ходе переговоров с РФ о продлении Договора СНВ-3, о чем говорилось выше. Отдельные положения этой позиции были подтверждены в июне 2022 г. помощником Госсекретаря США по контролю над вооружениями М. Стюарт. Выступая на конференции в Вашингтоне, она заявила о том, что Соединенные Штаты заинтересованы в сохранении лимитов, установленных на стратегические ядерные вооружения сторон Договором СНВ-3. Кроме того, США будут стремиться ограничить новые типы ядерных систем, «которые разрабатывает Россия», а также покрытия новым соглашением «всех российских ядерных вооружений, включая системы театра военных действий». Особое внимание США

---

[300] Стенограмма обращения Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт].URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67828 (дата обращения: 20.11.2022).

[301] Путин приказал перевести силы сдерживания в особый режим боевого дежурства [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20220227/putin-1775389742.html (дата обращения: 20.11.2022).

предполагают уделить контролю над нестратегическими (тактическими) ядерными вооружениями, что было названо «критически важной задачей». Наряду с этим было выражено мнение о том, что санкции могут «подтолкнуть» Россию к переговорам по ядерным вооружениям[302]. О необходимости включить в будущие переговоры Китай представители администрации Дж. Байдена не заявляли.

Таким образом, если говорить в целом, то можно предположить, что инициатором будущих переговоров по ядерным вооружениям, скорее всего, станут США. В качестве «стимула» для вступления в такие переговоры они станут использовать обещания снять некоторые политические или экономические санкции, наложенные на РФ. Этот же «стимул» (дальнейшее ослабление или снятие санкций) Соединенные Штаты могут использовать и в ходе самих переговоров в целях получения со стороны РФ конкретных уступок по отдельным позициям будущего соглашения.

Менее ясным остается вопрос, какая форма нового соглашения по ядерным вооружениям может быть предложена для будущих переговоров. Некоторые аспекты данной проблемы были рассмотрены нами выше. Но представляется целесообразным еще раз в концентрированном виде представить возможные подходы и пути решения задачи выработки такого соглашения, естественно, если стороны сочтут важным и необходимым продолжить свое движение по пути ядерного разоружения.

Основываясь на приведенных выше высказываниях М. Стюарт можно предположить с достаточно высокой степенью вероятности, что США не станут предлагать выработку единого соглашения, охватывающего все ядерные системы оружия сторон. Такое соглашение было бы крайне сложным, и в любом случае состояло бы из нескольких (как минимум, двух) частей – стратегические наступательные вооружения и нестратегические ядерные

---

[302] США не исключают использование санкций для торга на переговорах по СНВ-3 [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20220602/sanktsii-1792749478.html (дата обращения: 20.11.2022).

вооружения. При этом, как представляется, выработка нового договора по СНВ (СНВ-4) заняла бы гораздо меньше времени и усилий, чем аналогичные действия по согласованию правил и процедур ограничений, сокращения и контроля над нестратегическими системами ядерного оружия. Учитывая прямо заявленную заинтересованность США в сохранении ограничений на СНВ, предусмотренных рамками Договора СНВ-3, можно предположить, что Соединенные Штаты будут стремиться к заключению нового соглашения в данной области до окончания продленного срока действия этого Договора. В случае же попытки согласовать ограничения на все ядерные вооружения в едином документе, такая работа, даже если она начнется в 2023 г., займет несколько лет и почти наверняка не будет завершена к февралю 2026 г., т.е. к моменту истечения названного срока действия СНВ-3.

Таким образом, по нашему мнению, Соединенные Штаты могут предложить (или настаивать), чтобы вопросы, связанные с дальнейшими ограничениями на стратегические наступательные вооружения, стали бы или предметом отдельного рассмотрения, или одним из сегментов переговоров по ядерным вооружениям в целом. Вторым сегментом в этом варианте становятся нестратегические ядерные вооружения, включая средства средней дальности и тактическое ядерное оружие. Мы считаем, что не исключен вариант возвращения к полному запрету на РСМД, естественно, при условии, что стороны согласуют все вызывающие озабоченность (с точки зрения соблюдения наложенных договором ограничений) проблемы, которые в конечном итоге привели к прекращению действия бессрочного Договора РСМД 1987 года.

Можно также предположить, что США попытаются установить четкую взаимосвязь между отдельными направлениями переговоров по ядерным вооружениям. Например, обусловить вступление в действие нового договора по СНВ ощутимым прогрессом или даже достижением соглашения к определенному сроку по другим категориям ядерных вооружений. И, как уже

указывалось выше, в качестве инструмента давления на Россию они будут активно использовать фактор санкций.

На наш взгляд, с большой долей вероятности можно считать, что сохранение ограничений на СНВ, предусмотренное действующим Договором, не вступает в противоречие с интересами безопасности РФ. Более того, некоторое понижение уровня стратегического противостояния с США (например, до 1200 ядерных боезарядов, развернутых на стратегических носителях сторон против существующего уровня 1550 ед.), вряд ли можно считать угрозой для стратегической стабильности. Как представляется, для такого вывода существует достаточное количество серьезных оснований. Кроме того, включение в параметры будущей договоренности новых типов стратегических вооружений (например, российской системы «Посейдон»), является, по нашему мнению, вполне очевидным и обоснованным решением хотя бы в силу небольшого их количества.

Как уже указывалось выше, непреодолимых трудностей для возможного возобновления действия Договора РСМД, предусматривающего полный запрет на ядерные (и неядерные) ракеты средней дальности (от 500 до 5500 км) вряд ли существует. По нашему мнению, для согласования такого договора (возможно, в новой редакции) также не потребуется значительного времени. И если переговоры по СНВ и РСМД начнутся даже в начале 2025 года (не говоря уже о более раннем сроке), то к моменту прекращения действия Договора СНВ-3 оба названных соглашения могут быть выработаны, подписаны и даже вступить в действие.

При этом следует учесть, что стороны уже имеют значительный опыт ликвидации своих вооружений в соответствии с ранее заключенными договорами. Выработана сама процедура ликвидации, включая ее этапы для каждого типа вооружений, а также система контроля за этими действиями. Особо следует подчеркнуть, что как в случае со стратегическими вооружениями, так и с ракетами средней дальности, речь шла о ликвидации носителей ядерного оружия, а не ядерных боезарядов. Количественные

данные по этим боезарядам фиксировались в соответствии с выработанными правилами засчета для каждого конкретного носителя (МБР, БРПЛ или ТБ) и в соответствии с количеством остающихся на вооружениями стратегических систем.

Как уже указывалось в предыдущих главах, при установлении контроля над нестратегическими ядерными вооружениями речь должна идти уже об ограничении и ликвидации именно ядерных боезарядов, а также об установлении жесткого контроля за этими процедурами со стороны участников нового соглашения. Кроме того, должен быть установлен контроль (включая инспекции) и за остающимися боезарядами. Такой опыт и у России, и у США, практически отсутствует, хотя обе стороны осуществляют такие действия в рамках соответствующих национальных программ.

Как представляется, согласование всех названных процедур контроля в сфере нестратегического ядерного оружия может занять значительное время – по нашей оценке, несколько лет. Таким образом, достичь одновременной выработки соглашений по стратегическим и нестратегическим ядерным вооружениям практически невозможно. А объединить все ядерные системы оружия в единый договор будет означать отсутствие какого-либо контроля над всеми ядерными вооружениями на весь период переговоров после окончания срока действия СНВ-3 в феврале 2026 г. Здесь же отметим, что этот Договор не предусматривает его дальнейшего продления после названного срока.

В вопросе о контроле над нестратегическими ядерными вооружениями организационные и технические проблемы выработки соответствующего соглашения находятся в «подчиненном» состоянии по отношению к политико-военными вопросами. Речь идет в целом о готовности России вести переговоры по этим вооружениям, что вызывает большие сомнения.

До последнего времени РФ (как, впрочем, и США) не давали официальной информации по количеству располагаемых ими ядерных боезарядов, предназначенных для развертывания и применения с нестратегических носителей, не говоря уже о соответствующей структуре этих

средств. Но по оценкам подавляющего большинства независимых западных экспертов, преимущество России в данной области составляет от восьми до десяти раз по сравнению с нестратегическим ядерным арсеналом Соединенных Штатов.

Например, по оценкам известных американских экспертов Г. Кристенсена и М. Корды, которые ежегодно публикуют данные о состоянии ядерных арсеналов государств-обладателей атомного оружия, на 2022 г. для США эта цифра составляла 200 боезарядов,[303] а для РФ – более 1900.[304] Попытка установить одинаковые уровни по нестратегическим ядерным боезарядам, совершенно очевидно, будет воспринята в РФ как «одностороннее разоружение», что вряд ли найдет поддержку как у военно-политического руководства, так и у влиятельных групп (включая силовые структуры) внутри страны. Как представляется, разрешить эту проблему практически невозможно даже при максимальном использовании механизма санкций – будь то угроза их усиления, или же обещания снять уже наложенные санкции в обмен на согласие России вступить в отдельные переговоры по нестратегическому ядерному оружию.

С этой точки зрения гораздо «проще» инициировать переговоры по установлению единого уровня стратегических и нестратегических ядерных боезарядов сторон, поскольку «стартовые позиции» для таких переговоров у них примерно одинаковы – 5428 боезарядов для США и 5977 для РФ по данным тех же Г. Кристенсена и М. Корды. Но это, как уже говорилось выше, потребует весьма значительного времени (которое исчисляется годами) и усилий.

---

[303] Hans M. Kristensen, Matt Korda. Nuclear Notebook: How many nuclear weapons does the United States have in 2022? May 10, 2022. [Электронный ресурс] // Bulletin of the Atomic Scientists [Официальный сайт]. URL: https://thebulletin.org/premium/2022-05/nuclear-notebook-how-many-nuclear-weapons-does-the-united-states-have-in-2022/ (дата обращения: 20.11.2022).

[304] Hans M. Kristensen, Matt Korda. Nuclear Notebook: How many nuclear weapons does Russia have in 2022? February 23, 2022. [Электронный ресурс] // Bulletin of the Atomic Scientists [Официальный сайт]. URL: https://thebulletin.org/premium/2022-02/nuclear-notebook-how-many-nuclear-weapons-does-russia-have-in-2022/ (дата обращения: 20.11.2022).

Таким образом, можно констатировать, что «хорошего» решения для установления контроля над всеми ядерными вооружениями России и США не существует. С практической точки зрения возможно в достаточно приемлемые сроки несколько «модернизировать» действующий Договор СНВ-3 и вернуться к полному запрету на ракеты средней и меньшей дальности, заключив соответствующие двухсторонние соглашения между РФ и США. Для смягчения напряженности в сфере нестратегического ядерного оружия, возможно рассмотреть вариант односторонних обязательств и односторонних действий, что не предусматривало бы соответствующих юридических обязательств, но способствовало бы установлению режима большей предсказуемости и доверия между двумя странами. В этом контексте фактор снятия санкций, наложенных на РФ в результате Украинского кризиса, мог бы сыграть дополнительную стимулирующую роль.

Выводы

Проблема «ядерного ноля» - полного уничтожения ядерного оружия в глобальном масштабе, - продолжает играть важную символическую роль в мировой политике. Несмотря на то, что большинство руководителей ведущих ядерных государств полностью осознают, что в практическом плане в обозримом будущем эта цель явно недостижима, они активно используют лозунг о всеобщем ядерном разоружении как конечной цели процесса контроля над ядерными вооружениями. В указанной связи можно утверждать, что и в дальнейшем данная идея будет оказывать определенное влияние на подходы государств к проблеме безопасности, выполняя, наряду с прочим, функцию сдерживания гонки ядерных вооружений.

Что касается будущих переговоров по контролю над ядерными вооружениями, то в позициях, как США, так и России, можно выявить явные расхождения. Так, Соединенные Штаты, скорее всего, будут настаивать на учете в новом соглашении всех ядерных вооружений сторон, а Россия – систем противоракетной обороны, высокоточного оружия и других факторов,

оказывающих влияние на стратегическую стабильность. При этом стороны вряд ли будут ставить условием новых переговоров присоединение к ним других ядерных держав, хотя в случае прихода к власти в США республиканской администрации в 2025 г., возврат к прежней политике Д. Трампа в отношении необходимости привлечения Китая к таким переговорам, вполне вероятен.

Одним из последствий Украинского кризиса может стать попытка со стороны США продвижения своей позиции на переговорах с позиции силы. Для этого ими может активно использоваться фактор санкций, наложенных на Россию. Удастся ли России устоять перед таким давлением – вопрос остается открытым. Но в любом случае при выработке собственной политики в отношении контроля над вооружениями российское руководство может исходить из того, что США, скорее всего, будут заинтересованы в будущем договоре гораздо в большей степени, чем РФ.

Заключение

Проведенное исследование проблем, связанных с ограничением ядерных вооружений в российско-американских (ранее – советско-американских) отношениях, позволяет сделать ряд выводов в соответствии с поставленной целью и задачами настоящей диссертационной работы. Так, сформировавшееся с конца 1960-х гг. обоюдное понимание проблемы обеспечения стратегической стабильности как «производной» от ядерного сдерживания постепенно стала оказывать все большее влияние на политику в сфере развития ядерных вооружений. Во второй половине 1980-х годов это понимание нашло свое отражение в советско-американских документах. Для России укрепление стратегической стабильности является непременным условием продолжения диалога по вопросам безопасности и разоружения. Об этом неоднократно заявляло высшее военно-политическое руководство страны; само понятие «стратегическая стабильность» присутствует в важнейших документах Российской Федерации, связанных с обеспечением национальной безопасности страны.

При этом особое внимание уделяется как «традиционным», так и новым факторам, которые могут повлиять на стратегическую стабильность. А именно, проблеме противоракетной обороны, космических вооружений и высокоточных стратегических систем оружия. На важность учета этих факторов, влияющих на стратегическую стабильность, указывает подавляющее большинство российских военных и гражданских экспертов. Экспертное сообщество РФ в целом склоняется к мнению, что проблемы, связанные с «новым видением» стратегической стабильности, предпочтительнее решать путем переговоров и даже односторонних действий в названных областях, укрепляющих режим транспарентности в военной сфере. Открытость программ и планов в вопросах создания, разработки,

испытаний и планов по развертыванию новых систем оружия поможет избежать дорогостоящей гонки вооружений и усиления конфронтации, прежде всего, с США.

После подписания в 2010 г. российско-американского Договора СНВ-3 происходит постепенный слом той системы международной безопасности, во многом за счет действий США, которая выстраивалась сторонами, начиная со второй половины 1980-х годов. На смену достигнутым соглашениям ничего конкретного не пришло; кроме того, существующие договоренности резко ослабили свой стабилизирующий эффект. В целом все это свидетельствует о глубоком кризисе, поразившем всю систему международной безопасности, базировавшуюся на международных договорах и соглашениях.

Не существует ясности и в вопросе о том, какие конкретно вооружения могут стать предметом переговоров. Нет полной ясности в вопросах о том, как предполагается решить проблему ПРО, космических вооружений и высокоточного оружия, и согласны ли стороны вообще обсуждать эти вопросы и увязывать их с договоренностями по ядерным вооружениям. По мнению автора, единственной реальной возможностью достичь соглашения по этим вопросам – это договориться о наложении ограничений на наступательные стратегические вооружения в неядерном оснащении. По остальным же вопросам, особенно по «космическим вооружениям», заключение какого-либо юридически обязывающего соглашения крайне маловероятно.

Отдельно можно выделить проблему проверки и контроля за выполнением принятых на себя обязательств. Такая система разработана и согласована только применительно к стратегическим наступательным вооружениям России и США. Но если круг переговорщиков будет расширен, нет никаких гарантий того, что названная система будет принята и другими возможными участниками будущих переговоров, что резко осложнит достижение нового соглашения.

Такое же осложнение ожидает стороны в случае, если они даже договорятся о контроле над всеми ядерными вооружениями, включая

нестратегическое ядерное оружие. По мнению автора, даже если Россия и США договорятся о включении в «переговорный пакет» всех ядерных вооружений сторон, то выработка только системы контроля такого соглашения займет несколько лет и без серьезных шансов на успех. Гораздо легче в техническом плане было бы контролировать обязательства сторон о полной ликвидации накопленных запасов ядерного оружия, но вопрос о «глобальном ноле» на повестке дня международных отношений вообще пока не стоит. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что ни одна из ядерных держав («официальных» или «неофициальных») не подписала Договор о запрещении ядерного оружия.

Украинский кризис, конфронтационная политика США и их союзников еще больше осложнили проблему достижения новых договоренностей по контролю над ядерными вооружениями. Соединенные Штаты явно планируют провести их с позиции силы, активно используя фактор санкций для достижения поставленных ими целей. При этом нет никаких гарантий того, что озабоченности России в отношении ряда факторов, влияющих на стратегическую стабильность, будут учтены американской стороной хоть в каком-либо виде.

Несмотря на общий пессимизм по поводу перспектив реализации новых шагов в области ядерного разоружения, автор все же считает, что в обозримом будущем контроль над ядерными вооружениями имеет шансы не уйти полностью из повестки дня российско-американских отношений. В пользу такого вывода свидетельствуют, как минимум, три факта. Первый – это явная заинтересованность и США, и России в сохранении и продолжении договорных отношений в рассматриваемой области. Эта заинтересованность неоднократно подтверждалась сторонами на самом высоком уровне. Поэтому если к 2026 году, сроку окончания действия Договора СНВ-3, вступить в новые переговоры не удастся, то вполне вероятен вариант принятия «модифицированного» соглашения на базе этого Договора. Такой договор может содержать несколько пониженные уровни разрешенных стратегических

вооружений (носителей и боезарядов) с сохранением всех остальных положений действующего Договора. Также возможно включение в это соглашение некоторых новых систем стратегических вооружений, появившихся в последние годы.

Второй аргумент в пользу сохранения режима контроля над ядерными вооружениями в российско-американских отношениях заключается в том, что в сложившихся международных условиях консультации и переговоры по ядерному разоружению остаются чуть ли не единственным постоянно действующим форумом контактов высокого уровня между сторонами. И если во многих других сферах такие контакты были прерваны или резко ослаблены в силу, прежде всего, наложенных на Россию санкций и вызванных ими ответных санкций со стороны РФ, поддержание контактов по линии контроля над вооружениями приобретает гораздо большее значение, чем «просто» попытка решить проблему безопасности.

Наконец, третий аргумент в пользу продолжения политики контроля над вооружениями заключается в том, что такая политика способствует сохранению режима открытости и предсказуемости в отношениях двух великих ядерных держав, по крайней мере, в сфере стратегических наступательных вооружений. Отсутствие такой предсказуемости, как показывает исторический опыт, неизбежно ведет к усилению неконтролируемой гонки вооружений, росту и без того высокой подозрительности между сторонами, во многом бессмысленному наращиванию ядерных арсеналов, непродуктивному расходованию огромных финансовых средств и ресурсов, не говоря уже о целом ряде других негативных последствий. При этом, что представляется вполне очевидным, сторонам все равно рано или поздно придется сесть за стол переговоров и решать накопившиеся проблемы единственно возможным путем – заключением новых соглашений в сфере безопасности и разоружения, включая контроль над ядерными вооружениями.

Библиография

Официальные документы

1. «Материалы XXVII съезда КПСС». Москва, 1986, с. 64.
2. «Ради мира на Земле. Советская программа мира для 80-х годов в действии». Материалы и документы. – Москва, 1983. – С. 186-187.
3. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/461 (дата обращения:12.04.2022).
4. Временное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединёнными Штатами Америки о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt (дата обращения: 06.04.2023).
5. Декларация о стратегических рамках российско-американских отношений. Принята в Сочи 6 апреля 2008 года по итогам российско-американских переговоров. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/3964/print (дата обращения 21.01.2021).
6. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/supplement/512 (дата обращения: 06.04.2023).
7. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 3 января 1993 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/dogovor.htm (дата обращения: 06.04.2023).
8. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 26 мая 1972 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs-abm.htm. (дата обращения: 06.04.2023).

9. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. 8 декабря 1987 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
10. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 31 июля 1991 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 01.11.2021).
11. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных вооружений. 18 июня 1979 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt (дата обращения: 01.04.2023).
12. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, 8 декабря 1987 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 22.10.2022).
13. Договор о нераспространении ядерного оружия. 1968 г. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 19.03.2021).
14. Договор по открытому небу, 24 марта 1992 г. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/d/e/14131.pdf (дата обращения 04.04.2022).
15. Манифест Рассела–Эйнштейна. 1955 г. [Электронный ресурс] // Российский Пагуошский комитет. [Официальный сайт]. URL: http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html (дата обращения: 20.03.2021).
16. Меморандум о договоренности об установлении исходных данных в связи с Договором между Соединенными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Приложение С. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start1/ishdan.txt (дата обращения: 06.10.2021).

17. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Утверждено Указом Президента РФ 2 июня 2020 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562 (дата обращения: 04.11.2020).
18. Письмо секретаря Госдепартамента США Л. Иглбергера министру иностранных дел РФ А. Козыреву, 29 декабря 1992 г.; Ответ министра иностранных дел А. Козырева секретарю Госдепартамента США Л. Иглбергеру, 29 декабря 1992 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs.htm (дата обращения 21.01.2021).
19. Протокол к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны, 3 июля 1974 г. Сайт Armscontol.ru URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs-abm.htm (дата обращения: 20.10.2022).
20. Протокол об инспекциях к Договору между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. 31 июля 1991 года. [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/missile_prot.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
21. Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и по дальнейшему укреплению стратегической стабильности. Государственный визит Президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая — 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат. С. 197-199.
22. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений. Доклад Комитета советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы. Москва, 1987 г.
23. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утверждена указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400). [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 01.03.2023).
24. Телеграмма поверенного в делах США в СССР Дж. Кеннана государственному секретарю США. Москва. 22 февраля 1946 г. // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003-2004. — С. 32-45.
25. Учреждение Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии [Электронный ресурс] // ООН – Организация Объединенных Наций [Официальный сайт]. URL: https://www.un.org/ru/ga/first/ (дата обращения: 20.08.2022).

26. Федеральный закон «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений», 4 мая 2000 года. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/0506zakon.htm (дата обращения 21.01.2021).
27. Федеральный закон «О ратификации Соглашения о продлении Договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8 апреля 2010 года» от 29 января 2021 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/64949 (дата обращения: 21.09.2021).
28. Цели и программы Соединенных Штатов по национальной безопасности. Меморандум Совета национальной безопасности № 68. Вашингтон. 7 апреля 1950 г. (Директива «СНБ-68»). // Системная история международных отношений в четырех томах. 1918-2003. События и документы / Под ред. А.Д. Богатурова. Том IV (600 с.). М.: НОФМО, 2003-2004. — С. 87-89.
29. Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of Korea. October 1, 1953. [Электронный ресурс] // The Avalon Project [Официальный сайт]. URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/kor001.asp (дата обращения: 09.10.2021).
30. New START Treaty // US Department of State. URL: https://www.state.gov/new-start/ (дата обращения:14.11.2022).
31. New Start Treaty Mythbusters. Fact Sheet. February 3. [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. URL: https://www.state.gov/new-start-treaty-mythbusters/ (дата обращения: 10.04.2021).
32. NSDD-85 & Eliminating the Threat from the Ballistic Missiles. March 25, 1983 [Электронный ресурс] // United States. White House Office. [Официальный сайт]. URL: https://www.hsdl.org/?abstract&did=463005 (дата обращения: 22.09.2021).
33. Nuclear Posture Review Report. April 2010 [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт]. // URL: http://www.defense.gov/News/Special-Reports/NPR (дата обращения: 06.06.2021).
34. Report of the President's Commission on Strategic Forces. April 1983. P. 6. [Электронный ресурс] // ООН – Massachusets Institute of Technology [Официальный сайт]. URL:

http://web.mit.edu/chemistry/deutch/policy/1983-ReportPresCommStrategic.pdf (дата обращения: 10.11.2021).
35. Report to the National Security Council by the Executive Secretary on the National Security Policy. 20 October 1953. [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists [Официальный сайт]. URL: https://irp.fas.org/offdocs/nsc-hst/nsc-162-2.pdf (дата обращения: 14.09.2020).
36. ROK-U.S. Alliance agrees to deploy THAAD. 07.07.2016. [Электронный ресурс] // United States Forces Korea [Официальный сайт]. URL: http://www.usfk.mil/Media/Press-Releases/Article/831166/rok-us- alliance-agrees-to-deploy-thaad/ (дата обращения: 09.08.2021).
37. Successful completion of the Aegis Ballistic Missile Defense (BMD) intercept flight test in Hawaii. Defense Minister's Remarks [Электронный ресурс] // Japan Ministry of Defense [Официальный сайт]. URL: http://www.mod.go.jp/e/about/remarks/2007/press20071217.html (дата обращения: 09.06.2021).
38. The Future of the United Kingdom's Nuclear Deterrent. Presented to Parliament by Secretary of State for Defence and the Secretary of State for Foreign and Common- wealth Affairs by Command for Her Majesty. — December 2006. — Crown Copyright. 2006. — P. 25.
39. The Reykjavik file [Электронный ресурс] // The National Security Archive [Официальный сайт]. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB203/index.htm (дата обращения: 29.09.2021).
40. The Treaty of Mutual Cooperation and Security between the United States and Japan. 1952 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. URL: https://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/q&a/ref/1.html (дата обращения: 09.06.2022).
41. XXII съезд КПСС, 17-31 октября 1961 год. Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1961. — Т. 2. — С. 115 - 116.

Заявления и выступления официальных лиц

42. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачев. 15 января 1986 года. [Электронный ресурс] // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд) [Официальный сайт]. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/file/zayavlenie_msg_15_01_1986.pdf (дата обращения: 29.11.2022).
43. Заявление МИД России о ситуации с продлением ДСНВ. 20.10.2020. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-

/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4395765 (дата обращения: 10.04.2021).

44. Обращение Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева ко Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://old.nasledie.ru/politvne/18_6/article.php?art=15 (дата обращения:17.09.2022).
45. Послание Президента Федеральному Собранию. 01.03.2018. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957 (дата обращения: 10.04.2021).
46. Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений, 21 марта 1997 года. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Официальный сайт]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901857459 (дата обращения 21.01.2021).
47. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху. 5 июня 2019 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5412 (дата обращения: 01.03.2023).
48. Стенограмма обращения Президента Российской Федерации. 24 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт].URL: http://kremlin.ru/events/president/news/67828 (дата обращения: 20.11.2022).
49. Blinken A. (2021) On the Extension of the New START Treaty with the Russian Federation. Press Statement. February 3. [Электронный ресурс] // U.S. Department of State [Официальный сайт]. URL: https://www.state.gov/on-the-extension-of-the-new-start-treaty-with-the-russian-federation/ (дата обращения: 10.04.2021).
50. Bush George. Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. 28 January 1992. URL: https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-before-joint-session-the-congress-the-state-the-union-0 (дата обращения 21.01.2021).
51. Dulles J. F. Speech on the Need for Long-Range Policies. Excerpt on Massive Retaliation. January 12, 1954. [Электронный ресурс] // Inside the Cold War [Официальный сайт].URL: http://insidethecoldwar.org/sites/default/files/documents/Dulles%20Excerpt%20on%20Massive%20Retaliation%20January%2012%2C%201954.pdf (дата обращения: 14.09.2020).
52. George Bush. Address to the Nation on Reducing United States and Soviet Nuclear Weapons. 27 September 1991. [Электронный ресурс] // The American Presidency Project [Официальный сайт]. URL:

https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-the-nation-reducing-united-states-and-soviet-nuclear-weapons (дата обращения: 19.10.2022).

53. Gorbachev Mikhail. Address to the Nation on Reducing and Eliminating Soviet and United States Nuclear Weapons. - 5 October 1991. URL: http://www.fourthfreedom.org/Applications/cms.php?page_id=27 (дата обращения 21.01.2021).
54. Handler Joshua. The September 1991 PNIs and the Elimination, Storing and Security Aspects of TNWs // Presentation for "Time to Control Tactical Nuclear Weapons". Seminar held at the United Nations, New York. - 24 September 2001. URL: https://www.nci.org/01/09/pnitwn.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
55. Remarks by Margaret Beckett, Secretary of State for Foreign and Commonwealth Affairs. 25.06.2007. [Электронный ресурс] // United Kingdom Carnegie International Nonproliferation Conference [Официальный сайт]. URL: http://carnegieendowment.org/2007/06/25/keynote-address-world-free-of-nuclear-weapons-event-1004 (дата обращения: 25.09.2021).
56. Statement by Former President Mikhail Gorbachev // In T. Susiluoto (ed.). Tactical Nuclear Weapons: Time for Control (United Nations Institute for Disarmament Research (UNIDIR), 2002. [Электронный ресурс] // United Nations Institute for Disarmament Research [Официальный сайт]. URL: https://unidir.org/sites/default/files/publication/pdfs/tactical-nuclear-weapons-time-for-control-293.pdf (дата обращения: 19.10.2021).
57. Statement by former Prime Ministers Hong-koo Lee and Sung-joo Han, former Speaker of National Assembly Kwan-young Park, and former Korean War ROK Army Chief of Staff Sun-yup Paik. 22.06.2010. [Электронный ресурс] // Daily NK [Официальный сайт]. URL: http://www.dailynk.com/korean/read.php?cataId=nk00900&num=84683 (дата обращения: 09.10.2021).
58. Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara Before the House Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1969–1973 Defense Program and 1969 Defense Budget. [Электронный ресурс] // The Black Vault Website [Официальный сайт]. URL: http://documents.theblackvault.com/documents/dod/readingroom/10/151.pdf (дата обращения: 27.10.2021).
59. Statement of the Honorable Henry A. Kissinger before the Senate Foreign Relations Committee. 26 May 1999. [Электронный ресурс] // NuclearFiles.org. Project og the Nuclear Age Peace Foundation [Официальный сайт]. URL: http://www.nuclearfiles.org/menu/keyissues/missile-defense/history/kissinger_statement-senate-foreign-relations.htm (дата обращения: 10.08.2021).
60. Yeltsin Boris. Address to the Nation on Russia's Policy in the Field of Arms Limitation and Reduction. 29 January 1992. URL:

http://www.fourthfreedom.org/Applications/cms.php?page_id=27 (дата обращения 21.01.2021).

Монографии

61. Арбатов А.Г. Стратегическая стабильность – оружие и дипломатия. – Москва: Изд-во «Весь Мир», 2021. – 432 с.
62. Кокошин А. А. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. ЛЕНАНД Москва, 2012. 32 с.
63. Кокошин А. А. Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие. ЛКИ Москва, 2008. 208 с.
64. Кокошин А. А. Формирование политики асимметричного ответа на СОИ. Опыт междисциплинарного взаимодействия. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов Санкт-Петербург, 2008. 32 с.
65. Кокошин А.А. Проблемы обеспечения стратегической стабильности: теоретические и прикладные вопросы. Изд. 2, перераб. и сущ. доп. — М.: URSS, 2011. — 464 с.
66. Кокошин А.А. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание в обеспечении национальной безопасности России. — М.: URSS, 2015. — 128 с.
67. Мясников Е. Высокоточное оружие и стратегический баланс. — Долгопрудный: Центр по изучению проблем разоружения при МФТИ, 2000. — 43 с.
68. Ромашкина Н.П. Стратегическая стабильность в современной системе международных отношений. М.: Научная книга, 2008, 288 с.
69. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты Договоров СНВ-1 и СНВ-2. — ИМЭМО РАН Москва, 2000. — 155 с.
70. Фененко А. В. Понятие ядерной стабильности в современной политической теории. КомКнига Москва, 2006. 112 с.

Книги

71. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль XX-XXI вв. Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект-пресс, 2016. — 623 с.
72. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. — 479 с.
73. Батюк В.И. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. / В.И. Батюк, Д.Г. Евстафьев. – М.: Рос. унив. изд-во, 1995. – 253 с.
74. Буренок В.М., Печатнов Ю.А. Стратегическое сдерживание. М.: Издательская группа «Граница», 2011. — 184 с.

75. Веселов В.А., Лисс А.В. Ядерное сдерживание. —М.: МАКС Пресс, 2005. — 256 с.
76. Военная стратегия / Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В. Д. Издание второе, исправленное и дополненное. — М.: Воениздат, 1963. — 504 с.
77. Вопросы обеспечения стратегической стабильности в советско-американских и российско-американских отношениях: теоретические и прикладные аспекты / А.С. Барсенков, В.А. Веселов, В.И. Есин, И.А. Шеремет. — Издательство Московского университета. – Москва, 2019. – 144 с.
78. Вьюненко Н., Макеев Б., Скугарев В. Военно-морской флот: роль, перспективы развития, использование. — Москва, Воениздат, 1988. — 272 с.
79. Дроговоз И.Г. Ракетные войска СССР. Москва, АСТ, 2005. 496 с.
80. Евтиев М.Д. Из истории создания зенитино-ракетного щита России. — М.: Вузовская книга, 2000. — 239 с.
81. Есть ли будущее у контроля над вооружениями? Под ред. С.К. Ознобищева, А.И. Никитина. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013, 279 с.
82. Кокошин А. А. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. ЛЕНАНД Москва, 2012. 32 с.
83. Кокошин А. А. Soviet Strategic Thought. 1918-1991. MIT Press.Cambridge, Mass., London, 1998.
84. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. — Издательская группа URSS Москва, 2013. — 268 с.
85. Кокошин А.А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. — Москва: URSS, 2005. — 72 с.
86. Кокошин А.А., Балуевский Ю.Н., Есин В.И., Шляхтуров А.В. Вопросы эскалации и деэскалации кризисных ситуаций, вооруженных конфликтов и войн. — М., 2021. — 88 с.
87. Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В. Сдерживание во втором ядерном веке. — Институт проблем международной безопасности РАН. – Москва, 2001. — 69 с.
88. Кокошин А.А., Сагдеев Р.З., Васильев А.А. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений. – М.: М., 1989. — 62 с.
89. Контроль над вооружениями в новых военно-политических и технологических условиях / отв. ред. А.Г. Арбатов. М.: ИМЭМО РАН, 2020. 177 с.
90. Косолапов Н.А. Международные отношения и мировое развитие // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — №2. — С. 104-113.

91. Крылов Н.И. Стратегические ракеты. Ядерный век и война. Москва, 1964. — С. 36.
92. Куликов В.Г. «Доктрина защиты мира и социализма». — Москва, Воениздат, 1988. — 94 с.
93. Лебедева М.М. Мировая политика в XXI в: акторы, процессы и проблемы. — М.: МГИМО (У), 2009. — 72 с.
94. Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. Велихов, Кокошин и другие. —М., URSS, 2008. —56 с.
95. Очерки теории и политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев. — М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям 2002. — 380 с.
96. Первов М. Системы ракетно-космической обороны создавались так. Научн. рук. академик РАН А.Н. Савин. Изд. 2-е. — М.: АВИАРУС-XXI, 2004.
97. Реальный суверенитет в современной системе мировой политики / А. А. Кокошин, А. С. Барсенков, О. М. Нарышкина, Е. В. Саворская. — Изд-во Московского университета Москва, 2019. 88 с.
98. Ромашкина Н.П., Марков А.С., Стефанович Д.В. Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии / отв. ред. А.В. Загорский, Н.П. Ромашкина. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 98 с.
99. Россия и дилеммы ядерного разоружения. Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева (2-е изд. перераб. и доп.). – М., ИМЭМО РАН, 2012 (2-е изд. перераб. и доп.). — 290 с.
100. Системная история международных отношений: в 2 т. / Под ред. А.Д. Богатурова. Т.2: События 1945-2003 годов. – М.: Культурная революция, 2006. — 720 с.
101. Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений / А. А. Кокошин, В. А. Акимов, А. Г. Арбатов и др. ИСКАН, 1987.
102. Стратегическая стабильность после холодной войны. Авт. колл.: А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, А.А. Пикаев, С.К. Ознобищев. М., ИМЭМО РАН, 2010. 60 с.
103. Стратегическое ядерное вооружение России / Кол. авторов под редакцией П.Л. Подвига. – М.: ИздАТ, 1998. – 492 с. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: http://www.armscontrol.ru/course/rsf/rsf.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
104. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М.: Аквилон, 2014. — 576 с.
105. Толубко В.Ф. Ракетные войска. – Москва, 1977. – 64 с.
106. Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. — М.: Издательство Аспект-Пресс, 2013. — 573 с.

107. Черток Б.Е. Ракеты и люди. — 2-е изд. — М.: «Машиностроение», 1999. — 416 с.
108. Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М., 2002. — 443 с.
109. Шутов А.Ю. Политические отношения и современный политический процесс. — Изд-во МНЭПУ. – Москва, 1993. — 80 с.
110. Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений. Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. — М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — С. 24.
111. Arbatov A. «Lethal Frontiers. A Soviet View of Nuclear Strategy, Weapons, and Negotiations». — Praeger, 1988. — 313 p.
112. Ball D. Targeting for Strategic Deterrence, London: International Institute for Strategic Studies, 1983. — 46 p.
113. Brodie B. Escalation and the Nuclear Option. Princeton University Press, 1966. – 137 p.
114. Brodie B. The Future of Deterrence in U.S. Strategy. Security Studies Project, University of California, 1968. — 145 p.
115. Brodie B., Dunn F.S., Wolfers A. et al. (eds.). The absolute weapon: Atomic power and world order. Yale University. Institute of International Studies. Harcourt, Brace, 1946. P. 23 – 214 p.
116. Cirincione J. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction / J. Cirincione, J. B.Wolfstal, M. Rajkmar. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. – 465 p.
117. Deterrence. Its past and future / Ed. by G.P. Shultz, S.D. Drell, L.E. Goodby. Stanford: Hoover Institution Press, 2011 — 553 p. [Электронный ресурс] // Hoover Institution, Stanford University [Официальный сайт]. URL: https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/goodby_shultz_-_the_war_that_must_never_be_fought_-_scribd.pdf (дата обращения: 01.03.2023).
118. Fred Kaplan, The Wizards of Armageddon. Stanford: Stanford University Press, 1991. — 460 p.
119. Garthof R. L. The Great Transition: American-Soviet Relations and the End of the Cold War. Washington: Brookings, 1994. — P. 268–271.
120. Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy, 1939-1956. Yale University Press New Haven & London, 1994. — 480 p.
121. Kahn H. On Escalation: Metaphors and Scenarios. New York: Preaeger, 1965. — 690 p.
122. Kahn H. On thermonuclear war. Princeton: Princeton University Press, 1960. — 668 p.
123. Kissinger H. Nuclear Weapons in Foreign Policy. New York: Published for the Council on Foreign Relations by Harper, 1957. — 455 p.

124. Kokoshin A. A. Stability and Change in International Relations. — American Committee on US-Soviet Relations Washington, D.C, 1987. — 17 p.
125. Lakoff S., York H.F. A shield in space? Technology, politics, and the Strategic Defense Initiative. Berkeley: University of California Press, 1989. — 409 p.
126. Morgan P. Deterrence Now. Cambridge University Press, 2003. — 331 p.
127. Nuclear heuristics: Selected writings of Albert and Roberta Wohlstetter / Ed. by R. Zarate, H. Sokolsky. Strategic Studies Institute, 2009. — 679 p
128. Osgood, R. Limited war: the challenge to American strategy / Robert Osgood. - Chicago: University of Chicago Press. 1957 — 315 p.
129. Poole W. S Adapting to Flexible Response, 1960– 1968. - Washington, DC: Office of the Secretary of Defense, 2013. — 267 p.
130. Savelyev A., Detinov N. The Big Five. Arms control decision-making in the Soviet Union. — Westport: Praeger Publishers, 1995. —204 p.
131. Schelling T. The Strategy of Conflict. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. — 328 p.
132. Schelling T.C. Arms and influence. New Haven: Yale University Press, 1967. — 293 p.
133. Schwartz W.A., Derber C. The nuclear seduction. Why the arms race doesn't matter — and what does. Berkeley: University of California Press, 1989. — 294 p.
134. Strategic stability: Contending interpretations / Ed. by E.A. Colby, M.S. Gerson. Strategic Studies Institute and US Army War College, 2013 – 449 p.
135. The absolute weapon: Atomic power and world order / Ed. by B. Brodie, F.S. Dunn, A. Wolfers et al. Yale University. Institute of International Studies. Harcourt: Brace, 1946 – 214 p.
136. Thompson N. The hawk and the dove: Paul Nitze, George Kennan and the history of the Cold War. New York: Henry Holt and Company, 2009. — 416 p.
137. Waltz K.N. Theory of International Politics. N.Y.: McGraw Hill, 1979. — 251 p.

Статьи

138. «X» (George F. Kennan) The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. — 1947. — Vol. 25. No. 4. — P. 566–582.
139. Абен Даурен Абенулы Демонстрация ядерной мощи США и России: начало новой гонки вооружений? // Азия-Европа. – 2018. – № 28, апрель.
140. Арбатов А. Г., Савельев А. Г. Система управления и связи как фактор стратегической стабильности // Мировая экономика и международные отношения, 1988. №12.

141. Арбатов А., Дворкин В. Стратегическая стабильность до и после холодной войны. Мировая экономика и международные отношения, 2011, № 3, сс. 3-11.
142. Арбатов А., Савельев А. Военные доктрины: дискуссии на Востоке // Разоружение и безопасность 1988-1989. — Москва, АПН, 1989. — С. 217-232.
143. Арбатов А.Г. Договор о ракетах средней дальности – 30 лет спустя // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — Т. 61. – № 9. — С. 5-15.
144. Арбатов А.Г. Договор по ПРО и предотвращение гонки вооружений в космосе // Разоружение и Безопасность 1987. Ежегодник. — Москва, АПН, 1988. — С. 75-126.
145. Арбатов А.Г. Проблемы и дилеммы следующего договора СНВ // Мировая экономика и международные отношения. — 2021. — Т. 65. – № 6. — С. 5-20.
146. Арбатов А.Г. Угрозы стратегической стабильности - мнимые и реальные. – Полис. Политические исследования. – 2018. – № 3. – С. 7-29.
147. Багинский К.Е. Текущее состояние и перспективы продления договора СНВ-3 // Вопросы политологии. 2020. С. 2029-2037.
148. Брезкун С. Разоружаться можно только в честном мире. 2009. [Электронный ресурс] // Национальная оборона [Официальный сайт]. URL: http://old.nationaldefense.ru/284/112/index.shtml?id=1934 (дата обращения: 20.10.2021).
149. Веселов В. А. Смена ядерных веков: стратегическая стабильность и контуры нового мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2018. — № 1. — С. 102–141.
150. Веселов В. А. Трансформация стратегический стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2015. — № 3. — С. 23–56.
151. Веселов В. А. Ядерное оружие в xxi в.: политика администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы // Преподавание истории и обществознания в школе. — 2020. — № 7. — С. 49–61.
152. Веселов В.А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2016. — Т. 8. – № 4. — С. 51-84.
153. Веселов В.А. Развитие ядерной стратегии США в начале XXI века // Новая и новейшая история. — 2021. — Т. 65. – № 1. — С. 169–180.
154. Вестник МИД СССР. — № 5, 1988. — С. 16.
155. Гареев М.А. Проблемы стратегического сдерживания в современных условиях // Военная Мысль. — 2009. — № 4. — С. 2-9.

156. Горбачев М.С. Коллапс доверия препятствует движению к безъядерному миру. 07.06.2016. [Электронный ресурс] // International Luxembourg Forum on Preventing Nuclear Catastrophe [Официальный сайт]. URL: https://luxembourgforum.org/press/smi/gorbachev-kollaps-doveriia-prepiatstvuet-dvizhenii/?ysclid=ld36ewge47547975473 (дата обращения: 10.09.2021).
157. Гулин В., Кондырев И. Оборонительная направленность советской военной доктрины // Морской сборник. — 1988. — № 2. — С. 13.
158. Дворкин В.З. Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. – № 8. — С. 5-12.
159. Дворкин В.З. Ядерное сдерживание и Договор СНВ-2 // Ядерное распространение. – 1997. — № 17. – С. 6.
160. Дыгало В. «Дальняя авиация: вчера, сегодня, завтра» в книге «Ракетная мощь России: прошлое и настоящее», Комитет по критическим технологиям и нераспространению, Монтерейский институт международных исследований. Москва, 1996. — С. 82-106.
161. Есин В. И. Влияние технологических факторов на параметры стратегической стабильности и режима контроля над вооружениями // Россия и Америка в XXI веке. — 2016. — № 2.
162. Есин В.И. Американская и российская системы противоракетной обороны и стратегическая стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2017. — № 4. — С. 3–41.
163. Есин В.И. Продление Договора СНВ-3 в контексте ключевых вызовов стратегической стабильности // США & Канада: экономика, политика, культура / USA & Canada: economics, politics, culture. — 2021. — №51(4). — С. 46-53.
164. Есин В.И. Развитие американской и российской систем противоракетной обороны и стратегическая стабильность // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. академика РАН А.А. Кокошина. — Издательство Московского университета. — Москва, 2017. — С. 137–159.
165. Завьялов И. Соревнование между наступательными и оборонительными средствами и его влияние на методы ведения боевых действий // Военная мысль. — 1970. — № 7.
166. Кокошин А. А. Ассиметричный ответ на стратегическую оборонную инициативу как пример стратегического планирования в сфере национальной безопасности // Международная жизнь. — 2007. — № 7. — С. 29.

167. Кокошин А. А. Дебаты в США вокруг планов создания космической противоракетной системы // США И Канада: экономика, политика, культура. — 1983. — № 11.
168. Кокошин А. А. Сокращение ядерных вооружений и стратегическая стабильность // США: экономика, политика, идеология. — 1988. — № 2.
169. Кокошин А. А. Стабильность и перемены в международных отношениях // США: экономика, политика, идеология. — 1987. — № 7.
170. Кокошин А. А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 4. — С. 7–21.
171. Кокошин А. А. Стратегическая стабильность: научно-технические, военные и политические аспекты // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). — 2015. — Т. 85, № 11. — С. 963–970.
172. Кокошин А. А., Арбатов А. Г., Васильев А. А. Ядерное оружие и стратегическая стабильность (статья первая) // США: экономика, политика, идеология. — 1987. — № 9.
173. Кокошин А. А., Арбатов А. Г., Васильев А. А. Ядерное оружие и стратегическая стабильность (статья вторая) // США: экономика, политика, идеология. — 1987. — № 10.
174. Кокошин А. А., Васильева А. А., Герасев М. И. Асимметричный ответ (возможные меры противодействия СОИ) // США: экономика, политика, идеология. — 1987. — № 2.
175. Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. — М.: Политиздат, 1989. — С. 40 - 41.
176. Кокошин А.А. Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. — ЛЕНАНД Москва, 2012. — 32 с.
177. Кокошин А.А. Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание: приоритеты современной эпохи // Вестник Российской академии наук (ранее: Вестник Академии наук СССР). — 2014. — Т. 84. – № 3. — С. 195–205.
178. Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США – Канада: экономика, политика, культура. — 2015. — № 11. — С. 3-22.
179. Кортунов А. Продление СНВ-3: на что можно надеяться, и на что – нельзя // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prodlenie-snv-3-na-chto-mozhno-nadeyatsya-i-na-chto-nelzya/ (дата обращения: 22.05.2022).
180. Макеев. Б. «Морские ракеты» в книге «Ракетная мощь России: прошлое и настоящее», Комитет по критическим технологиям и

нераспространению, Монтерейский институт международных исследований. Москва, 1996. — С. 45-59.
181. Мизин В.И., Орлов А.. Проблемы стратегической стабильности в начале XXI века. – Международная жизнь. – 2019. – № 2. – С. 65-81.
182. Мирошниченко Н. О современной обороне // Военная мысль. — 1972. — № 10.
183. Радчук А. Большая ядерная игра в XXI веке: разоружение или война? // Индекс безопасности. 2010. Т. 16. № 1 (92). С. 21-48.
184. Райнхардт Р. Ядерное разоружение: какова роль Франции? 14.12.2012. [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/yadernoe-razoruzhenie-kakova-rol-frantsii/?sphrase_id=487637 (дата обращения: 15.06.2021).
185. Рузляев Н. «Военные столкновения 21 века» // «Независимое военное обозрение». — 1998. — № 3.
186. Савельев А. Г. Новый договор о стратегических наступательных вооружениях: назад, в будущее или вперед, в прошлое? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2010. — № 2.
187. Савельев А. Г. Переживет ли Договор о РСМД текущий кризис? // Россия в глобальной политике. — 2018.
188. Савельев А. Г. Программа СОИ: угрозы и тупики // Мировая экономика и международные отношения. — 1988. — № 11.
189. Савельев А. Г. Система предупреждения о ракетном нападении и стратегическая стабильность // Мировая экономика и международные отношения. — 2016. — Т. 60, № 12. — С. 40–50.
190. Савельев А. Г. Стратегическая стабильность // Ядерное нераспространение. Энциклопедия. — РОССПЭН Москва, 2009. Стратегическая стабильность.
191. Савельев А. Г. Стратегическая стабильность и ядерное сдерживание: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2015. — № 3. — С. 57–84.
192. Савельев А. Г. Стратегические отношения России и США // Международная жизнь. — 2008. — № 11.
193. Савельев А. Г., Нарышкина (Александрия) О. М. Продление СНВ-3: конец или начало? // Общественные науки и современность. — 2021. — № 2. — С. 7–20.
194. Савельев А. Россия-США: на пороге новой гонки ядерных вооружений // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-ssha-na-poroge-novoy-gonki-yadernykh-vooruzheniy/ (дата обращения:22.10.2021).

195. Савельев А.Г. Договор о ракетах средней и меньшей дальности и стратегическая стабильность // Безопасность и контроль над вооружениями 2017-2018: преодоление разбалансировки международной стабильности / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. — Политическая энциклопедия. – Москва, 2018. — С. 32–40.
196. Савельев А.Г. Предотвращение войны и сдерживание: подходы ОВД и НАТО // Мировая экономика и международные отношения. — 1989. — № 6. — С. 19-29.
197. Савельев А.Г. Уместно ли на троих? О возможных последствиях вовлечения Китая в переговоры по ядерному разоружению // Россия в глобальной политике. — 2020. — № 4. — С. 202-215.
198. Салманов Г.И. Советская военная доктрина и некоторые взгляды на характер войны в защиту социализма // Военная мысль. — 1988. — № 12. — С. 8.
199. Сараджян С. Россия и «глобальный ноль» // Россия в глобальной политике. — 2010. – Т. 8. — №3. [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике [Официальный сайт]. URL: https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-globalnyj-nol/?ysclid=lb2iro67xo655299417 (дата обращения: 29.11.2022).
200. Сивков К., Кучеренко В. СНВ-3 – “американочка с выходом”. Военно-промышленный курьер, 08.07.2020. [Sivkov K., Kucherenko V. START-3 – “American dance with an exit». Voennopromyshlennyi kur’er, 08.07.2020. URL: https://www.vpk-news.ru/articles/57680 (дата обращения: 12.02.2021).
201. Солянова М. Позиции политических элит и экспертного сообщества США по вопросу о продлении договора СНВ-3 // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 2(59). – С. 192-211.
202. Терещатов И.К. Что нас будет защищать? // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». — 2021. — №4.
203. Фазлетдинов И.Р. Вопросы реактивного вооружения (к 75-летию постановления Совета Министров СССР от 13 мая 1946 года) // Военная мысль. — 2021. — №5. [Электронный ресурс] // Военная мысль [Официальный сайт]. URL: https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/319818/ (дата обращения: 08.10.2022).
204. Фененко А. В. Россия и США в сфере международной безопасности: распад стратегического диалога // Россия и США в XXI веке. Особенности отношений / Под ред. Т.А. Шаклеиной. Аспект Пресс Москва, 2020. — С. 91–110.
205. Фененко А.В. Британский синдром. 10.03.2010. [Электронный ресурс] // Независимая газета [Официальный сайт]. URL: https://www.ng.ru/politics/2010-03-10/3_kartblansh.html (дата обращения: 20.09.2021).

206. Фененко А.В. Парадоксы «глобального нуля». 08.11.2012 г. [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [Официальный сайт]. // URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoksy-globalnogo-nulya/?ysclid=ld36d3rfax858216338 (дата обращения: 19.05.2021).
207. Фененко А.В. Проблематика ядерной стабильности в современной зарубежной политологии // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 3. С. 40–53.
208. Фененко А.В. Режим стратегической стабильности в отношениях России и США: поиск компромисса // Ситуационные анализы. Т. 3. — МГИМО-Университет Москва, 2013. С. 151–164.
209. Фененко А.В. Современные концепции ядерного сдерживания // Международные процессы. — 2012. — Т. 10. — № 2. — С. 68 – 87.
210. Фененко А.В. Современные политологические концепции ядерной стабильности // Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ (Под ред. А.А. Кокошина, А.Д. Богатурова). — Эдиториал УРСС Москва, 2005. — С. 257–286.
211. Фененко А.В. Эволюция концепции стратегической стабильности // Обеспечение стратегической стабильности в условиях новых вызовов и угроз: Сборник материалов научного семинара под руководством академика А.А.Кокошина. Ленанд Москва, 2015. С. 18–27.
212. Фененко А.В. Эволюция теории ядерного сдерживания в США в годы холодной войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2020. Т. 13, № 1. С. 111–135.
213. Франция не собирается выполнять предложения Обамы о сокращении ядерного оружия. 21.06.2013. [Электронный ресурс] // Российское атомное сообщество [Официальный сайт]. URL: http://www.atomic-energy.ru/news/2013/06/21/42374 (дата обращения: 11.06.2021).
214. Ярынич В. «Наземные баллистические ракеты» в книге «Ракетная мощь России: прошлое и настоящее». Комитет по критическим технологиям и нераспространению, Монтерейский институт международных исследований. — Москва, 1996.
215. A. Savelyev. China and Nuclear Arms Control. Russia in Global Affairs, No. 3 2020 July/September. [Электронный ресурс] // Russia in global affairs [Официальный сайт]. URL: https://eng.globalaffairs.ru/articles/china-nuclear-arms/ (дата обращения: 26.10.2021).
216. Alexander Savelyev. «Costs of the Soviet Nuclear Programme» в книге «Weapons of Mass Destruction: Costs Versus Benefits", ed. by Kathleen C.Baily. Manohar, 1994.

217. Arbatov A. The Hidden Side of the U.S. – Russian Strategic Confrontation. – Arms Control Today. – 2016. – Vol. 46. – P. 20 – 24.
218. Brodie B. The development of nuclear strategy // International Security. 1978. — Vol. 2. No. 4. — P. 65–83.
219. Davis M.W. Reagan's real reason for SDI. The Hoover Institution, 2000. — 165 p.
220. Gard R., Terryn G. American nuclear strategy: The case for a minimal-deterrence policy. 01.12.2014. [Электронный ресурс] // The National Interest [Официальный сайт]. URL: http://nationalinterest.org/feature/american-nuclear-strategy-the-case-minimal-deterrence-policy-11755 (дата обращения: 06.06.2021).
221. Global Protection Against Limited Strikes (GPALS). [Электронный ресурс] // GlobalSecurity.org [Официальный сайт]. URL: http://www.globalsecurity.org/space/systems/gpals.htm (дата обращения: 13.10.2021).
222. Missile Defense Thirty Years Ago: Déjà Vu All Over Again? National Security Archive Electronic Briefing Book No. 36. Published 18 December 2000. Edited by W/ Burr. [Электронный ресурс] // The National Security Archive [Официальный сайт]. URL: http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB36/ (дата обращения: 08.06.2021).
223. Powell R. Nuclear deterrence theory, nuclear proliferation, and national missile defense // International Security. 2003. Vol. 27. No. 4. P. 86–118.
224. Sagan S. D. Nuclear Alerts and Crisis Management // International Security. 1985. — Vol. 9. — № 4. — P. 99–139.
225. Savelyev A. The BMD Debate in Russia // Ballistic Missile Defense Issues for the Twenty-First Century: From the Cold War to the Second Nuclear Age. — National Institute for Public Policy, November 1996. — P. 115-131
226. Schelling T.C. The future of arms control // Operations Research. 1961. — Vol. 9. No. 5. — P. 722–731.
227. Suri J. America's search for a technological solution to the arms race: The Surprise Attack Conference of 1958 and a challenge for 'Eisenhower Revisionists' // Diplomatic History. 1997. Vol. 21. No. 3. P. 417–451.
228. Tong Zhao. Opportunities for Nuclear Arms Control Engagement With China. January/February, 2020. [Электронный ресурс] // Arms Control Today [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.org/act/2020-01/features/opportunities-nuclear-arms-control-engagement-china (дата обращения:26.10.2021)
229. Trachtenberg D. Should New START Be Extended? RealClear Defense, 25.11.2019. URL: https://www.realcleardefense.com/articles/2019/11/25/should_new_start_be_extended_114866.html (дата обращения: 11.10.2022).

230. Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror (abridged version) // Foreign Affairs. — January 1959. — Vol. 37, No. 2. — P. 211-234.
231. Yost D.S. Strategic stability in the Cold War: Lessons for continuing challenges. IFRI 2011. URL: https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/proliferation-papers/strategic-stability-cold-war-lessons-continuing (дата обращения: 23.10.2021).

Прочие публикации

232. Кургинян С., Бардахчиев Ю., Белых Ю. // Договор СНВ-2: перспективы ратификации. – М.: Корпорация «Экспериментальный творческий центр", 1996. – 97 с.
233. Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений России: дисс. … доктор полит. наук: 23.00.04. — М., 2001. — 359 с.
234. ТУ-95 МС: стратегический ракетоносец // [Электронный ресурс] // ПАО «Туполев» [Официальный сайт]. URL: https://www.tupolev.ru/planes/tu-95ms/ (дата обращения: 08.10.2022).
235. Фененко А.В. Изменение роли ядерного фактора в современных международных отношениях: военно-политические и институциональные аспекты: дисс. … доктор полит. наук: 23.00.04 – М., 2017. [Электронный ресурс] // МГИМО МИД России [Официальный сайт]. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Fenenko_diss.pdf (дата обращения 06.06.2021).

Учебные пособия

236. История международных отношений: Учебник в 3 т. / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: Аспект Пресс, 2012.
237. Лебедева М.М. Мировая политика. Учебник. – М.: Аспект-Пресс, 2002. — 351 с.
238. Международные отношения и мировая политика: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. П.А. Цыганкова. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 290 с.
239. Мельвиль А.Ю. Политология. Учебник (автор концепции, руководитель авторского коллектива и соавтор). – М.: МГИМО(У), Проспект, 2011. — С. 624.
240. Ядерное нераспространение. Учебное пособие для вузов. В 2 т. Т. 1 / Под общ. ред. В.А. Орлова; ред. И.А. Ахтамзян. ПИР-Центр политических исследований. 2-е изд., переработанное и расширенное. — М.: ПИР-Центр, 2002. — С. 278.

СМИ

241. «Путин». Документальный фильм Оливера Стоуна [Электронный ресурс] // Первый канал [Официальный сайт]. URL: https://www.1tv.ru/doc/pro-politiku/putin-dokumentalnyy-film-olivera-stouna-chast-pervaya-smotret-onlayn (дата обращения: 20.07.2021).
242. Ахромеев С. Утверждения Вашингтона и действительные факты // Правда, 1985 год, 19 октября.
243. Бойцов М. Ядерные силы Франции не предназначены для атаки. 22.07.2016. [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение [Официальный сайт]. URL: http://nvo.ng.ru/armament/2016-07-22/1_france.html (дата обращения: 15.06.2021).
244. В Женеве начались переговоры России и США по стратегической стабильности. 28.07.2021 г. [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20210728/stabilnost-1743223033.html (дата обращения: 20.09.2021).
245. В Кремле прокомментировали идею Трампа о ядерном разоружении. 21.01.2017. [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. URL: http://www.interfax.ru/russia/546376 (дата обращения: 22.01.2021).
246. Владимир Путин провел в Сарове «круглый стол» по вопросам национальной безопасности, 24 февраля 2012. [Электронный ресурс] // 1 TV [Официальный сайт]. URL: https://www.1tv.ru/news/2012-02-24/105413-vladimir_putin_provel_v_sarove_kruglyy_stol_po_voprosam_natsionalnoy_bezopasnosti (дата обращения: 04.05.2021).
247. Генштаб РФ: в новом договоре СНВ учтут ядерный потенциал других стран. 08.07.2010. [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20100708/253051888.html (дата обращения: 04.05.2021).
248. Горбачев назвал правильным присуждение Нобелевской премии кампании ICAN. 06.10.2017. [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/science/20171006/1506336785.html (дата обращения: 12.10.2021).
249. Известия, 10 февраля 1988 г.
250. Консультации России и США по стратегической стабильности в Женеве: о чем пойдет речь? 30 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] // ТАСС [Официальный сайт]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12537125?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 18.10.2021).
251. Лавров призвал начать переговоры по договору СНВ-3 [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20180814/1526507424.html (дата обращения: 21.05.2022).

252. МИД РФ: Британия и Франция не готовы включиться в переговоры по стратегической стабильности. 28.07.2021. [Электронный ресурс] // Коммерсант [Официальный сайт]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4919693 (дата обращения: 20.09.2021).
253. Париж и Лондон отклонили предложение Москвы по ядерному вооружению. 19 ноября 2019 г. [Электронный ресурс] // Lenta.ru [Официальный сайт]. URL: https://lenta.ru/news/2019/11/19/nehotim/ (дата обращения: 20.09.2021).
254. Правда, 30 мая 1987 г.
255. Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. От ядерного сдерживания к общей безопасности. 15.10.2010. [Электронный ресурс] // Известия [Официальный сайт]. URL: http://izvestia.ru/news/367072 (дата обращения: 25.05.2021).
256. Путин верит во всеобщее ядерное разоружение. 19.10.2017. // [Электронный ресурс] // Ведомости [Официальный сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/10/19/738651-putin-razoruzheniya (дата обращения: 20.10.2021).
257. Путин отказался «бряцать ядерным оружием». 27.10.2016. [Электронный ресурс] // Интерфакс [Официальный сайт]. URL: http://www.interfax.ru/russia/534505 (дата обращения: 29.06.2021).
258. Путин приказал перевести силы сдерживания в особый режим боевого дежурства [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20220227/putin-1775389742.html (дата обращения: 20.11.2022).
259. Разминочный саммит: как прошла встреча Путина и Трампа в Хельсинки [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. URL: https://www.rbc.ru/politics/16/07/2018/5b4c98d99a794739ea4c2e0a?from=materials_on_subject (дата обращения: 21.05.2022).
260. Россия готова продлить СНВ-3 хоть сегодня, заявил Лавров [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20191210/1562233587.html (дата обращения: 21.05.2022).
261. Саможнев А. Маневры на грани безумия. ВВС Германии отрабатывают сценарий ядерной войны. [Электронный ресурс] // Российская Газета [Официальный сайт]. URL: https://rg.ru/2020/10/15/vvs-germanii-proveli-tajnye-ucheniia-na-sluchaj-iadernoj-vojny.html (дата обращения: 10.04.2021).
262. Сергеев И. Без первого удара // Российская газета. 13 ноября. 2001.
263. США не исключают использование санкций для торга на переговорах по СНВ-3 [Электронный ресурс] // РИА-Новости [Официальный сайт]. URL: https://ria.ru/20220602/sanktsii-1792749478.html (дата обращения: 20.11.2022).
264. Трамп увязал снятие санкций с России с ядерным разоружением. 16.01.2017. [Электронный ресурс] // РБК [Официальный сайт]. URL:

http://www.rbc.ru/politics/16/01/2017/587bf3399a7947691e4791f5 (дата обращения: 17.01.2021).

265. Устинов Д. «Против гонки вооружений и угрозы войны». «Правда», 25 июля 1981 г.

266. Aaron Mehta. Arms control decisions by Trump administration could be ‘imminent.’ Will China be involved? February 26, 2020. [Электронный ресурс] // Defense News [Официальный сайт]. URL: https://www.defensenews.com/pentagon/2020/02/26/arms-control-decisions-by-trump-administration-could-be-imminent-will-china-be-involved/ (дата обращения: 26.10.2021).;

267. China will not join so-called China-U.S.-Russia arms control negotiations: spokesperson. [Электронный ресурс] // ECNS [Официальный сайт]. March 6, 2020. URL: http://www.ecns.cn/news/politics/2020-03-06/detail-ifzuhesu4122041.shtml (дата обращения: 26.10.2021).

268. Deb Riechmann. Trump still hoping for US-Russia-China nuclear arms pact. February 14, 2020. [Электронный ресурс] // Associated Press [Официальный сайт]. URL: https://www.thestar.com/news/world/us/2020/02/14/trump-still-hoping-for-us-russia-china-nuclear-arms-pact.html (дата обращения: 21.07.2021).

269. Gertz B. (2020). Marshall Billingslea says New START fate hangs on China. The Washington Times, May 7. URL: https://m.washingtontimes.com/news/2020/may/7/marshall-billingslea-says-new-start-fate-hangs-chi/ (дата обращения: 17.04.2021).

270. Hans M. Kristensen, Matt Korda. Nuclear Notebook: How many nuclear weapons does the United States have in 2022? May 10, 2022. [Электронный ресурс] // Bulletin of the Atomic Scientists [Официальный сайт]. URL: https://thebulletin.org/premium/2022-05/nuclear-notebook-how-many-nuclear-weapons-does-the-united-states-have-in-2022/ (дата обращения: 20.11.2022).

271. Hans M. Kristensen, Matt Korda. Nuclear Notebook: How many nuclear weapons does Russia have in 2022? February 23, 2022. [Электронный ресурс] // Bulletin of the Atomic Scientists [Официальный сайт]. URL: https://thebulletin.org/premium/2022-02/nuclear-notebook-how-many-nuclear-weapons-does-russia-have-in-2022/ (дата обращения: 20.11.2022).

272. Hurd D., Rifking M., Owen D., Robertson G. Start worrying and learn to ditch the bomb // The Times. 30.06.2008.

273. President Trump Wants to Discuss 'Out of Control' Arms Race With Vladimir Putin [Электронный ресурс] // Time [Официальный сайт]. URL: https://time.com/5207310/donald-trump-vladimir-putin-arms-race/ (дата обращения: 21.05.2022).

274. Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. A world free of nuclear weapons. 04.01.2007. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL:

http://www.wsj.com/articles/SB116787515251566636 (дата обращения: 09.03.2021).

275. Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. Deterrence in the age of nuclear proliferation. 07.03.2011. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703300904576178760530169414 (дата обращения: 16.03.2022)

276. Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. How to protect our nuclear deterrent. 19.01.2010. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.henryakissinger.com/articles/how-to-protect-our-nuclear-deterrent/ (дата обращения: 16.03.2022)

277. Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. Next steps in reducing nuclear risks: The pace of nonproliferation work today doesn't match the urgency of the threat. 06.03.2013. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.henryakissinger.com/articles/next-steps-in-reducing-nuclear-risks/ (дата обращения: 16.03.2021).

278. Schultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. Toward a nuclear-free world. 15.01.2008. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.henryakissinger.com/articles/toward-a-nuclear-free-world/ (дата обращения: 16.03.2022).

279. Track 1.5 China-U.S. strategic nuclear dialogue. 13.11.2009. [Электронный ресурс] // Wikileaks [Официальный сайт]. URL: https://wikileaks.org/plusd/cables/09BEIJING3097_a.html (дата обращения: 04.07.2021).

280. Trump calls for arms control with Russia and China in Putin call. May 7, 2020. [Электронный ресурс] // Reuters. World News [Официальный сайт]. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-trump-russia/trump-stresses-desire-for-arms-control-with-russia-china-in-putin-call-idUSKBN22J2GT (дата обращения: 26.10.2021).

281. U.S. Ambassador to Russia John Sullivan: This is time to work together with Russia to overcome common enemy coronavirus [Электронный ресурс] // Interfax [Официальный сайт]. URL: https://interfax.com/newsroom/exclusive-interviews/68608/ (дата обращения: 22.05.2022).

282. US invites China for talks on nuclear arms. December 20, 2019. [Электронный ресурс] // The Wall Street Journal [Официальный сайт]. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-invites-china-for-talks-on-nuclear-arms-11576890374 (дата обращения: 26.10.2021).

Материалы исследовательских центров

283. Арбатов А. Договор СНВ-2 как средство контроля над вооружениями и его стратегическое значение // Договор СНВ-2: перспективы ратификации. – М.: Московский центр Карнеги, 1995. – 94 с.
284. Арбатов А.Г. Роль ядерного сдерживания в стратегической стабильности. Гарантия или угроза. 29.01.2019. [Электронный ресурс] // Московский Центр Карнеги [Официальный сайт]. URL: https://carnegie.ru/2019/01/28/ru-pub-78209 (дата обращения: 25.10.2022).
285. Корин И. Ядерные инициативы президентов: альтернативная модель контроля над вооружениями // Центр изучения проблем нераспространения (ЦИПН) при Монтерейском институте международных исследований для Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI). Март 2004. [Электронный ресурс] // Nuclear Threat Initiative [Официальный сайт]. URL: http://www.nti.org/i_russian/i_e3_30.html#4 (дата обращения: 19.10.2021).
286. Макеев Б. Военно-морские аспекты национальной безопасности России. Комитет по критическим технологиям и нераспространению. — Москва, 1997. — С. 28.
287. Мясников Е. О взаимосвязи стратегических ядерных и неядерных вооружений в новом договоре СНВ. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт].URL: http://www.armscontrol.ru/pubs/em071610.htm (дата обращения: 10.04.2021).
288. Назаркин Ю. Договор СНВ-2: за и против // Договор СНВ-2: перспективы ратификации. – М.: Московский центр Карнеги, 1995. – 87 с.
289. Стратегические ядерные силы СССР и России. [Электронный ресурс] // Центр по изучению проблем контроля над вооружениями, энергетики и экологии [Официальный сайт]. URL: https://www.armscontrol.ru/course/rsf/p6.htm (дата обращения: 12.10.2021).
290. Cochran T., Arkin W., Norris R., Sands J. // «Nuclear Weapons Databook». Harper & Row, 1989. — Vol. IV. —P.5-25.
291. From counterforce to minimal deterrence – a new nuclear policy on the path toward eliminating nuclear weapons [Электронный ресурс] // Federation of American Scientists [Официальный сайт]. URL: https://fas.org/pubs/_pages/occ_pap7.html (дата обращения: 08.09.2021).
292. Geller P. New START: The U. S. Should Not Extend the Dangerously Flawed Treaty for Five More Years. The Heritage Foundation, March 5, 2020. URL: https://www.heritage.org/defense/report/new-start-the-us-should-not-extend-the-dangerously-flawed-treaty-five-more-years (дата обращения: 10.10.2022).

293. General Lee Butler, USAF (Retired). National Press club remarks. 04.12.1996 [Электронный ресурс] // The Nuclear Weapon Archive [Официальный сайт]. URL: http://nuclearweaponarchive.org/News/Butlpress.txt (дата обращения: 22.06.2021).
294. Kim R. Basic deterrence on strategic defense. The Heritage Foundation. Backgrounder No. 621. On National Security and Defense. 1987.
295. Managing nuclear operations / Ed. by A.B. Carter, J.D. Steinbruner, C.A. Zraket. Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1987.
296. Medalia J.E. The MX basing debate: The Reagan Plan and alternatives. The Library of Congress. Congressional Research Service, 1981. — 22 p.

Материалы официальных сайтов:

297. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации Сергея Лаврова на Московской конференции по нераспространению «Внешнеполитические приоритеты Российской Федерации в сфере контроля над вооружениями и нераспространения в контексте изменений в глобальной архитектуре безопасности». Министерство иностранных дел Российской Федерации. 8 ноября 2019 года. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3891674 (дата обращения: 28.11.2021).
298. Государственный визит в Соединенные Штаты, 7-16 ноября 2001 года. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/events/president/trips/45476 (дата обращения 21.01.2021).
299. Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Нидерландов Яном Петером Балкененде по итогам российско-нидерландских переговоров. 20 июня 2009. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/4521 (дата обращения 25.01.2021).
300. Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. 6 июля 2009. [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. URL: http://www.special.kremlin.ru/supplement/36 (дата обращения 25.01.2021).
301. Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang’s Regular Press Conference on May 6, 2019. [Электронный ресурс] // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China [Официальный сайт]. URL:

https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2511_665403/t1661163.shtml (дата обращения: 26.10.2021)

302. Remarks by President Barack Obama. Prague, 05.04.2009. [Электронный ресурс] // The White House [Официальный сайт]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered (дата обращения: 23.01.2021).

303. U.S. Successfully Conducts SM-3 Block IIA Intercept Test Against an Intercontinental Ballistic Missile Target. 17.11.2020. [Электронный ресурс] // U.S. Department of Defense [Официальный сайт].URL: https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2417334/us-successfully-conducts-sm-3-block-iia-intercept-test-against-an-intercontinen/ (дата обращения: 10.04.2021).

Список сокращений и аббревиатур

АСУ - автоматизированная система управления
БРПЛ - баллистическая ракета подводных лодок
ВВС - военно-воздушные силы
ВМС - военно-морские силы (США)
ВМФ - военно-морской флот (СССР и Россия)
ВС - вооруженные силы
ВТО - высокоточное оружие
ГЗОУ - глобальная защита против ограниченных ударов
ДНЯО - Договор о нераспространении ядерного оружия
КРВБ - крылатая ракета воздушного базирования
КРМБ - крылатая ракета морского базирования
КРНБ - крылатая ракета наземного базирования
МБР - межконтинентальная баллистическая ракета
МО - Министерство обороны
ОСВ - ограничение стратегических вооружений
ОТР - оперативно-тактическая ракета
ПВО - противовоздушная оборона
ПЛАРБ - атомная подводная лодка с баллистическими ракетами
ПЛО - противолодочная оборона
ПРО - противоракетная оборона
ПУ - пусковая установка
РВСН - Ракетные войска стратегического назначения
РГЧ - разделяющаяся головная часть
РПКСН - ракетный подводный крейсер стратегического назначения
РСД - ракета средней дальности
РСМД - ракеты средней и меньшей дальности
СНВ - стратегические наступательные вооружения

СОИ - стратегическая оборонная инициатива

СТАРТ - переговоры по сокращению стратегических вооружений

СЯС - стратегические ядерные силы

ТБ - тяжелый бомбардировщик

УКВ - ударные космические вооружения

ШПУ - шахтная пусковая установка

ЯКВ - ядерные и космические вооружения